

*Альманах издан при поддержке
народного депутата Украины
Сергея Рафаиловича Гриневецкого*

Асоціація європейської культури
«Золота акація»

***ПІВДЕННИЙ ЗАХІД.
ОДЕСИКА***

**ІСТОРИКО-КРАЄЗНАВЧИЙ
НАУКОВИЙ АЛЬМАНАХ**

ВИПУСК 15

Одеса
«Друкарський дім»
2013

Ассоциация европейской культуры
«Золотая акация»

***ЮГО-ЗАПАД.
ОДЕССИКА***

**ИСТОРИКО-КРАЕВЕДЧЕСКИЙ
НАУЧНЫЙ АЛЬМАНАХ**

ВЫПУСК 15

Одесса
«Печатный дом»
2013

УДК 930.152.066

ББК 84(4Укр=Рус)6-50д

Ю 16

Главный редактор: **Савченко В. А.**, кандидат исторических наук, доцент, писатель.

Редакционная коллегия:

Бажан О.Г., кандидат исторических наук, старший науковий співробітник Інституту історії України НАН України (м. Київ)

Гонтар А. В., доктор исторических наук, профессор;

Гончарук Т.Г., доктор исторических наук, доцент;

Демин О. Б., доктор исторических наук, профессор;

Добролюбский А. О., доктор исторических наук, профессор;

Михайлуца Н. И., доктор исторических наук, профессор;

Урсу Д. П., доктор исторических наук, профессор;

Цвилюк С. А., доктор исторических наук, профессор;

Хмарекский В. М., доктор исторических наук, профессор.

Рецензент:

доктор исторических наук, профессор **Д. Б. Яневский** (Киев).

Контактный телефон редакции и секции «Одессика» Одесского Дома ученых: 050 – 3922731

Південний захід. Одессика.

Ю 16 Історико-краєзнавчий науковий альманах. – Вип. 15.

– Одеса: Друкарський дім, 2013. – 268 с.

ISBN 978-966-389-291-8

На 1-й странице обложки – Площадь Карла Маркса (Потемкинцев, Екатерининская) в 1930-гг.

На 4-й странице обложки – Въезд в Одессу с Николаевской дороги. 1950-е гг.

ISBN 978-966-389-291-8

© Савченко В. А., составитель, 2013

Содержание

Вступне слово С. Гриневецького 7

ОДЕССКИЕ ДРЕВНОСТИ

Гончарук Т. О.Ф. Ланжерон та Одеса: до питання про вплив на історію міста визначного градоначальника та генерал-губернатора 9

Новікова Л. До питання про значення та особливості хресного ходу на честь так званого заснування м. Одеси у XIX ст. (з публікацією програми церковного святкування, 1894 р.) 23

Савченко В. Махаевский «Союз непримиримых» и создание первой анархистской группы в Одессе (1903 – 1904 гг.) 43

СТЕПИ ЛУКОМОРЬЯ

Подкупко Т. До історії козацтва на теренах Одещини (XVII–XIX ст.) 66

Котляр Ю. (Миколаїв). Отамани Лихо в українському повстанстві. 74

КРАЙ В ЕПОХУ ДИКТАТУР

Левченко В. Наукова комунікація в Одесі 1917–1944 рр.: ресурс розвитку освіти та науки. 87

Бажан О., Михайлуца М. Історичне джерело на службі політики (Наслідки румунського окупаційного режиму на теренах України у документах радянських спецслужб) 106

ОДЕССА НАШЕГО ПОКОЛЕНИЯ

Урсу Д. Генетика в Одессе: возрождение науки (1965-1991) 126

Филипенко А. Одесская область на рубеже XX-XXI столетий. Часть третья. 170

ЛИЦА ЗЕМЛЯКОВ

Бачинська О. Одеський період Федора Андрійовича Щербини . 178

Музичко О. Одесский период карьеры профессора Ивана Ивановича Иванова: консерватор против революционного хаоса	191
Синюгин Ю. Родство и семейство «Козьмы Пруткова»	206
Верховецка М. Василь Григорович Кричевський в Одесі.	227
Васильев К. Лидер русской гигиенической школы Григорий Витальевич Хлопин (1863-1929): одесский период жизни и деятельности.	236

КНИЖНАЯ ПОЛКА КРАЕВЕДА

Бутов М. (Москва) «Жемчужина у моря» на просвет. Отзыв на книгу В. Савченко «Неофициальная Одесса эпохи НЭПа 1921 – 1929». – М., 2012	258
--	-----

Некролог

Гонтар Олександр Васильович (1934 – 2012)	262
--	-----

ДОРОГИЕ ДРУЗЬЯ!

У вас в руках 15-й номер альманаха «Одессика. Юго-Запад». Каждый выход этого журнала — событие в культурной и научной жизни нашего региона.

То, что альманах выходит уже седьмой год подряд, вопреки политическим и экономическим кризисам, служит подтверждением тому, что усердие, труд и воля способны преодолеть любые препятствия.

С каждым номером шире становится круг авторов журнала, его тематика. Особый интерес вызывают тематические статьи, посвященные тем или иным юбилейным датам. И что приятно, что эти исследования находят своего благодарного читателя.

Одесские историки не могут пожаловаться на недостаток материалов. Многие из них находятся не только в отечественных архивах, но и архивах других стран — России, Молдовы и даже Франции. Они ждут своего первооткрывателя. Практически неисследованным остается и пласт так называемой «живой истории», воспоминаний современников, рядовых участников событий, замечания о повседневной жизни одесситов. Поэтому я уверен, что и в дальнейшем выпуски альманаха «Одессика. Юго-Запад» останутся столь же насыщенными и интересными.

Желаю всем авторам и читателям альманаха здоровья, успехов, новых творческих свершений!

*Народный депутат Украины
Сергей Гриневецкий*

ОДЕССКИЕ ДРЕВНОСТИ

Гончарук Т.Г.

*Доктор історичних наук,
професор кафедри історії України
історичного факультету ОНУ і. І. І. Мечникова*

***О. ЛАНЖЕРОН ТА ОДЕСА: ДО ПИТАННЯ ПРО
ВПЛИВ НА ІСТОРІЮ МІСТА ВИЗНАЧНОГО
ГРАДОНАЧАЛЬНИКА ТА ГЕНЕРАЛ-ГУБЕРНАТОРА***

До 250-річчя з дня народження О. Ф. Ланжерона

У січні 2013 р. виповнюється 250 років з дня народження Олександра Федоровича (Людовика-Олександра-Андро) Ланжерона (1763 – 1831 рр.). Різні аспекти життєвого шляху цього визначного воєначальника та адміністратора вже ґрунтовно вивчалися в історичній та красназавчій літературі. Проте досі немає комплексного дослідження діяльності О. Ланжерона на посадах одеського градоначальника та херсонського військового губернатора (новоросійського генерал-губернатора), в тому числі його ролі як адміністратора в історії Одеси. Тут ми спробуємо звернутися лише до головних аспектів цієї проблематики.

О.Ланжерон був призначений на посаду керівника міста і краю 18 листопада 1815 р. 1 січня 1816 р. він офіційно «вступив в должность» як «херсонский военный губернатор, одесский градоначальник и управляющий гражданской частью в губерниях Екатерининской, Херсонской и таврической и главный начальник Черноморских казачьих войск», змінивши А. Е. Рішельє. Відомо, що чимало аспектів діяльності О. Ланжерона були продовженням починань його попередника та земляка. Передусім це стосується двох найбільших здобутків О. Ланжерона як градоначальника: заснування Рішельєвського ліцею та проголошення одеського порто-франко. Ліцей було засновано далеко не лише за рахунок особистих пожерт-

вувань А.Е. Рішельє та Л. Штігліца. Місцева влада мусила шукати додаткові джерела фінансування для його заснування та утримання. Так, 15 березня 1817 р. указом Сенату цар, «желая преподать способы к прочному устройению в Одессе Лицея для воспитания юношества», наказав на користь цього майбутнього закладу «отныне в продолжении десяти лет, с отпускаемого из Одессы за границу разного рода хлеба, сверх положенной по тарифу пошлины взимать еще по две коп. с половиною серебром с каждой четверти»[2. 105]. Таки чином, добробут Рішельєвського ліцею був поставлений у пряму залежність від розвитку головної галузі одеського товарообміну – експорту українського зерна. Указом від 16 січня 1819 р. вищезгаданий збір на користь ліцею наказано «на том же основании взимать... во все время существования в Одессе порто-франко»[3. 27]. Статут Рішельєвського ліцею було затверджено царем 2 травня 1817 р.[4. 239 – 256]. В управлінні ліцеєм роль одеського градоначальника була чималою. Так четвертий параграф статуту зазначав: «Для управления Лицеем составляется из самих родителей Совет, под председателем Градоначальника Одессы»[4. 378]. На відкритті ліцею 7 січня 1818 р. О. Ланжерон виступив з палкою та дуже оптимістичною промовою. «Одесса, — зокрема, говорив градоначальник, — еще в колыбели своей, является уже городом цветущим, украшенным изящными и многочисленными зданьями, обитаемым 30 тысячами трудолюбивых и промышленных граждан. Одесса видит ныне, что великая часть торговли Европы и Азии, оставив прежние пути свои, несет богатую дань в порт ея, в котором прошлого года веяли флаги более тысячи кораблей иностранных»[5. 405]. Підстави для такого оптимізму у О. Ланжерона були. Внаслідок вигідної кон'юнктури на європейському ринку, експорт зерна сягнув нечуваних розмірів (у 1816 р. з одеського порту було вивезено товарів на суму 37 млн. 700 тисяч крб., а у 1817 р. — на 40 млн. крб.). Такі успіхи посилювали віру у надзвичайне майбутнє Одеси. Однак потім через низку несприятливих обставин одеський екс-

порт суттєво зменшився. Зменшилися і доходи міста. Не зважаючи на надані доходи, для спорудження будинку ліцею (перебудову Гімназії та Шляхетного інституту) місту довелося взяти позику. Адже будівництво, яке протягом 1819 – 1820 рр. здійснив відомий підрядчик Антон Шостак, коштувало чималу суму – 320 000 крб. асигнаціями [6. 11].

Оголошенню Одеси порто-франко передувало відновлення складування в Одесі товарів. Здобуте 1804 р. А.Е. Рішельє, воно передбачало існування в Одесі «вільних складів», які дослідники історії міста охрестили «маленьким порто-франко». Затвердженням царем 15 травня 1816 р. положенням Комітету міністрів: «Утвержденная Высочайшим Его Императорского Величества указом от 5 Марта 1804 года в городе Одессе складка товаров, продолжавшаяся в действии до 5 марта сего 1816 года, возобновлена на том же основании вновь на два года...» [7. 665]. Такий малий термін дії «маленького порто-франко» був цілком виправданий, адже згодом воно мало розростися до розмірів усього міста, після чого будь-які «вільні склади» в ньому втратили б сенс.

Відома думка А. О. Скальковського про те, що ідея порто-франко в Одесі належить А.Е. Рішельє, але О. Ланжерон витягнув її з забуття [8. 266]. 26 січня 1816 р. О. Ланжерон французькою мовою склав для імператора Олександра I записку під назвою «Роздуми щодо звільнення від податей портів Одеси та Феодосії» [9. 69 – 74]. Ця записка була досить схожою, а місцями навіть ідентичною листу Олександрю I «Про Нову Росію», який А.Е. Рішельє написав ще 1814 р. [10. 412 – 421]. Отже, О. Ланжерон тут був далеко не оригінальним, але час для реалізації ідеї А.Е. Рішельє він обрав зручний. Російське керівництво на нетривалий час повірило в корисність ідеї «вільної торгівлі». Тому не надто ґрунтовна пропозиція О. Ланжерона втілилася в підписання знаменитого маніфесту від 16 квітня 1817 р. про надання Одесі на 30 років прав порто-франко. Реалізація цієї ідеї А.Е. Рішельє вимагала не менше зусиль, ніж влаштування Рішельєвського ліцею. Спорудження кордону порто-франко вимагало не лише великих

коштів, але й вирішення досить складних завдань. Це надавало можливості місту й прохати більшої самостійності. Наприклад, 5 червня 1817 р. царем було затверджено положення Комітету міністрів, яке мало безпосереднє відношення до зазначених робіт. «Херсонський военний губернатор, – говорилося у положенні, – просит дозволення Одесскому строительному комитету, в котором он председательствует, заключать контракты по предметам, до устройства Одессы относящимся, свыше 10000 руб., не требуя предварительно от Сената разрешения. Граф Ланжерон изъясняет, что бывают случаи, в которых ждать от Сената разрешения два или три месяца весьма неудобно, например: на починку бурейю подпорченной гавани, на очистку от внезапно сделавшегося засорения, на мощение улиц, и особливо при разных устройствах, предположенных вместе с учреждением в Одессе порто-франко» [11. 371]. Один з урядовців запропонував дозволити одеському будівельному укладати контракти будь-якої вартості, «положив однако же на личную ответственность военного губернатора всякое упущение и убыток, последовать могущие». Врешті міністри вирішили надати одеській владі право затверджувати будівельні контракти вартістю до 50 тис. крб. [11. 372].

Одеське порто-франко почало свою дію 1819 р. (про роботи, які передували цій події, частково говорилося у попередньому номері журналу [12. 109 – 123]). Однак вже протягом першого року свого функціонування одеський «вільний порт» не лише викликав роздратування з боку російських промисловців та митників (зазначені категорії були супротивниками одеської «вільної торгівлі» і пізніше), але й з боку місцевого керівництва. Адже влаштування та утримання кордону порто-франко було вельми обтяжливим для бюджету міста. Тому О. Ланжерон вже 1821 р. особисто доповів про складнощі від запровадження одеського порто-франко царю Олександрю I під час перебування останнього у Вознесенську. Головні недоліки порто-франко, за словами генерал-губернатора, були пов'язані з функціонуванням його кордону («Сколь

ни необходимо было устройство таковой черты, обнесение оной рвом, валом и рогатками, и наблюдение по всему протяжению, 24 версты составляющему, всех строгостей таможенного присмотра, для отвращения непопозволенной торговли; по меры сии, поставляя жителей в одно положение с заграничными, оказались стеснительными для сношений их с окрестными местами к крайнему затруднению переездов как самих их, так и помещиков соседних губерний и даже поселян, приезжающих в город во множестве с своими произведениями и вывозящих из оного разные для них нужные вещи. Сверх того закрытие Лиманов для ловли рыбы и переездов лодками, а зимою для переходов пешим и конным, остановки и досмотры таможенными чиновниками, производимые по их обязанности, возбудили всеобщее неудовольствие» [13. 714]). Як наслідок порто-франко хоч і не було скасовано, але указом від 9 червня 1822р. зазначало чималих обмежень, що втілювалися в ще більші незручності для мешканців міста під час існування кордону у 1823 – 1827 рр. Пізніше генерал-губернатор Михайло Семенович Воронцов усунув деякі з цих незручностей, розширення кордонів порто-франко. Проте прохання М. Воронцова 31 травня 1826 р. «о восстановлении Одесского порто-франко в том виде, который был оному предназначен манифестом 1817 года» успіху не мало [14. 16 – 17]. Повернути права одеського порто-франко в повному обсязі, які свого часу добровільно віддав О. Ланжерон, його М. Воронцову не вдалося.

Підтримавши і навіть ініціювавши обмеження порто-франко, О. Ланжерон виявив себе далеко не таким послідовним прихильником «вільної торгівлі», яким був його попередник А.Е. Рішельє чи наступник М.С. Воронцов. Олександр Федорович безсумнівно був одним з найліберальніших російських воєначальників кінця XVIII – першої чверті XIX ст. Проте його таланти як цивільного начальника деякі історики ставили під сумнів. «Папери Ланжерона характеризують його як винятково військову людину», – відзначала П. Герлігі [15. 120].

Між іншим, О. Ланжерон не завжди міг знайти спільну мову з купецтвом, й у своїх «Спогадах» нерідко зневажливо висловлювався про торговців взагалі і про одеських гендлярів зокрема. Деякі з представників цього прошарку скаржилися на брутальність нового генерал-губернатора, а дехто навіть зазнав від нього суворих покарань (як купець Дмитро Потиліця, засланий Ланжероном без суду разом з сім'єю 1821 р. до Сибіру) [16. 156 – 163]. Р.К. Феденьов та О.П. Якубовський, базуючись на матеріалах Петербурзьких архівів, розглянули скаргу 1819 р. представників одеського купецтва на О. Ланжерона зі звинуваченням останнього в тому, що він обмежує самоврядування, позбавляє громадян наданих ним пільг, а місто – доходів, піддає переслідуванням деяких городян і т. п. [17. 91 – 93]. О. Ланжерон як адміністратор, попри свою ліберальність, іноді явно віддавав перевагу військовим методам управління.

Проте попри ці «нюанси» О. Ланжерону в період поєднання вдалося запровадити в Одесі низку важливих нововведень, які не обмежувалися вищезгаданими заснуванням ліцею та відкриттям порто-франко. Так, указом від 24 жовтня 1819 р. Одеської контори державного Комерційного банку із затвердженням її положень та штату. Указ розпочинався словами: «Находя необходимым открыть в Одессе, как в главнейшем пункте черноморской торговли, Контору Коммерческого банка для пособия купечеству, которого обороты весьма затрудняются от недостатка наличных денег, Мы утвердили... учреждение и штат означенной Конторы» [18. 359]. Для посилення карантинного нагляду указом 18 лютого 1818 р. в Одесі та Таганрозі були створені «гвардионы» або «ластовые экипажи», при тому О.Ланжерон виступив проти їхнього утримання за рахунок спеціального збору з суден, що прибували до Одеси («Херсонский военный губернатор, имея в виду предположение, по которому уже назначаются немалые взыскания с судов иностранных, считает помянутые новые сборы для коммерции обременительными, а просит составить стра-

жу сию для Одесси на полевом положенні из служащих солдат, матросов и рекрут хорошего поведения в числе 900 человек, с содержанием от Военного департамента». — зазначалося у постанові [19. 119].

Не менш важливим було заснування Одеського імператорського ботанічного саду під керівництвом професора Якова Десмета. В указі про його створення від 26 лютого 1820 р. зазначалося, що цар прийняв рішення «рассмотрев предложение... об учреждении, на основании предположения Херсонского военного губернатора, сада на земле городу Одессе принадлежащей, дабы он мог служить к распространению в степных местах Новороссийского края насаждений разных деревьев и растений...» [20. 74]. Також знаковою подією було заснування в Одесі першої газети — франкомовного «Вісника Південної Росії...». Провідна дослідниця історії преси на півдні України І.С. Гребцова саме О. Ланжерона називає одним з ініціаторів та головних творців цієї газети, редактором якої став француз Жан Девалон. Стосовно останнього дослідниця зазначає: «Учитывая довольно высокий уровень образования француза, А. Ф. Ланжерон решил предложить своему соотечественнику издание коммерческой газеты, общее руководство которой оставил за собой» [21. 52 — 53]. Як повідомляв історик М.О. Лернер, саме О. Ланжерон у відповідь на прохання Ж. Девалона 19 листопада 1819 р. звернувся до Міністра поліції з листом, де переконливо обґрунтовував необхідність видання газети в Одесі [22. 11 — 12 (Смесь)].

У цей час О. Ланжерон керував не лише Одесою, але й досить великим краєм (за розмірами його тоді часто порівнювали з Францією). Й тут на Олександра Федоровича були покладені досить складні та, часто, не надто приємні обов'язки. Наприклад, іменним царським указом від 4 травня 1816 р. О. Ланжерону «Об учреждении комиссий в Херсонской и Таврической губерниях для исследования и отвращения разных злоупотреблений» губернатору наказувалося розібратися з цілою низкою зловживань в земельному питанні. Зокрема, в

Таврійські області, де, згідно з твердженням Олександра І, «до полумиллиона десятин продано казенной земли за бесценок», або в Херсонській губернії, де «некоторые помещичьи крестьяне... разорены до такой степени, что никакой собственности не имеют» і т. п. [23. 631]. Тон зазначеного указу свідчить, що в краї, навіть після керівництва такого здібного адміністратора як А.Е. Рішельє, далеко не все було гаразд. 1820 р. О. Ланжерон вніс корективи в традицію, запроваджену за часів А.Е.Рішельє. Як писав К.М. Смольянінов: «По ходатайству графа Ланжерона должность одесского градоначальника отделена от должности херсонского военного губернатора...». 25 травня 1820р. одеським градоначальником було призначено Миколу Яковича Трегубова. О. Ланжерон вважав для себе надто обтяжливим поєднувати керівництво великим краєм та унікальним торговельним містом, що було сповнено шукачами наживи різних націй та звичаїв[24. 227 – 228]. Він залишився лише губернатором. Проте згідно з указами від 10 жовтня 1821 р. «для общей связи в делах торговли и карантинных предосторожностей и удобнейшего надзора за действиями в оных портах наших Черного и Азовского морей» градоначальники одеський, феодосійський, таганрозький та керченікальський підпорядковувалися херсонському військовому губернатору[25. 873]. Відтоді одеський градоначальник опинився так би мовити «в тіні» губернатора, посаду якого невдовзі було перейменовано. Як зазначалося у послужному списку О. Ланжерона, 1822 р. він був «переименован Новороссийским генерал-губернатором, главным попечителем торговли Черного и Азовского морей с подчинением ему градоначальств Одесского, Таганрогского, Феодосийского и Керченского»[1. 378]. Відповідний указ сенату було підписано царем 11 травня 1822 р.[26. 191 – 192].

Отже, О. Ланжерон і після 1820 р. продовжував керувати Одесою. Слід відзначити роль Олександра Федоровича у розбудові міста, адже у цей час: затверджується царем новий план розбудови Одеси, засновується Приморський бульвар –

майбутній центр Одеси, розпочинається підготовка до спорудження самітника А.Е. Рішельє та ін. О. Ланжерон продовжував реформування одеських органів влади. Попри певну неприязнь до представників купецтва О. Ланжерон нерідко виступав як захисник інтересів торговельного стану Одеси. Наприклад, за пропозицією О. Ланжерона, до Одеського комерційного суду 27 червня 1821 р. було додано ще «одного члена из негоциантов по выбору купечества». Як зазначалося у цій постанові, О. Ланжерон вважав: «дабы в делах коммерческих дать суд основательный... находящихся ныне двух членов от негоциантов недостаточно для перевеса голосов против членов от правительства определяемых, коих имеется трое; почему он Военный губернатор, по сведениям от коммерции приобретенных продолжительными плаваниями по океану в Америку и по морю Балтийскому, находит необходимым прибавить в оный суд еще одного члена из негоциантов по выбору от купечества»[27. 756]. Як бачимо, О. Ланжерон віддавав належне компетентності негоціантів. 2 березня 1822 р., за пропозицією О. Ланжерона, затвердженою царем постановою Державної ради, Одеському комерційному суду було дозволено вирішувати справи стосовно контрактів, укладених поза межами Одеси, або осіб, які в Одесі не мешкали, «когда ясно и точно доказано будет, что предмет того иска относится собственно до одесской торговли». Рішення було прийнято у зв'язку зі справою «по жалобе одесского 1-й гильдии купца Рабиновича на помещика Иловайского». Одеський комерційний суд виніс рішення на користь Рабіновича, але Сенат вирішив, що справу слід розглядати не в Одесі, а по місцю проживання Іловайського. О. Ланжерон вважав таке рішення несправедливим й тому на майбутнє дістав дозвіл на розгляд подібних справ в Одесі[28. 378]. Показово, що граф тут віддавав перевагу інтересам одеського купця-єврея перед інтересами поміщика.

Адміністративна діяльність О. Ланжерона як генерал-губернатора завершилася 11 травня 1823 р., коли він був «уво-

лен от всех должностей с сохранением жалованья и столовых денег» [1. 378]. Формальною причиною був названий стан здоров'я, однак сучасні історики вбачають її в невдоволенні столичного керівництва ліберальними проектами графа. Результатами семирічного правління О.Ланжерона в Одесі стали визначні здобутки практично в усіх сферах: торгівлі, освіті та культурі, будівництві тощо.

Заслуги О. Ланжерона перед Одесою, звичайно, не обмежувалися його діяльністю як градоначальника та губернатора. Відомо, що О. Ланжерон був одним з найвпливовіших діячів масонського руху Одеси [29. 61 – 63], благодійником, домовласником, громадянином та патріотом свого міста.

В минулому номері «Південного-Заходу. Одесики» були вміщені кілька документів, пов'язаних з діяльністю О. Ланжерона щодо облаштування першого кордону одеського порто-франко у 1817 – 1819 рр. [12. 117 – 123]. Нижче наведені ще два документи, які стосуються підготовки до реформування порто-франко у 1823 р. Хоча вони не належать О. Ланжерону, але безпосередньо його стосуються. Перший – рішення прийняте на зборах Одеського будівельного комітету та «почетных граждан» міста (в указі царя вони названі «отличнейшими из жителей Одессы» [13. 714]) щодо реформування порто-франко. Під ним – 18 підписів (не всі з них нам вдалося прочитати), серед яких підписи таких відомих діячів, як Іван Павлович Бларамберг, Дмитро Спиридонович Інглезі, Антон Ілліч Шостак, Семен Ілліч Андросов та ін. Подібні збори були яскравим прикладом взаємодії керівництва краю в особі О. Ланжерона з представниками населення Одеси, в тому числі від купецького стану. Другий документ – рапорт М. Трегубова О.Ланжерону з того ж питання. Обидва зазначені документи стали підставою для вищезгаданого звернення О. Ланжерона до царя Олександра I з проханням обмежити кордони одеського порто-франко.

Література:

1. Послужные списки генерал-губернаторов Новороссийского края и Бессарабии // ЗООИД. – 1877. – Т.10.
2. Полное собрание законов Российской империи (далі – ПСЗРИ). – Собр. 1. – Т. 34. – № 26730.
3. ПСЗРИ. – Собр1. – Т. 36. – №27640.
4. ПСЗРИ. – Собр. 1. – Т. 34. – № 26827.
5. Стемповский И.А. О трудах Дюка Ришелье по части управления в полуденной России // Записки Одесского общества истории и древностей (далі – ЗООИД). – 1877. –Т.10.
6. Михневич И. Исторический обзор сорокалетия Ришельевского лицея. – Одесса , 1857.
7. ПСЗРИ. – Собр. 1. – Т. 33. – № 26270.
8. Скальковский А.А. Хронологическое обозрение истории Новороссийского края 1730 – 1723. – Одесса, 1838. – Ч.2.
9. Memoire sur la franchise des ports d’Odessa et de Theodosie a Sa Majeste Imperiale l’Empereur de toutes les Russies de Comte de Langeron // ЗООИД. – 1906. – Т. 26.
10. Сборник Русского исторического общества. – С.Пб.,1886, – Т. 54.
11. ПСЗРИ. – Собр. 1. – Т. 34. – № 26905.
12. Гончарук Т.Г. Кілька розпоряджень місцевої влади щодо облаштування та відкриття першого кордону одеського порто-франко // Південний захід. Одесика. Історико-краєзнавчий науковий альманах. – Вип. 14. – Одеса, 2012.
13. ПСЗРИ. – Собр1. – Т. 37 – №28633.
14. ДАОО. –Ф.1. – Оп. 190 (1826 р.). – Спр. 28. – Арк. 16 – 17.
15. Герлігі П. Одеса. Історія міста, 1794 – 1914. – К., 1999.
16. Гончарук Т., Шершун Т. Документи Державного архіву Одеської області про долю «козака-купця» Дмитра Потилиці // Чорноморська минувшина. Записки Відділу історії козацтва на Півдні України. – Одеса, 2007.
17. Феденьов Р.К. Якубовський О.П. Перші градоначальники Одеси: історичний досвід управління містом.– Одеса, 2002.
18. ПСЗРИ. – Собр1. – Т. 36. – №27950.
19. ПСЗРИ. – Собр1. – Т. 35. – №27279.
20. ПСЗРИ. – Собр1. – Т. 36. – №28168.
21. Гребцова И.С. Периодическая печать в общественном развитии Южного степного региона Российской империи (вторая треть XIX

в.) . – Одесса, 2002.

22. Лернер Н. Первая одесская газета (страничка из истории русской печати) // ЗООИД. – 1901. – Т.23.

23. ПСЗРИ. – Собр. 1. – Т. 33. – № 26254.

24. Соображения графа Ланжерона о необходимости уменьшить обширные пространства генерал-губернаторств // Русская старина. – 1904. – №1.

25. ПСЗРИ. – Собр. 1. – Т. 37 – №28774.

26. ПСЗРИ. – Собр1. – Т. 38 – №29031.

27. ПСЗРИ. – Собр1. – Т. 37 – №28667.

28. ПСЗРИ. – Собр1. – Т. 38. – №28953.

29. Савченко В. Одесса масонская. – Одесса, 2007..

1. Міркування Одеського будівельного комітету та почесних громадян Одеси стосовно зміни кордону порто-франко

12 серпня 1820 р.

(ДАОО. –Ф.2. –Оп.1. –Спр. 41. –Арк.7 – 8).

«Одесский комитет и приглашенными оным почетные граждане Одессы дворяне и всех сословий российских и иностранных негодантов имели общее рассуждение о перемене черты порто-франко о чем Государю Императору докладовано было господином херсонским военным губернатором графом Ланжероном.

Сообразив обстоятельства: 1-е отмер осмотра на черте порто-франко; 2-е затруднения в провозе через нынешнюю черту; 3-е выгоды стороны таможенных наблюдений и прочее признали за способное и выгодное переменить черту и устроить оную вблизи самого города на [...] между города и предместья Молдаванки, отступя смотря по надобности так, чтобы мост в предместье Пересыпи составлял черту порто-франко.

Впрочем, объяснение месторасположений предоставить времени, как постановить, судя по опытам.

Устроение сей новой черты произвести их тех доходов, о коих г. военный губернатор граф Ланжерон представил г-ну Министру внутренних дел.

Нынешние рвы по черте порто-франко оставить предохранением на случай, когда бы вкралась зараза.

Теперешние строения на черте порто-франко продать с публично-го торга в частные руки, придав к ним, судя по надобности и возможности, по некоторому количеству земли, что должно оставаться на рассмотрении местного правительства.

На испрошение Высочайшего сей черты утверждения предоставить Его Сиятельству графу Ланжерону.

Трегубов
к. инспектор [...]
Полковник Потье
ст. сов. И. Бларамберг
подполковник Круг
управляющий таможенной Дитерикс
г. лава Инглези

Михаил Крамарев, поручик А. Шостак, Иван Дестуни, Григорий Маразли, Иван Авчинников, Илья [...], [...], Филипп Лучич, Егор Ралли, Семен Андросов, [...] Попов».

2. Рапорт одесского градоначальника Миколи Трегубова херсонському військовому губернатору Олександру Ланжерону щодо доцільності зміни одеського порто-франко

20 серпня 1820 р.

№3551.

(ДАОО. – Ф.2. – Оп.1. – Спр. 41. – Арк.16, 22 – 24.).

«Ваше Сиятельство имели счастье сами объявить Государю Императору в бытность его в Вознесенске о желании одесских обывателей и о выгоде перевести черту Порто-франко. И изволили испросить высочайшую волю на представление об этом проекта.

По сему поводу я собирал почетных обывателей и горожан, кои по выборам присутствуют в разных Присутственных местах и также приглашал Таможенного округа начальника в строительный комитет, где вместе с членами оного, сделан при сем приложенный приговор, в том чтоб черту Порто-франко испросить перевести к оборонительным казармам, – Которой Вашему Сиятельству честь имею представить вместе с проектом.

Выгоды Новой черты Порто-франко

Выгоды оной пред теперь существующею чертою суть следующие:

1) Таможенные заставы будучи у самого города облегчает надзор стражи по всей черте, и вместо 24 верст, останется оной только около 6 – Следовательно вчетверо сократится стража объездчиков и казаков; первых содержание останется в казне, а последних в пользу Города, поелику лошади кордонных казаков фураж получают в летние месяцы во время подножного корма от Градской Думы. Российские же товары, тогда легко могут быть выпускаемы по проекту Градского Головы

Инглези.

2) На ежегодное содержание нынешней черты, по вычислению будет ежегодно выходить до 50 тыс.: то есть рва, рогаток и двух родов стражи; по сокращению же черты все сие, как выше сказано, стоить будет только 4-ю часть издержек.

3) Заставы тогда будут под глазами окружного начальства и Градская Полиция может тогда быть исправнее в надзоре по ее обязанности.

4) Даже самая таможня тогда переведена быть может к средней городской заставе, называемой *Дюковскою* откуда как на Херсонский так и на Тираспольский тракты есть дороги и могут товары по осмотре при самой черте быть выпущены без пломб. Отпускные же товары морем пропускаться будут как и теперь чрез внутреннюю заставу; которая по исправлении дороги на военную Гавань, должна быть опять тут, где теперь Таможня.

5) Окончательный ров чрез Пересышь который продолжают рыть, будет стоить еще до 50 тыс. и по известному грунту не будет прочен, чрез что и содержание его будет городу стоить больших издержек, да и проводится он чрез дачи и сады некоторых обывателей городских, коим за то надобно удовлетворение; когда же черта будет подвинута, тогда все сии неудобства сами собою уничтожатся. План Города и предполагаемой новой черты Порто-франко при сем прилагается.

6) Для жителей городских, помещиков живущих на хуторах городских и колонистов, выгода от сближении черты та, что не будут объезжать и делать круг до 20 верст и более; ни одна дорога, ни один Лиман не запрется как теперь, что ни рыбу ловить, ни по оному переходить по льду не позволяется, и казаки перестанут делать пустые притязание; словом все будет под глазами.

Черта прикасается кладбища для того, что бы прямо чрез мост в ворота кладбища тела несены были, которое кругом обнесено стеною и будет сии одни только ворота.

Фонтанная застава вновь прибавляется, поелику чрез оную весь город пользуется водою, чрез оную лежит дорога на все приморские дачи и Городской ботанический сад.

План предполагаемый черте Порто-франко при сем прилагается».

*Людмила Новікова,
кандидат історичних наук,
доцент кафедри історії України
історичного факультету ОНУ ім. І. І. Мечнікова*

***ДО ПИТАННЯ ПРО ЗНАЧЕННЯ ТА ОСОБЛИВОСТІ
ХРЕСНОГО ХОДУ НА ЧЕСТЬ ТАК ЗВАНОГО ЗАСНУ-
ВАННЯ М. ОДЕСИ У XIX СТ. (З ПУБЛІКАЦІЄЮ
ПРОГРАМИ ЦЕРКОВНОГО СВЯТКУВАННЯ, 1894 Р.)***

Впровадження православного хресного ходу на честь свята заснування Одеси в так званий «російський» період в історії півдня України відноситься ще до першої половини XIX ст. Хресний хід сприяв об'єднанню православної громади у місті, а також самим фактом свого проведення дозволяв раз у раз всім його жителям згадати про причини та обставини цієї події, пов'язуючи її з кінцем ХУІІІ ст. Водночас заснування хресного ходу мало внести подальші серйозні корективи у загальний образ міста. Формування цього образу (поняття), як і загалом процес формування понять у Російській імперії XIX ст., зокрема, у його першій половині, були детерміновані різними обставинами та факторами. Серед них — поява нових явищ у суспільному житті, що вимагали осмислення та своєрідної «соціалізації» в умовах Російської імперії, а Одеса також відносилася до подібних феноменів. Свою роль у творенні суспільних понять зіграв і раціональний підхід при здійсненні управлінської діяльності, що було одним з наслідків доби Просвітництва.

Сприйняття Одеси в російському суспільстві вже з початку XIX ст. було неоднозначним. Сучасники висловлювали різні судження стосовно того, чи є це місто іноземним, європейським або російським («руським») [1]. Їх, часто не знайомих з побутом торгівельних портових міст, вражали окремі риси міської моралі, присутність мотивацій, визначених гонитвою за прибутком і користю. Зокрема, Гавриїл Гераков писав у 1820-х рр., що в Одесі «держи ухо востро, а то будеш обма-

нут», «не знаю, чому, але мені Одеса дуже не подобається; все що-то не російське і схоже на Ромулов город...» [2. 68 – 69, 77 – 78]. Одеса уявлялася і як місто на кордоні між віршованою європейськістю та неєвропейськістю. Зокрема, Аполлон Скальковський у 1835 р. відзначав, що саме тут проходить «грань, де закінчується наша провінційність та починається європейська освіта» [3. 101 зв.]. Міське населення дивувало її порушенням станової ієрархії, властивої для Російської імперії. Звичайно у цій ієрархії перше місце мало посідати дворянство, тоді як в Одесі ряд авторів відзначали особливу роль купецтва, відсутність або недостатню роль традиційного «суспільства» («общества») [4].

Таким чином, Одеса розглядалася як нове у багатьох відношеннях явище в межах Російської імперії. У сучасних рефлексіях ця новизна часто відзначалася негативним характером – «чуже» місто, що впливало на ставлення не тільки суспільства, але й уряду до Одеси, до питання стосовно необхідності урядової підтримки її існування. Для успішної інтеграції Одеси до традиційного соціуму Російської імперії, – а це було одним з завдань місцевого управління, – не вистачало лояльності цього соціуму по відношенню до міста. Тому місцеве керівництво, в особі Новоросійського генерал-губернатора Михайла Воронцова, усвідомило необхідність створення іншого образу міста у суспільній думці, що відповідав би триєдиній формулі державної лояльності, остаточно сформульованій у 1830-х рр. міністром освіти графом Сергієм Уваровим: самодержавство, православ'я і народність. У вирішенні цієї проблеми генерал-губернатор опирався на підтримку представників міського освіченого суспільства, а також, очевидно, православної церкви. Одним із засобів формування нового образу Одеси мала стати доступна широкому загалу в імперії російськомовна історія міста. Функціональність історичних праць у справі формування патріотизму була декларована у відомій праці Миколи Карамзіна, а отже були можливими й інші ас-

пекти функціональності, зокрема, апологетичний. Тому М. Воронцов охоче підтримував історичні дослідження, практичну діяльність по їх створенню, особисто вів необхідне листування з метою забезпечення видань необхідним картографічним матеріалом та сприяв розповсюдженню праць з історії Новоросійського краю та Одеси, зокрема. Значну роль у створенні російськомовної, доступної читачеві всередині Російської імперії історії і статистики Одеси, зіграв Аполлон Скальковський, який був неофіційним регіональним історіографом. При створенні своїх праць він завжди був перед дилемою: з одного боку, історик намагався відобразити унікальний образ Одеси, що став би об'єднуючим чинником у справі формування міської громади, яка, у свою чергу, мала бути важливим фактором історії Одеси. З іншого боку, історик мав показати це місто як цілком «російське» у контексті згаданої триєдиної формули. З різних джерел відомо, що окремі складові цієї формули, зокрема, православ'я, були внутрішньо близькими самому А. Скальковському, тому офіційні потреби певною мірою відповідали світогляду самого автора.

Обидва завдання історика сприяли формуванню подвійної ідентичності, що впливала (або мала такий потенціал) на розвиток міського патріотизму і формування свідомої міської громади (в обмеженому поняттями доби сенсі) та лояльності й патріотизму загальнодержавного. Друге завдання було не з легких з огляду на поліетнічність міста, на те, що серед його населення був значний відсоток тих, хто не був підданим Російської імперії. Тезу про вірність Одеси «народності» А. Скальковський доводив, зокрема, за допомогою наголошення на корисності для держави іноетнічного елементу, на зосередженні на півдні і в Одесі, зокрема, так званого «одновірного» (православного) населення (греків, болгарів), а також за допомогою стеження за процесом культурної русифікації у місті, що, на його думку, розпочалася з отриманням посади генерал-губернатора М. Воронцовим у 1823 р.

Символічним відображенням єдності принципів триєдиної формули стала інтерпретація А. Скальковським процесу заснування міста Хаджибея-Одеси як міста у «російський» (державний) період в історії Північного Причорномор'я. Свято заснування стало одним з тих суспільних свят та гулянь, які об'єднували городян. Так, Костянтин Зеленецький у 1839 р. згадував про значення так званих «общественных увеселений»: різних свят, театру, «гуляний» в Миському саду, спілкування на дачах, клубів та казино тощо. Внаслідок розуміння об'єднуючої ролі міських святкувань з боку місцевого уряду, в Одесі утворилася унікальна в імперії практика щорічного відзначення свята на честь свого заснування.

А. Скальковський створює метафоричну картину закономірної зміни кількох символічних власників території, на якій розташована Одеса, кількох окремих світів: язичницького з «духом та вірою старого світу», мусульманського та християнського [5, 11], пов'язуючи заснування Одеси з утвердженням на півдні України християнської віри. Персоніфікуючи цю подію, дослідник у своїх перших роботах вказував на те, що мета імператриці Катерини II полягала в заснуванні як торговельного, так і християнського міста [6. 74] (Хаджибею-Одеси) на місці «незначного містечка», «мало важливої турецької фортеці» [7. 12 – 13]. Тільки один раз він зробив відступ від цієї ідеї, коли наприкінці 1830-х рр. у статті «Четыре страницы одесской летописи» початок історії Одеси пов'язав з заснуванням Хаджибею мусульманами [8. 611]. Ця думка, висловлена місцевим істориком через 10 років по завершенню чергової російсько-турецької війни 1828 – 1829 рр., була сприйнята з завуальованою критикою. Пізніше, А. Скальковський фактично вже ніколи не повертався до цієї думки. Можливо, певну роль в цьому зіграло і спілкування з архієпископом Катеринославським, Херсонським і Таврійським (з 1837 р. – Херсонським і Таврійським) Гавриїлом (В. Ф. Розановим), який міг переконати історика у необхідності

дотримання висловленої ним раніше, у 1837 р., концепції, що пов'язувала початок Одеси з присутністю православного митрополита та заснуванням церков. Сам архієпископ Гавриїл вважав, що «оскільки тут [у Новоросійському краї] всі селища починалися початком церков, то таким чином, думаю, коротко, але ясно відкриється поступовий розлив народного поселення» [9. II зв.]. Знаменно, що архієпископ Гавриїл (Розанов) очолив Херсонську й Таврійську єпархію з перебуванням в Одесі якраз у 1837 р., коли історик писав історію м. Одеси, для піднесення імператорській сім'ї. Вона вийшла у цьому ж році під назвою «Первое тридцатилетие истории г. Одессы, 1793-1823».

Вже у своєму першому рукописному творі з історії Одеси (1834 р.) А. Скальковський відніс урочисте заснування міста до червня 1794 р. (можливо, маючи на увазі дату рескриптів Катерини II Й.Дерибасу та П.Зубову (27 травня 1794 р., ст. ст.), вираховану за новим стилем), згадавши при цьому про присутність священика. Ймовірно, що дещо пізніше він отримав можливість ознайомлення зі складеним Ж. Ф. Деволаном у серпні 1794 р. другим планом «Гаджибею», що враховував «цивільне» призначення населеного пункту (або мав інформацію про цей план). На ньому знаходиться зображення ринків, складів, торгівельного порту та п'яти церков різних релігій (sic!). Цей план зберігається зараз у музеї Одеського порту [10. 105 – 106]. У світлі цих даних очевидно, що А. Скальковський мав підстави визначати дату заснування міста, яка поєднувала б економічну та релігійну складові, саме в серпні 1794 р. а також можливе ознайомлення з міськими переказами, очевидно, мали наслідком те, що А. Скальковський «дійсно» заснування міста, «перший день» його існування пов'язував, зокрема, з визнанням того, що 22 серпня 1794 р. були засновані перші християнські церкви [11. II зв.] з присутністю архієпископа Катеринославського і Херсонес-Таврійського, згодом митрополита Гавриїла (Г. Г. Банулеску-Бододні).

За словами архієпископа Інокентія (І. О. Борисова), ще у 1844 р., тобто ще за архієпископа Гавриїла (Розанова) (1837 – 1848), з'явилася ідея хресного ходу на честь п'ятдесятиріччя заснування Одеси [12. 79]. За умови відсутності необхідних церковних святинь, ця ідея не була здійснена, що підтверджує і хроніка в місцевій пресі. 22 серпня 1844 р. в Преображенському соборі відбулася тільки служба на честь імператорського коронування. Непрямим підтвердженням ініціативи Гавриїла (В. Розанова) у справі заснування хресного ходу є помилка у спогадах сина А. Скальковського, Костянтина. Він відзначав, що особливо урочистий хресний хід був перший, який ніби відбувся в день 50-річчя Одеси (тобто в 1844 р.). Очевидно, що йому запам'ятався хресний хід, проведений новим архієпископом Інокентієм (Борисовим), який очолив одеську паству в 1849 р. [13. 62].

Саме Інокентій (І. Борисов) сприяв утвердженню в день святкування заснування Одеси 22 серпня (2 вересня) традиції хресного ходу. До свого прибуття до Одеси він очолював Харківську єпархію, і уславився, зокрема, тим, що також встановив там традицію хресного ходу. Положення Священного синоду про щорічний хресний хід 22 серпня було затверджено імператором 21 травня та оголошений указом Священного Синоду від 9 липня 1849 р., куди було внесено так званий «переказ» А. Скальковського [14]. 24 серпня 1849 р. в газеті «Одесский вестник» повідомлялося, що 22 серпня (2 вересня) «с празднованием священного коронования... соединилось празднование основания города Одессы учреждением, по Высочайшему соизволению, крестного хода, в память этого события» [15] Попереднє оголошення про хресний хід було оприлюднено 16 серпня [16]. Як повідомляє А. Лебединцев, особливе місце в хресному ході та у церкві зайняли тоді ще живі очевидці «заснування». Сам же хресний хід здійснювався з Михайлівського монастиря до кафедрального собору [17. 78]. Отже, у 1849 р. оповідь А. Скальковського й святкування дня

міста дістали офіційне визнання з боку православної церкви та уряду. Згодом опонент висновків А. Скальковського, О. Кочубинський, говорив про іншу мету встановлення хресного ходу, що ніби була пов'язана з тодішніми подіями у Європі, так званою «лотневою революцією» 1848 р. [18. 75 – 80]. Незважаючи на можливий політичний чинник, хресний хід був ініційований раніше й продовжував проводитися і надалі, що вказує на його тісний зв'язок саме з святом «заснування» міста Одеси.

Вже в 1850-х рр. історики намагалися піддати сумніву концепцію А. Скальковського. З'являються праці, автори яких намагались відтворити хід історичних подій тільки на документальній, «позитивній», основі. Одеський історик К. Смольянинов один з перших публічно вказав А. Скальковському на відсутність документального підтвердження того, що в цей день відбулося не тільки заснування порту, а й освячення перших храмів та проведення борозни на честь заснування міста [19. 376].

У 1887 р., ймовірно, у зв'язку з наближенням столітнього ювілею захоплення Хаджибею російськими військами у 1789 р., а також під впливом прикладу святкування століття міста Катеринослава, питання щодо початку існування м. Одеси ставало все більш гострішим. Початок дискусії можна пов'язати з публікацією передової статті в «Одесском вестнике». Автор цієї статті зазначав, що наближається 14 вересня 1889 р. і пропонував науковим установам створити всебічну історію Одеси до «столітнього ювілею міста» [20]. Тим самим традиційний хресний хід опинився щонайменше під загрозою перенесення дати. А. Скальковський відразу відреагував на фактично запропоновану для загального визнання дату. Його стаття-відповідь під назвою «Столетний юбилей Одессы», де він відстоював свої традиційні погляди, була надрукована в листопаді 1887 р. в одеській газеті «Новороссийский телеграф». У 1888 р. А. О. Скальковський передруковує свою статтю в

«Адрес-календаре Одесского градоначальства на 1889 г.» [21, 401 – 411].

Головну увагу історик зосередив на тому, щоб документально довести, що «століття Одеси» відбудеться лише 22 серпня 1894 р. На доказ своєї думки А. О. Скальковський, серед іншого, додав знайдене А. Г. Лебединцевим в архіві Одеської консисторії листування митрополита Гавриїла (Г. Банулеску-Бодоні) з графом О. Ланжероном. Історик відзначав, що у відповіді митрополита сказано те ж саме, що й у іншому документі – у рапорті Ж. Ф. Де-Волана сенату, а саме, що місто «засновано 22 серпня 1794 р.». Але ніяких доказів на підтвердження достовірності оповіді про урочисте заснування м. Одеси архієпископом Гавриїлом (Г. Банулеску-Бодоні) А. Скальковський не наводить. Незважаючи на це, у його роботах з'являються нові подробиці: митрополита запросив Й. Де-Рібас; Гавриїл поклав «основні камені міста, освятив фундаменти трьох православних церков» (Миколаївської, Катерининської та Грецької).

13 березня 1889 р. за рішенням Одеської міської думи була створена підготовча комісія, що мала разом з управою з'ясувати питання стосовно того, до якого часу має бути віднесено святкування століття м. Одеси та виробити програму свята. Очолив підготовчу комісією міський голова Григорій Маразлі [22]. Він мимоволі знайомить нас з пристрастями, що вирували навколо цього «мирного» питання. Виступаючи на урочистому засіданні думи, Г. Маразлі почав з того, що сказав, що надає «авторитетним лицам описывать историю возникновения и развития Одессы...». Звертає на себе увагу те, що тодішній архієпископ Херсонський і Одеський Никанор (О. І. Бровкович) (1883-1890) [23, 119] також змінив порядок слідування традиційній даті хресного ходу, і у своєму повчанні у день святкування сторіччя завоювання Хаджибею відзначив, що «Мы празднуем ныне столетие со дня завоевания Россией сего местожительства, которое скоро переименовалось в Одессу. В существе дела празднуем сегодня день рождения Одессы, как русского местожительства, имея праз-

дновать через 4 (?) года не иное что, как только день наречения ей имени» [24].

23 лютого 1890 р. голова підготовчої комісії запропонував обговорити питання святкування столітнього ювілею Одеси Одеському товариству історії і старожитностей. Підготовку доповіді «якомога скоріше» було доручено вже згаданому проф. В. О. Яковлеву, який наполягав на даті 27 травня 1794 р. як даті рескриптів імператриці Катерини II П. Зубову та Й. Дерібасу. У жовтні цього ж 1890 р. дума постановила призначити святкування на 27 травня [25].

Наскільки вдалося з'ясувати, 1890 рік був останнім роком публічної участі А. Скальковського в полеміці з питань дати заснування міста [26. 426 – 431]. Але проблема залишилася, про що свідчать полемічні риси творів інших одеських вчених, В. Яковлева та В. Надлера, що з'явилися в 1892 – 1893 рр. Вони заперечують урочисту закладку міста Хаджибею-Одеси 22 серпня 1794 р., доводячи, що митрополит (тоді архієпископ) Гавриїл (Г. Банулеску-Бодоні) не міг тоді урочисто закладати храми міста, визнаючи водночас, що в цей день була завершена підготовка до будівництва порту і розпочалися роботи по його спорудженню [27].

Проти В. Надлера і В. Яковлева виступив публічно протоієрей А. Лебединцев, продовжуючи захищати не тільки наукову, але й суспільну традицію, авторами якої стали А. Скальковський та вищі церковні ієрархи в Одесі – архієпископи Гавриїл (В. Розанов) та, після нього, Інокентій (І. Борисов). Ця традиція сприяла утвердженню православного образу Одеси та інтеграції міста до суспільного простору Російської імперії. А. Лебединцев наводить свою систему аргументації і вказує, зокрема, на те, що під час встановлення в 1849 р. хресного ходу в день заснування міста 22 серпня (ст. ст.) не було висловлено протестів проти цього ні з боку Одеського товариства історії і старожитностей, ні від ще живих на той час свідків, ні від місцевого начальства. «До того ж, – відмічав він, – є документи, що підтверджують правомірність цієї дати як початку міста».

Протоіерей також вважав, що Гавриїл (Г. Банулеску-Бодоні) міг відвідати Одесу під час звичайного літнього огляду єпархії, а не обов'язково на запрошення Й. Де-Рібаса (хоча про таке запрошення згадував А. Скальковський). Погоджуючись з тим, що дані про заснування кількох одеських церков у 1794 р. дійсно не мають підстав, А. Лебединцев стверджував, однак, що тоді було богослужіння, яке освятило місця будови міста за планом (Ж. Ф. Де-Волана), у тому числі місця майбутніх церков, а заснована була одна церква.

Тим часом у березні 1893 р. була створена замість підготовчої вже виконавча комісія по святкуванню століття Одеси, яку очолив В. Лігін. І дата 22 вересня 1794 р. (ст.ст.) отримала несподівану підтримку з боку влади, як світської, так і, звичайно, церковної. Одеський градоначальник П. Зеленой, що входив до складу підготовчої комісії, вказав на те, що щорічні святкування заснування міста 22 серпня (ст.ст.) з хресним ходом та урочистим святковим богослужінням стало вже традицією. До цього він прозаїчно додав, що в 1894 р. 27 травня (ст.ст.) припадає на будній день, «у церквах може відбуватись тільки звичайна служба, всі учні зайняті і народ працює». Ці міркування підтверджують значення для міських урядовців святкування заснування міста як засобу до формування міської громади. У свою чергу, архієпископ Херсонський і Одеський Іустин [28. 74] не погодився перенести хресний хід на 27 травня (ст.ст.). О. Маркевич відмічав, що провідну роль у вирішенні цього питання тоді зіграло духовництво, а міська дума «погодилась». Зіграло свою роль і ставлення окремих сучасників до перегляду дати, визначеної А. Скальковським, як до руйнації традиції. Зокрема, так розглядав виступи проти дати 22 серпня протоіерей Арсеній Лебединцев. Згодом його біограф І. Гордієвський відзначив, що ця дата була обрана для святкування заснування міста у 1894 р. саме завдяки наполегливості протоіерей [29. 404].

Зрештою, на засіданні одеської міської думи 15 лютого 1894 р. було вирішено замінити дату святкування століття

міста з 27 травня на 22 серпня 1894 р. (ст.ст.). Це сталося тоді, коли, здавалося, внаслідок палкої суспільно-наукової дискусії, концепція А. Скальковського потерпіла поразку, не встоявши перед аргументами нового покоління одеських істориків. Однак ці аргументи народжувалися в середовищі дослідників, які відмовлялися від надання історії функціональної ролі. Це не зовсім відповідало традиції та практичним потребам управління, включно з потребою згуртування міської громади, руйнувало створений образ Одеси як міста, що символізувало самим фактом свого «заснування» утвердження православ'я й зміну цивілізацій у Північному Причорномор'ї наприкінці XVIII ст.

Увазі читачів пропонується архівний документ – програма хресного ходу 1894 р., яка є прекрасною ілюстрацією до образу православної Одеси, у формуванні якого значну роль відіграв історик А. Скальковський [30], та джерелом до історії православної громади у місті.

Програма церковного празднования в 22 день августа 1894 г. столетия существования г. Одессы

Накануне дня празднования столетнего юбилея г. Одессы 21 августа в кафедральном Преображенском соборе в 9 ч. утра начинается благовест и в половине 10 часа заупокойная Божественная литургия, совершаемая Архипереем в сослужении соборного духовенства. По окончании литургии совершается панихида о упокоении Благочестивейшей Государыни императрицы Екатерины второй – основательницы г. Одессы и последовавших за нею государей императоров, также пресвященных архипереев, управляющих Херсоно-Одесскою епархией, благоустроителей города и всех прежде почивших Одесских граждан. На литургии в свое время произносится личное заупокойному служению Слово. – Для участия в совершении панихиды собирается в кафедральный собор все одесское духовенство, имея с собой парчевые, преимущественно зеленого цвета облачения. За панихидою присутствуют в со-

боре Военные и гражданские чины, а также начальники учебных заведений и представители городской думы и прочих общественных учреждений. В тот же день — накануне юбилейного торжества во всех приходских и домовых церквях и с особой торжественностью в кафедральном соборе, в 6 ч. вечера совершается Всенощное бдение с благословением хлебов и елеем. Служба совершается общая Богородичная; при чем в кафедральном соборе по шестой песне канона читается акафист Богоматери.

В самый день столетнего юбилея 22 августа, ради предстоящего крестного хода, во всех церквях, кроме кафедрального собора, литургия совершается в 8 ч. утра.

По окончании литургии, при колокольном звоне. От всех церквей открываются частные крестные ходы по направлению к собору по следующему расписанию:

От Архангело-Михайловской церкви женского монастыря — по Троицкой улице, Александровскому проспекту, Почтовой и Преображенской улицам. В нем участвуют священнослужители церквей — Епархиального женского училища, Стурдзовской богадельни и приюта Гладковой, а также Юнкерского училища. — на пути к нему присоединяются причты церквей Троицкой-Греческой, Покровской и Семинарской — с хоругвями, хорами певчих и учениками.

От Алексеевской церкви, куда приходит причт Новокладбищенский, — по Болгарской улице до всехсвятской церкви, что на старом кладбище, в которую собираются священники церквей — Благовещенского и Михайло-Семеновского приютов, тюремного замка и Николаевской, что в Ботаническом саду, а также и монашествующие Афонских подворий с хоругвями и хорами певчих.

От кладбища идут по Преображенской улице, на которой к ним присоединяется причт Успенской церкви и реального училища.

От Входа-Иерусалимской церкви — по Дальницкой и Михайловской улицам к Михайловской церкви, что на Молдаван-

ке, отсюда Петропавловской, где присоединяются к ним священники 2-й гимназии и мужского духовного училища с учащимися, потом в Сретенской церкви, где присоединяются причты церкви Института благородных девиц и обеих церквей слободки Романовки и далее по Коблевской улице к собору.

От Крестовоздвиженской церкви, что на Пересыпи, к Казанской церкви, куда по приморской улице приходит причт Николаевской портовой церкви и до Крестовой церкви архиерейского дома, где присоединяется крестовая братия и настоятели больничной и университетской церквей — по Софиевской и Преображенской улицам к собору.

Примечание. Все сии крестные ходы, идущие от 4-х церквей, стоящих на 4-х окраинах города, своим движением к собору образуют как бы вид креста. Во все время шествия сих ходов поются священные песни в честь Пресвятыя Богородицы и производится колокольный звон от тех церквей, мимо коих идут.

По прибытии каждого из сих крестных ходов кафедральному собору, священнослужители чрез северную дверь собора входят в левый придел его и здесь ожидают окончания литургии, а хоругвеносцы и прочие становятся на соборной площади в указанных для них местах.

В кафедральном соборе — 2 августа, пред литургиею, около 8 ч. утра соборным духовенством совершается малое освящение воды; в 9 ч. начинается благовест к литургии.

По прибытии в пол. 10 часа Епархиального Архиерея в собор и обычной встрече его, по прочтении часов, совершается им с Викарием и старшим духовенством Божественная литургия, при пении двух певческих хоров, в присутствии военных и гражданских чинов, начальников учебных заведений, представителей городской думы и прочих общественных учреждений и одесских граждан. — На литургии будет произнесено приличное торжеству Слово и христианское городское общество, в память исполнившегося столетия г. Одессы, будет благословлено святою иконою, которую примут из рук

Архиерея Одесский градоначальник и Одесский городской голова. По окончании литургии духовенство с копиями с Чудотворных икон, из разных мест России присланных в дар г. Одессе в 1848 г., в предшествии двух дьяконов с запрестольным крессом и иконою Богоматери, и Архиерейского хора певчих, с пением тропаря: к Богородице прилежно..., во главе с Преосвященными Архиереями, выходит западными дверями из собора на площадь, и здесь становится в два ряда, начиная от амвона, уготованного для Архиереев, до самых врат собора. — Во время шествия духовенства и занятия им мест производится звон на соборной колокольне; военная же музыка играет: Коль славен ... Затем полагается обычное начало благодарственного Богу молебствия, которое и совершается на этом месте до прочтения апостола и евангелия, после чего диаконом читается литийная эктения: спаси, Боже, люди твоя ... и бывает осенение Касперовскою иконою на 4 стороны света с пением: Пресвятая Богородице спаси нас ... и с окроплением святою водою. Затем начинается торжественный всеградский крестный ход — в следующем порядке, установленном применительно к утвержденному Церемониалу Крестного хода в 22 августа 1848 года и ежегодно с того времени совершаемого в память основания города Одессы.

Отделение 1.

Начальник жандармской команды верхом; за ним 6 конных жандармов в ряд по широте улицы.

Рота от квартирующих в Одессе армейских войск с командиром впереди.

Отделение 2.

2 фонаря с зажженными свечами, несомые по середине улицы двумя псаломщиками в стихарях, а по сторонам две хоругви.

Соединенный хор певчих из воспитанников светских учебных заведений по 6 человек в ряд.

Цеховые знаки, несомые мастеровыми, к цехам принадлежащими, по середине улицы, по 3 в ряд; — за ними старши-

ны, одетые по форме с булавами в руках.

Воспитанники низших церковно-приходских городских и народных школ, с их учителями.

Воспитанники средних учебных заведений светски, с их надзирателями.

Студенты императорского Новороссийского университета с их инспектором и его помощниками.

Отделение 3.

2 фонаря с зажженными свечами, несомые псаломщиками в стихарях. Большой позолоченный крест, несомый диаконом в облачении. — По ту и другую сторону креста — по две хоругви. Соединенный хор певчих из приходских церквей по 6 человек в ряд.

Знамя с гербом г. Одессы и при нем два ассистента.

Члены Городской управы, несущие на бархатных подушках грамоты, Высочайше данные городу в разное время.

Староста кафедрального собора, несущий турецкое знамя, пожалованное городу и хранимое в соборе. — Рядом с ним один из почетных граждан города, несущий на подушке Высочайший рескрипт о пожаловании городу сего знамени. Ряды почетнейших граждан.

Чиновники разных ведомств и учреждений, по назначению их начальства.

Отделение 4.

2 фонаря с зажженными свечами, несомые псаломщиками в стихарях. Запрестольные крест и икона Божьей матери, несомые диаконами в облачениях. — По ту и другую сторону от них — по 4 хоругви.

Воспитанники Одесского духовного училища по 7 в ряд с их начальниками и надзирателями. Общее пение всеми воспитанниками священных песней.

Псаломщики в стихарях по два в ряд.

Диаконы в облачениях по 2 в ряд.

Священники в облачениях по два в ряд.

Один из старших священников, несущий святое еванге-

лие. По ту и другую сторону от него 2 диакона с кадилами.

Диакон с сосудом святой воды и по сторонам его два священника, кропящие путь и народ по обе стороны.

Отделение 5.

2 фонаря с зажженными свечами, несомы псаломщиками в стихарях.

Запрестольный крест и икона Богородицы, несомы диаконами.

Воспитанники Одесской духовной семинарии по 7 в ряд. С инспектором, его помощниками и надзирателями. — Общее пение воспитанниками семинарии священных песней.

Старшие священники и протоиереи по два в ряд, несущие копии с чудотворных икон. По ту и другую сторону каждого ряда хоругви.

Отделение 6.

Архиерейский хор певчих по 5 в ряд.

2 псаломщика в стихарях с выносными подсвечниками.

3 ряда хоругвей по 4 в ряд, несомых псаломщиками в стихарях.

2 диакона с кадилами.

2 диакона с рипидами.

2 старших протоиерея, несущие напрестольные крест и евангелие.

2 старших протоиерея, несущие Касперовскую икону богоматери.

2 иподиакона с дикирием и трикирием и среди них мальчик в стихаре, несущий прикирий.

Преосвященные Архиереи в ряд, сопровождаемые протодиаконами, книгодержцем и посошниками.

Далее следуют высшие военные и гражданские чины, представители разных учреждений — учебных, судебных и общественных и проч.

Шествие замыкается ротою квартирующих в Одессе армейских войск с музыкой, играющей попеременно с пением

идущих впереди церковных хоров певчих.

Примечание. От начальства светских учебных заведений зависит установление порядка в шествии воспитанников и наблюдение за ними. От его же усмотрения зависит вопрос об участии в крестном ходе воспитанниц женских учебных заведений. Крестный ход направляется от Соборной площади до Полицейской, Пушкинской и Бульварной улиц, до памятника Дюку де Ришелье, где протоиереи, несущие копии с чудотворных икон, и все означенные в 6 отделении лица останавливаются на указанных им местах и протодиаконом возглашается литийная эктения: еще молимся, о еже сохранитися граду сему... По возгласе Архиерей читает молитву на основание града Одессы, особо составленную на сей случай и ежегодно читаемую на сем месте 22 августа при совершении крестного хода. — По прочтении молитвы — осенение крестом на четыре страны света и кропление святою водою. Прим. Представители города возлагают на памятник венки в память столетия города.

Отселе начинается обратное шествие крестного хода к кафедральному собору в том же порядке — по Екатерининской ул. до сквера, где предназначено быть памятнику Государыни Императрицы Екатерины II.

По прибытии к сему месту лица, указанные в 6 отделении, останавливаются на определенных местах для совершения закладки памятника. — Протодиакон читает литийную эктению: еще молимся о благочестивейшем... и затем провозглашает: во блаженном успении Августейшей основательницы г. Одессы. Во время пения — вечная память архиереем совершается каждение вокруг места основания для памятника и кропление его святою водою. Затем читается им молитва при начале всякого доброго дела.

1 из гласных Думы читает начертанное на доске о времени и обстоятельствах закладки и сооружения упомянутого памятника, которое и полагается в основание и заделывается. Архиерей кропят все святою водою. Певчие поют: «Спаси

Господи люди твои...»

Военная музыка играет «Народный гимн».

Крестный ход идет далее в том же порядке: по Екатерининской и Дерибасовской улицам, переходит чрез Преображенскую и мимо памятника кн. Воронцову направляется по Гулевой улице к собору с западной его стороны. — Все отделения крестного хода идут мимо собора, а пред ним останавливаются только протоиереи, несущие копии с чудотворных икон, и все лица, указанные в 6 отделении.

Протодиакон читает литийную эктению: еще молимся, и о еже услышати...

По возгласе Архиерей читает благодарственную молитву. Певчие поют: Тебе Бога хвалим... Отпуск и возгласение многолетий.

Западными дверьми входят в собор с пением: Спаси Господи люди твоя... А священно-церковнослужители приходских и домовых церквей с частными крестными ходами возвращаются в свои церкви в том же порядке, в каком шли к собору.

Во все время крестного хода на соборной и на всех колокольнях производится торжественный звон, который усердствующими продолжается и в течении всего дня — 22 авг. До времени совершения вечерни.

Всем крестным ходом, согласно сей программе, распоряжается ключарь кафедрального собора при помощи избранных им способных для сего 2 священников. — Благочинный же градских церквей назначит для крестного хода диаконов и псаломщиков и каждому из них укажет в расписании определенное место и дело.

В случае дождливой погоды, как начало молебствия, так и окончание его совершается не на Соборной площади, а в самом соборе и духовенство в таком случае должно облачиться для крестного хода в менее ценные облачения, хотя и того же золотистого цвета.

На др. день юбил. торжества 23 авг., в первом часу дня, в Од. Дух. Семинарии и в епархиальном женском училище назначаются литературные чтения, относящиеся к воспоминаемому событию, с пением воспитанников и воспитанниц по особой программе.

Російський державний історичний архів. – Ф. 1284, – Оп. 51. – Спр. 64: О праздновании столетия существования г. Одессы.

Література:

1. Гончарук Т. Одеське Порто-Франко. Історія, 1819-1859 рр. – Одеса, 2005. – 255.
2. Путевые записки по многим Росейским губерниям 1820 Статского советника Гавриила Геракова. – Петроград, 1828.
3. Державний архів Одеської області. – Ф. 1. – Оп. 200. – Спр. 30.
4. Одесский альманах на 1839 год. – Одесса, 1839.
5. Відділ рукописів Інституту російської літератури (далі ВР ІРЛІ РАН). – Ф. 281. – Спр. 7674.
6. Там само.
7. Скальковский А. Первое тридцатилетие истории г. Одессы, 1793-1823. – Одесса, 1837.
8. Скальковский А. Четыре страницы...
9. ВР ІРЛІ РАН. – Ф. 281. – Спр. 7469.
10. Де-Волант Ж. Ф. Очерк моей службы в России, 1787-1811 гг. – [Одесса], 1999.
11. ВР ІРЛІ РАН – Ф. 281. – Спр. 7469.
12. Петровский С. Одесский кафедральный Преображенский собор: историческое описание. – Одесса, 1894.
13. Скальковский К. Воспоминания молодости (по морю житейскому), 1843-1868. – СПб., 1906.
14. А. Л. Одесса в первые эпохи ее существования // Новороссийский телеграф. – 1893. – 15 дек. (№ 5979).
15. Одесский вестник. – 1849. – 24 авг. (№ 68).
16. А. М. Первый крестный ход в Одессе // Одесский листок. – 1894. – 22 авг. (3 сент.) (№ 216).
17. Петровский С. Одесский...
18. Кочубинский А. На память о д.ч.о. протоиерее А. Г.Лебедин-

цеве // Записки Одесского общества истории и древностей. — 1900. — Т. 22. — С.75-80 (раздел 4).

19. Гончарук Т. Г. Смольянінов Костянтин Миколайович (?-?) / / Одеські історики. Т. 1. — Одеса, 2009.

20. Скальковский А. Столетний юбилей Одессы (1794 — 1894) // Новороссийский телеграф. — 1887. — 29 нояб.; Одесский вестник. — 1887. — 11 нояб.

21. Його ж. Одесский юбилей // Адрес-календарь Одесского градоначальства на 1889. — Одесса, 1888.

22. Столетие Одессы, 22 августа 1894 года / изд. Одес. Гор. Обществ. Упр. — Одесса, 1894. — С. 1; В Одесскую Городскую Думу Доклад Городской Управы и Комиссии, образованной по вопросу о праздновании столетия г. Одессы от 15 февраля 1890 г. — [Одесса, 1890]. — С. 1.

23. Діанова Н. М. Внесок вищого православного духовенства Південної України у розвиток історичної науки і освіти (кінець XVIII—початок XX ст.). — Одеса, 2012.

24. Одесский вестник. — 1889. — 16 (28) сент. — № 246.

25. Заседание имп. Одесского общества истории и древностей // Одесский листок. — 1890. — 25 февр.; Отчет имп. Одесского общества истории и древностей с 14-го ноября 1889 г. по 14-е ноября 1890 г. — Одесса, 1891. — С. 4–5; В Обществе истории и древностей // Одесский вестник. — 1890. — 28 апр.; Постановления Одесской городской думы за 1894 г. — Одесса, 1895. — С. 9.

26. Скальковский А. Одесский юбилей // Адрес-календарь Одесского градоначальства на 1891 г. — Одесса, 1890.

27. Яковлев В. Когда были заложены первые церкви в Одессе // Южный сборник. В пользу пострадавшим от неурожая. — Одесса, 1892. — С. 159; Надлер В. К. Одесса в первые эпохи ее существования. — Одесса, 1893. — С. 21–23.

28. Діанова Н. М. Вказ. праця.

29. Гордиевский И. Одесский кафедральный протоиерей Арсений Гаврилович Лебединцев // Прибавления к Херсонским епархиальным ведомостям. — 1898. — № 16.

30. Докладніше див.: Новікова Л. В. «Історіограф» Південної України Аполлон Скальковський: інтелектуальна апологія імперської політики та регіональної історичної самобутності. — Одеса, 2012. — С. 297-330.

В. Савченко,

профессор кафедры философии

и социальных дисциплин ОГУВД,

кандидат исторических наук, доцент.

МАХАЕВСКИЙ «СОЮЗ НЕПРИМИРИМЫХ» И СОЗДАНИЕ ПЕРВОЙ АНАРХИСТСКОЙ ГРУППЫ В ОДЕССЕ (1903 – 1904 ГГ.)

К 110-й годовщине возникновения анархистского движения в Восточной Европе.

110 лет назад в нескольких городах Российской империи возникает оригинальное радикальное революционное движение, которое сыграет заметную роль в крушении трехсотлетней монархии и в дальнейших событиях того бурного времени: в падении Временного правительства (1917), в разгроме гетманщины и в формировании махновского крестьянского движения (1918), в разгроме белогвардейцев (1919)... В революции 1905 – 1907 гг. анархистское движение показало свой значительный разрушительный потенциал, что особенно было характерно для украинских губерний, испытавших экономический, политический и безмотивный террор анархистов. Анархистское движение в Восточной Европе появилось в виде так называемой «махаевщины», которая поставила своей целью «освобождение рабочего класса» (подобный лозунг в то же время выдвинули ленинцы – большевики и прочие «уклоны» в РСДРП).

В советской исторической и политологической литературе, преимущественно в 1920-е – начале 1930-х гг., делались тенденциозные и робкие попытки анализа уникального социально-политического учения Я.-В. Махайского, которое с легкой руки Ленина – Сталина получило название «махаевщина» [1]. Однако, разоблачая «вредность» махаевщины для рабочего и революционного движения, советские авторы намеренно упустили историю недолгого периода существования этого движения, практику подпольной деятельности немногочислен-

ных групп махаевцев в Российской империи. Та же тенденция характерна и для современных ученых [2]. Данная статья расширяет представления о забытом революционном движении, на примере анализа деятельности одесской группы махаевцев — «Союза непримиримых».

Главный идеолог движения «махаевщина» — сын небогатого служащего, поляк Ян-Вацлав Константинович Махайский (псевдоним Вольский) (1867 — 1926) — был высокообразованным человеком, получившим высшее образование в Варшаве и Цюрихе. Еще в 1888 г. Я.-В. Махайский вступил в польскую революционную студенческую организацию, а в 1891 г., отбыв 4 месяца тюремного заключения в Кракове, был выслан из Австро-Венгерской империи за распространение социалистической литературы среди студенчества. В 1893 г. его арестовали уже в Варшаве (тогда в Российской империи) с транспортом революционных прокламаций. Наказанием был год тюремного заключения и ссылка на пятилетнее поселение в Виллойске Якутской области. В ссылке Я.-В. Махайский написал свой главный труд — части книги «Умственный рабочий» («Эволюция социал-демократии», «Научный социализм»). Этот труд был перепечатан ссыльными на гектографе, а затем издан в Женеве. После ссылки Я.-В. Махайский был вновь арестован, но сумел в 1903 г. бежать за границу. В 1902 г. группа «махаевцев» выпустила в Иркутске первомайскую прокламацию с призывом не верить социалистической интеллигенции. В 1905 г. Я.-В. Махайский выпустил брошюры: «Банкротство социализма XIX столетия», «Буржуазная революция и рабочее дело» [3. 10 — 18].

Махаевщина оказала заметное влияние на развитие анархизма в Украине (и всей Российской империи) и сама по себе была движением, которое можно отнести к протоанархистским. Исследователям известно несколько групп махаевцев: виллойско-иркутская (1899 — 1902), одесская (1903 — 1904), екатеринославская (1904), варшавская (1904), белостокская (1903 — 1904), петербургская (1905 — 1907), возможно,

подобные группы непродолжительное время существовали в Вильно, Киеве, Бердичеве, Москве, Остроге, Тамбове. Существовали малочисленные кружки махаевцев в среде эмиграции — в Женеве и Кракове. Все перечисленные группы были малочисленные — по 20 — 40 чел. и общее число приверженцев махавского движения не превышало 200 чел. Однако, для 1903 — 1904 гг., когда организованное революционное движение в Российской империи еще находилось в зачаточном состоянии, даже такое незначительное количество «прото» анархистов оказывало заметное влияние на развитие революционного движения [4].

Однако «махаевщина» стоит особняком в этом революционном потоке, по ряду вопросов выступая «против течения» и, некоторым образом, смыкаясь с экономизмом и «Независимой рабочей группой», особо популярными в 1902 — 1903 гг. Выступая против капитализма и государства, приверженцы Я.-В. Махайского утверждали, что главная опасность для рабочего движения состоит в его социалистическом партийном руководстве, которое рекрутировалось из интеллигенции. Махаевцы считали, что социализм — это «чудовищный обман рабочих», выдумка «коварной» интеллигенции, а борьба за политические свободы нужны только интеллигенции для поддержания ее господства над трудящимися. Махаевцами делался вывод, что рабочим надо бороться только за свои «непосредственные и конкретные» экономические нужды, а освобождение рабочих — «всеобщее имущественное и образовательное равенство» — может быть достигнуто только путем экономического террора и «всеобщей непрекращающейся экономической стачки» [5].

Интеллигенция объявлялась «паразитическим» классом, который стремится жить за счет труда рабочих и готовит «грядущее мировое господство интеллигенции». Я.-В. Махайский писал: «...внушив социализм рабочему классу, интеллигенция хочет не освободить его, а на его плечах прийти к безраздельному господству, создав «новое рабство» [3. 22].

Махаевцы представляли борьбу революционных партий в Российской империи только как борьбу, направленную на захват власти и «смену форм порабощения» (по тем же причинам они отрицали и роль профсоюзов).

Я. Махайский

Они предлагали рабочим бороться только за «конкретные повседневные требования» и, пренебрегая всякой «политикой», создавать «всемирный рабочий заговор».

Махаевцы (и особенно одесские «непримиримые») делали ставку на босяков, безработных, уголовников, деклассированные элементы, потому что считали, что «рабочие развращены буржуазными подачками» и «одурочены» социалистской пропагандой, превратился в «прислужников буржуазии», а квалифицированные рабочие заинтересованы в сохранении своего привилегированного положения. Даже анархисты (как и все социалистические движения) не вызывали у махаевцев доверия. Так Я.-В. Махайский обвинил анархистов-коммунистов группы «Хлеб и воля», так же, как и других социалистов», в «постепенной» подготовке к революции, в ходе которой выиграют только «властители ценностей и знаний», а не рабочие [6. 21].

С. Борисов

С 1902 г. гектаграфические копии книги «Умственный рабочий» стали проникать в среду социалистичес-

Э. Рувинская-Таратуга

кого подполья в украинских губерниях. Махаевский «Союз непримиримых» был создан в Одессе в октябре 1903 г. ремесленной молодежью, вышедшей из своих партий. Появление махаевского центра именно в Одессе объясняется рядом причин. Возможно, именно исходя из этих причин, в Одессу, в августе – сентябре 1903 г. прибыло несколько махаевцев для того, чтобы возглавить уже сформированное рабочее движение в городе. Дело в том, что к этому времени в Одессе сложились уникальные (для Российской империи)

предпосылки для формирования влиятельного рабочего движения с «конкретными экономическими целями». В начале 1902 г. среди одесских рабочих стали популярными идеи формирования массовой организации трудящихся в виде профессиональных союзов. Эти идеи были занесены в рабочую среду создателем «полицейского социализма» В. С. Зубатовым (чиновником Департамента полиции, начальником Особого отдела Департамента полиции, создателем в 1901 – 1903 гг. первых в империи легальных рабочих организаций в С.-Петербурге, Киеве, Харькове, Екатеринославе, Николаеве, Перми, Минске, Одессе, Вильносе, Гродно, Бобруйске) [7. 88].

Последователь В. Зубатова в Одессе доктор философии Берлинского университета Г. Шаевич, создавший в августе 1902 г. в Одессе «Независимую рабочую группу» («Независимую рабочую партию», причем слово «независимый» означало отказ от влияния на рабочую среду политических партий). Члены этой группы, преимущественно еврейского происхождения (около трети рабочих Одессы составляли евреи), заявляли об отказе от политических требований, считая, что эти требования искусственно навязываются рабочей социалисти-

ческой интеллигенцией. Свою энергию они направляли на борьбу за повышения зарплаты, улучшение условий труда и уменьшение рабочего дня [8. 168 — 173].

Г. Шаевич прибыл в Одессу после создания в Минске и Вильнюсе (вместе с бывшими членами Бунда) Еврейской независимой рабочей партии, но Одесская забастовка 1903 г. положила конец его карьере, приведя к аресту и к пятилетней сибирской ссылке. Забастовочное движение, начинавшееся зубатовской группой, выскользнуло из рук своих создателей и привело к первой в империи масштабной Всеобщей Южнорусской забастовки летом 1903 г. Одесские подопечные доктора Шаевича приняли активное участие в забастовке, начавшейся 21 апреля 1903 г. на чугунно-литейном заводе «Рестеле» по инициативе «независимцев» по причине увольнения рабочего. Забастовка в Одессе охватила железно-дорожные мастерские, порт и другие предприятия, а 17 июля стала всеобщей (бастовало до 30 тыс. рабочих). Город остался без хлеба, света и воды. Рабочая масса, спропагандированная «независимцами», сначала не хотела слушать социал-демократов, но вскоре стала поддерживать социал-демократические лозунги. Только удовлетворение основных требований забастовщиков, вмешательство военных частей (казаков) и полиции привело к прекращению забастовки 21 июля 1903 г. Деятельность зубатовцев и «независимцев» стала внушать власти серьезные опасения и до августа 1903 г. он были ликвидированы [9. 15, 246].

На мировоззрение еврейских рабочих, ремесленников и люмпенов особое влияние оказал Кишинёвский погром 6—7 апреля 1903 г. (один из первых, кровавых и наиболее известных еврейских погромов в империи, произошедший при попустительстве властей). В арпеле — августе 1903 г. либеральная и социалистическая пресса постоянно возвращалась к этой трагедии, всплывали все новые и новые подробности погрома и поведения властей, что радикализовало отношение трудящихся к власти.

В Одессе в 1903 г. местные социал-демократические «ко-

митетчики» (профессиональные революционеры) не смогли справиться с рабочей стихией и настроили часть ремесленников и рабочих против себя. В организации произошел фактический раскол между рабочими-марксистами и их интеллигентными «поводырями». Этот раскол усугубился не только модой на «экономизм», но и склоками в верхах РСДРП во время подготовки и проведения Второго съезда РСДРП [3. 45].

Первоначально в группе «Союз непримиримых» преобладали сторонники махаевщины, видимо, познакомившиеся с этой идеологией через А. Шетлиха. Очевидно, и первым махаевцем в Одессе был Александр Вильгельмович Шетлих (Шейтлх, Шедлх, псевдонимы «Михаил», «Макс»). Он был поляком, родился в Варшаве в 1866 г. в семье ткача. Окончив ремесленное училище, А. Шетлих работал сапожником. В 1884 г. он присоединяется к тайной Польской социально-революционной партии «Пролетариат». За революционную деятельность был арестован в 1893 г., а в 1895 г. — приговорен к ссылке в Якутскую область на 8 лет. В ссылке А. Шетлих сближается с Я.-В. Махайским и становится одним из его первых последователей. Повидимому, именно он подготавливал первые прокламации махаевцев. В начале 1903 г., по прекращению срока ссылки, он поселяется в Одессу. Вокруг А. Шетлиха в 1903 г. собираются бывшие социал-демократы и эсеры (члены одесского комитета ПСР), уставшие от демагогии своих лидеров и пассивности методов борьбы [10. 25 — 26].

В 1903 г. в Одессу из Сибири прибыло еще двое молодых революционеров — членов первой махаевской иркутской группы: Б. Миткевич и А. Чуприна. В большинстве же своем одесские «непримиримые» были молодежью еврейского происхождения [3. 46].

Группа «непримиримых» разделяла махаевскую программу борьбы против интеллигенции, против участия рабочих в социалистическом движении. В вопросах тактики группа признавала допустимость насилия, экономического террор (экспроприации, массовые захваты собственности в ходе стачек,

уничтожение производственного оборудования и целых предприятий).

Вскоре после создания группа начала устную пропаганду и организацию кружков среди еврейских ремесленников и люмпенов. В конце 1903 г. одесская полиция арестовала революционера (так и сохранившего инкогнито), прибывшего из Швейцарии, который принадлежал к еще неизвестной полиции махаевской группе «Рабочий заговор» и направлялся в Одессу для связи с «Союзом непримиримых».

В январе 1904 г. к группе присоединилось несколько новых революционеров, прибывших из Женевы (один из них был сразу арестован), в т.ч. анархистка Элька (Ольга) Рувинская-Таратута, вскоре ставшая одним из лидеров группы. В числе лидеров группы были будущие «звезды» анархизма: Моисей Мец, Владимир Лапидус-Стрига, Капель Эрдалевский, Хая Эрдалевская и др. [11].

Большинство махаевцев были «перебежчиками» из партии российских социал-демократов. В 1903 г. в РСДРП обострились внутренние противоречия, ни ленинская тактика, ни тактика Г. Плеханова или Ю. Мартова уже не удовлетворяла будущих анархистов. Партийная работа, дисциплина, изучение классиков социализма не вдохновляли искателей революционного героизма. Среди разочаровавшихся в РСДРП оказались выходцы из так называемой «херсонской» группы социал-демократов (из Елисаветградской группы Херсонской губернии): К. Эрдалевский, братья Гроссманы, О. Таратута, Э. Рувинская-Таратута, М. Брун-Ракитин...

Капель (Константин) Эрдалевский, партийная кличка «Густав», родился в 1876 г. в Елисаветграде в семье богатого еврейского купца. В 19 лет он примкнул к организации социал-демократов, а в начале 1903 г. был арестован по делу «Одесской группы социал-демократов». Осенью 1903 г. он порвал с РСДРП и стал одним из организаторов «Союза непримиримых», в 1904 г. один из организаторов махаевской группы — «Партии борьбы с мелкой собственностью и всякой властью»

в Екатеринославе. Руководил группой анархистов-террористов, пропагандист «безмотивного террора». Погиб во время перестрелки с полицией в 1908 г. [11. 200-203].

Владимир Лапидус, партийная кличка «Стрига», в 1900 – 1902 гг. – социал-демократ, с 1903 г. – «махаевец», с 1905 г. – анархист-коммунист, сторонник тактики «прямого действия». В 1904 г. работал среди одесских пекарей. В 1905 г. – активист анархистского движения в Белостоке, Варшаве, Одессе, Николаеве. Погиб во время подготовки террористического акта в Париже в 1906 г. Исследователь И. Генкин писал, что В. Лапидус осуществлял связь одесских махаевцев, а потом и анархистов с их единомышленниками из Белостока и Варшавы, основал в Николаеве махаевскую группу «чистых социалистов» [11. 204].

Элька-Гольда (Ольга) Рувинская-Таратута (псевдоним «Валя», «Бабушка») родилась в мещанской еврейской семье в 1876 г. в местечке Ново-Дмитровка Херсонской губернии, окончила учительское училище и некоторое время работала учительницей. Впервые арестовывалась «за социализм» в 1895 г. В 1898 – 1901 гг. – член марксистского Елисаветградского кружка братьев Гроссманов и группы «Южно-Русского союза рабочих» РСДРП. В 1898 г. привлекалась к дознанию в Одессе по делу кружка, отдана под гласный надзор полиции на 1 год. В 1901–1904 гг. – в эмиграции (Германия, Швейцария), встречалась с В. Лениным и Г. Плехановым. В 1903 г. примкнула к анархистам-эмигрантам. Вернулась в Украину, вошла в группу «непримиримых», в апреле 1904 г. привлекалась к дознанию по делу «непримиримых». С 1905 г. – в Одесской рабочей группе анархистов-коммунистов, террористка. Одна из самых известных женщин-анархисток в СССР. Репрессирована [11. 202].

Летом 1904 г. к группе присоединился Леон Гершкевич, реэмигрант из Англии, бывший социал-демократ, механик из Одессы, изготовлял бомбы [12. 30 – 35].

Организатор махаевской группы в Екатеринославе – Вера

Гурари, родилась в Полтаве в 1865 г., крещенная еврейка, также свою революционную карьеру начала в марксистских группах Петербурга. После ареста в 1899 г. она была сослана в Сибирь, где в Иркутске вступила в группу махаевцев. Оказавшись на воле в 1903 г., В. Гурари создает в Екатеринославе группу махаевцев из нескольких десятков еврейских рабочих, которые ранее принадлежали к социал-демократической организации.

Сергей Борисов (псевдоним «Черный») родился в 1884 г. в Харькове, рабочий. В революционном движении с 1901 г., сочувствовал РСДРП. В 1902 – 1903 гг. привлекался жандармскими управлениями к дознанию за участие в сходках. Анархист – террорист, казнен в 1910 г. [11. 201].

Именно на рубеже 1903 – 1904 гг. в среду одесских «непримиримых» попал двадцатидвухлетний солдат из Гуляй-Поля Александр Семенюта. Под влиянием белостокских анархистов, посетивших Одессу, он дезертировал из армии, стал участником боевой группы, а позже – одним из организаторов гуляйпольской группы анархистов – коммунистов «Союз бедных хлеборобов», в котором начинал свой революционный путь легендарный батька Нестор Махно.

Численность одесской группы к апрелю 1904 г. составляла 35 – 40 человек, группа имела связь с махаевским подпольем – группами «Рабочего заговора»: Варшавы, Вильно, Острога, Бердичева. В начале 1904 г. были установлены контакты с Белостокской группой анархистов-коммунистов, и из Белостока поступило несколько номеров женевской газеты «Хлеб и Воля» [12].

В начале февраля 1904 г. «непримиримыми» были изданы гектографические листовки «Что такое политические свободы» и «Симон Адлер». В январе – апреле 1904 г. «непримиримые» участвовали в стачках и подготовили несколько покушений. В начале апреля 1904 г. «непримиримые» выпустили на шрифт-станке несколько прокламаций с призывами к бунту [13]. «Непримиримыми» было совершено несколько мелких

экспроприаций. Часть захваченных средств была отправлена в Белосток на развитие белостокской группы, а большая часть использована для организации лаборатории бомб (организовала двадцатилетняя Хава Айзенберг, «Нежинка») и подпольной типографии, в которой в марте 1904 г. были отпечатаны новые листовки [14. 102].

12 – 13 апреля 1904 г. одесская полиция арестовала 32 участника группы (в том числе А. Шейтlich и 5 человек, находившихся на нелегальном положении). Полицией были захвачены типографский станок и оборудование, два гектографа, революционная литература, несколько револьверов. К. Эрделевский и В. Стрига бежали из тюрьмы и скрылись за границей [15].

Избежавшая ареста Х. Эрделевская и Э. Рувинская-Таратута пытались воссоединить после апрельского разгрома группы, остатки одесских анархистов и махаевцев (до десятка махаевцев оставалось еще на свободе). На время им удается восстановить деятельность «Союза непримиримых», но в августе 1904 г. Элька Рувинская-Таратута была вынуждена выехать из Одессы в Екатеринослав (Днепропетровск), передав руководство «непримиримыми» Моисею Мецу [14. 103].

Появление нового направления в революционном движении взволновало Департамент полиции, который в апреле 1904 г. разослал по всем охранным отделениям страны циркулярную телеграмму, требовавшую следить за местными революционными организациями и поставившую «непримиримых» на второе место по степени опасности после эсеров (ПСР). После убийства Боевой организацией ПСР министра внутренних дел В. К. Плеве, руководство департамента полиции намеревалось объединить следствие по делам «непримиримых», боевой организации ПСР, белостокских и виленских террористов в одно дело. Но для этого не оказалось улик и свидетелей...

В мае 1904 г. группа Таратуты-Мец «непримиримых» и несколько появившихся в городе анархистов организовали в Одессе новую революционную группу. Ее «конструировал»

приехавший из Белостока анархист «Гриша – фотограф». В группу вошли: А. Донской, М. Магазиер, С. Райх, Л. Ржепишевский, А. Чупрына, В. Виноградов, П. Непомнящий – «Ваня» – 18 летний одесский кочегар и др. Летом 1904 г. в группу вошел Сергей Борисов, под влиянием которого в группу перешло несколько социал-демократов и социалистов-революционеров из числа одесских рабочих [16. 31].

Один из активистов группы – Леонид Ржепишевский (студент Новороссийского университета) – был в группе ответственным за вооружение террористов. Он несколько раз выезжал в Донбасс для приобретения динамита, который использовался в горном деле. Л. Ржепишевский также участвовал в подготовке террористического акта против Бессарабского губернатора. Но террористический акт в Кишиневе так и не был проведен в исполнение из-за того, что один из террористов был опознан полицией как «опасный революционер» [17. 71 – 72].

В августе 1904 г. эта группа (принявшая новое название – Южно-русская группа анархистов «Бунтарь») выпустила гектографическое воззвание «К русским пропагандистам (Правдивое слово об анархистах)», обратившись к членам социалистических партий, обвиняя их партийных лидеров в «измене революции» и в антианархической агитации. В рабочей среде формировались пропагандистские кружки, проводились сходки, распространялись гектографические листовки [16. 32].

В сентябре – октябре 1904 г. арестованные «непримиримые» были освобождены за недостатком улик и подвергнуты административной ссылке. После освобождения «непримиримые» (в том числе Б. Шершевская, М. Мец, А. Шейтлих и др.) решили объединиться с одесской анархо-коммунистической группой «хлебовольческого» направления*, сохраняя свою идеологическую обособленность.

Хотя часть махаевцев вышла из новой «хлебовольческой» группы, махаевские идеи по-прежнему присутствовали во взглядах одесских анархистов. Эти идеи проявлялись в недове-

рии к революционной интеллигенции как «паразитическому классу», в недоверии к образованным людям, в стремлении «сотрудничать» с местными уголовниками и босяками.

В Екатеринославе (Днепропетровске) махаевская группа под названием «Партия борьбы с мелкой собственностью и всякой властью» была полностью разгромлена, просуществовав только два с половиной месяца (июнь – сентябрь 1904 г.). Организована К. Эрдалевским, В. Гурами и Белостокцами: Н. Бруммером и А. Раковским. Екатеринославские махаевцы создали несколько пропагандистских кружков и печатали в небольшом количестве прокламации. Махаевские организации стали базой для возникновения мощного анархистского движения в Одессе и Екатеринославе [18].

Первый террористический акт, совершенный анархистами на территории Российской империи, произошел в августе 1904 г. в Белостоке. Весть об этом покушении дошла и до Одессы и «разбудила» местных «непримиримых», показав активный путь борьбы с монархическо-буржуазной системой. Осенью 1904 г. и в Одессе произошли акты анархистского террора. Одним из первых террористических актов стало неудачное покушение 9 сентября 1904 г. анархистов-махаевцев на одесского градоначальника Д. Б. Нейгардта, затем осенью 1904 г. были совершены попытка убийства полицмейстера и убийство филера (мелкий полицейский агент), проведен ряд ограблений и вымогательств на «нужды революции» [19. 68].

В ноябре 1904 г. под руководством М. Меца была выпущена листовка «Товарищи рабочие», призывавшая перейти к «прямым действиям» – стачкам, вооруженным нападениям на частную собственность и государственные структуры. Тогда же С. Борисов организовал транспортный маршрут по маршруту – Женева – Новоселицы – Бричаны – Одесса, по которому из-за границы доставлялись в Одессу оружие и издаваемая в Женеве литература (в том числе газета «Хлеб и воля», издаваемая в Женеве). * Направление движения анархизма-коммунизма, связанное с теоретиком анархизма П. Кропотниным, Г. Гоген-

лия, В. Черкезовым. В 1903 г. в Женеве была создана группа анархистов-коммунистов «Хлеб и Воля», в том же году организовавшая издание первого русского анархического печатного органа за границей — газеты «Хлеб и воля».

К этому времени С. Борисов подчиняет себе «Союз» и приводит туда новых членов — бывших одесских эсеров, разочаровавшихся в тактике ПСР (А. Ясеновского и др.), агитаторы группы сумели внедриться в среду одесских пекарей. Группа приняла название Рабочей группы анархистов-коммунистов «Хлеб и Воля» (ок. 70 активных членов и несколько сотен сочувствующих) [20].

В конце сентября 1904 г. С. Борисов принял участие в сходке эсеров и анархистов в Одессе и впервые в истории российского анархизма оказал вооруженное сопротивление полиции во время ареста, ранив околоточного надзирателя Янцеловского. В октябре 1904 г. в Одессе прошла тайная конференция анархистов Южной России, избравшая Овсея Таратуту (бывший социал-демократ, с 1903 г. — анархист, муж Э. Равинской-Таратуты) делегатом на Лондонский съезд анархистов-коммунистов [21. 312].

В начале 1905 г. одесская группа разработала план забастовки и восстания в Одессе. Но в конце января — начале февраля 1905 г. одесская полиция арестовала 20 членов группы С. Борисова (в том числе М. Меца, Б. Шершевскую, Ф. Файфера, Ш. Фридсон и др.), несколько анархистов были вынуждены скрыться из Одессы. В марте 1905 г. в Одессе состоялся первый (в Российской империи) судебный процесс против анархистов над анархистом-террористом С. Борисовым. Он был приговорен к четырем годам каторги, но в начале 1906 г. смог бежать с каторги и «всплыл» в Женеве, став лидером женевской анархистской группы «Буревестник», состоявшей из русских эмигрантов [22. 26].

Говоря о переходе махаевцев в ряды анархистов — коммунистов не обходимо отметить два пути влияния этого движения — «западный» и «южный». На рубеже веков Англия и Швейца-

рия были единственными странами, где могли себе найти прибежище анархисты, не опасаясь преследования со стороны властей. В Лондон и Женеву съезжаются лидеры анархизма из Германии, Испании, Италии, Франции, США, русские анархисты во главе с П. Кропоткиным. В Лондоне немногочисленные русские анархисты (10 – 15 человек) сотрудничали с местными еврейскими анархистскими группами, в которых состояло несколько сотен человек. Анархист Н. Музель – Рогдаев писал: «Пропаганда анархизма концентрировалась главным образом в Женеве и Лондоне... в первом городе – среди русской молодежи, во втором – среди многочисленного еврейского пролетариата, в квартале Уайченель» [23. 3].

С 1897 г. П. Кропоткин начал издавать в Лондоне «анархическую библиотеку» в виде брошюр на русском языке и пытался переправить эту литературу в Российскую империю. В Женеве в 1900 г. возникла Группа русских анархистов – коммунистов за границей, вскоре П. Кропоткин создал Лондонскую анархистскую группу русских эмигрантов «Хлеб и Воля». В 1901 г. Группа русских анархистов-коммунистов за границей выпустила воззвание «К товарищам в России!», призвав русских радикалов к немедленной революции. Но до лета 1903 г. казалось, что все усилия анархистов разбиваются о «вековое смирение» русского народа... Вокруг журнал анархистов-коммунистов «Хлеб и Воля» (выходил до ноября 1905 г.) сложилась группа «Хлеб и Воля», которая наладила связь с Украиной и получила некоторое финансирование от Федерации евреев – анархистов США, в рядах которой было немало выходцев из Российской империи. Страны Западной Европы и США стали служить анархистам из Российской империи тылом в борьбе с царским правительством. За рубежом разрабатывались планы действий, издавалась литература, покупалось оружие и взрывчатка, собирались и организовывались боевые террористические группы [24. 5].

В 1903 гг. эмиссарами группы «Хлеб и воля» (Лондон – Женеве) были созданы первые анархистские групп на терри-

тории Российской империи: в Белостоке, Вильно, Нежине... Так, в начале 1903 г. в Белосток приехал из Лондона мещанин Шлема Коганович (Зейдель), который начал пропагандировать анархистские идеи в городе, где была сконцентрирована ткацкая индустрия. Население Белостока состояло преимущественно из евреев, в среде которых уже существовала махаевская группа (20 членов). Ш. Каганович создал в Белостоке анархистско-коммунистическую группу «Борьба» (*der Kampf*) (более 60 членов), которая начала издавать на русском и еврейском языках анархистские прокламации и брошюры, проводить агитационные митинги среди местных рабочих. Часть членов белостокского Бунда и ПСР перешла к анархистам. Весной 1904 г. анархисты Белостока стали организаторами ряда мелких стачек, актов саботажа (разрушения оборудования), экспроприации денег у лавочников, массовой экспроприации хлеба и других продуктов в лавках. Анархисты стали грозой местных хозяев. Достаточно было упомянуть, что стачкой руководят анархисты — хозяин или удовлетворял требования, или покидал город. В августе 1904 г. рабочий-анархист Н. Фарбер ударами ножа смертельно ранил фабриканта А. Когана. Это был первый в империи акт антибуржуазного террора. 6 октября 1904 г. Н. Фарбер бросил бомбу в полицейский участок, убив и ранив при этом множество полицейских [25. 20 — 24].

Сионист Гольдштейн пишет: «Специфически местными особенностями отличаются в Белостоке анархисты, тоже сплошь евреи. Белосток — первый город черты, в котором зародился анархизм, и оттуда он перенесся и в другие города. Теперь уже анархисты в Белостоке довольно сильны. Характерно, что почти все их интеллигенты — бывшие бундовцы, а масса в большинстве своем также представляет собою выходцев из низов Бунда...» [26. 7 — 8].

В 1904 г. из-за границы, для развития анархистских идей в империи, прибыло несколько революционеров-профессионалов, избравших ареной своей деятельности Вильно, Одессу,

Нежин, Минск, Тифлис. Вновь зародившиеся группы анархистов, проповедующие насильственное разрушение существующего государственного строя, состояли из последователей П. Кропоткина и именовали себя группами «Хлеба и воли».

В 1904 г. одесскую группу махаевцев переубеждал в анархистскую «веру» анархист из Белостока, а весной 1905 г. анархистскую группу в Екатеринославе «поставил» прибывший из Белостока член анархистско-коммунистической группы «Борьба» Ф. Штейнберг («Самуил»). До этого (по данным Департамента полиции), летом 1904 г., в Екатеринослав приезжали 5 человек из Швейцарии (некоторые из них махаевцы). Полицейские считали, что сам Я.-В. Махайский тайно посетил Екатеринослав, но это маловероятно. Помимо К. Эрдалевского и Гуарди в Екатеринославе действует махаевец Н. Брумер [27. 16].

Но, возможно, влияние на создание в Одессе анархистского движения в 1904 г. оказали анархисты «южного» направления, приехавшие из Болгарии (Н. Музель-Рогдаев, А. Атабекян), Македонии и Солоник (И. Шоп — Мишиц), Стамбула... В 1903 — 1904 гг. Балканы были едва ли не самой «горячей» точкой на карте мира, где опробывались все формы противостояния, в том числе террор и партизанско-повстанческая борьба. Анархистские группы на Балканах (уже сформировавшиеся к 1900 г.) были вовлечены в борьбу против Османской империи в Болгарии и Македонии, анархистские группы среди многочисленного еврейского населения возникли в портовом городе Салоники. В Стамбуле и Измире итальянские эмигранты, армянин Александр Атабекян и еврейские анархисты — Абрам Фрумкин и Моисей Шапиро — с середины 1890 гг. вели анархистскую пропаганду и распространяли анархистские брошюры. Их пропагандистская деятельность вылилась в создании Турецкого общества анархистов в 1901 г. [28].

Серьезное влияние анархизма в 1900 — 1905 гг. испытала Армянская Революционная Федерация (Дашнакцутюн), македонский Тайный революционный комитет, Внутренняя македонская революционная организация, «Женевский круг»

болгарских революционеров. Партизаны Фракии в 1890-х гг. боролись против Османской империи и под анархистскими лозунгами (особенно это относилось к революционному комитету Эдирне, который формировался в Салониках). Анархистская федерация в Салониках объединила в своих рядах евреев, болгар и македонцев. Ее агенты часто посещали Одессу, причем матросы РОПИТ перевозили из Турции в Одессу литературу, оружие и взрывчатые вещества, постепенно втягиваясь в анархистскую деятельность [29].

До сих пор остается неизвестной историкам деятельность еврейской группы анархистов Кишинева, которая, по данным ряда источников, была одной из первых анархистских групп в Российской империи. Известно также, что кишиневские и одесские анархисты-террористы имели постоянные «рабочие» контакты. Географическая близость Кишинева и Одессы дополнялась этнично-культурной близостью местных анархистских объединений. В городе Кишинев в начале XX в. проживало ок. 45% евреев, в Одессе — ок. 30% евреев, в анархистской группе Кишинева (1903 — 1904) евреи составляли ок. 100%, в группе «непримиримых» и анархистов-«хлебовольцев» ок. 70%.

Необходимо отметить, что в 1903 — 1904 гг. у революционеров Российской империи модным было подражание «балканским инсургентам» — братьям-славянам, борющимся против поработителей с помощью бомб и террора. Бомбы «македонки» становились орудием террора в Российской империи, методы борьбы и тайной конспирации балканских революционеров перекочевали в украинские губернии в виде боевого «юного анархизма» с его «городской партизанской войной».

Значительное влияние на формирование анархистского движения в Украине оказал Николай Музиль-«Рогдаев» (австрийский подданный), рожденный 1880 г. в Российской империи в семье чешского переселенца. С 1898 г. он участвовал в деятельности социал-демократических и эсеровских групп. Спасаясь от полицейского преследования летом 1901 г., он бежал Болгарию,

где стал анархистом в тайных организациях Софии и Варны, прошел «практику» у македонских боевиков. Но с 1903 г. он начинает пропагандировать и создавать анархистские группы в украинских губерниях и Брянске. В декабре 1904 г. он уже представлял анархистские группы «Хлеб и Воля» на съезде анархистов-коммунистов Российской империи в Лондоне [11].

«Македонские» методы уже в 1905 г. подхватил не только анархист-коммунист Сергей Борисов, но и первый одесский анархист-синдикалист Янкель Кирилловский (псевдоним «Дмитрий Новомирский»), который родился в 1882 г. в местечке Гайсин в семье учителя. В 1898 г. он окончил Одесское коммерческое училище, в 1898 – 1900 гг. учился на юридическом факультете Сорбонны (Париж). В 1901 – 1903 гг. Я. Кирилловский работал в Одесской организации РСДРП, а в 1903 – 1904 гг. даже руководил Пересыпской районной организацией РСДРП в Одессе. В 1904 г. он скрылся за границу, а в 1905 г. вернулся в Одессу для того, чтобы организовать анархо-синдикалистскую группу «экономических» террористов. Именно он укрепил связи одесских террористов с анархистами-террористами Османской империи.

Интересно, что в 1905 г., когда Я. Кирилловский уже перешел в стан анархистов, В. Ленин в письме Одесскому комитету РСДРП советовал дать мандат на IV-й съезд РСДРП В. Воровскому и Я. Кирилловскому. Последний характеризовался В. Лениным как партиец «...превосходно знающий периферию, энергично работающий среди одесского пролетариата» [10]. Но Я. Кирилловский уже наелся «большевиетской каши», разуверившись и в В. Ленине, и в Г. Плеханове. В 1905 г. Я. Кирилловский, оказавшись под влиянием идей махаевщины – «непримиримых», которые еще бурлили в одесском революционном котле, утверждал (как «очевидец»), что социал-демократическое движение было наполнено «политическими шарлатанами», «новыми эксплуататорами, новыми обманщиками народа», «интеллигенцией, что стремится к монополии на знания». Он обвинил социал-демократов в жела-

нии поддерживать неравенство на благо управленческой и технической элиты, которая в будущем будет руководить социалистической экономикой и управлять рабочим классом и эксплуатировать его путем контроля над парламентскими институтами. Фактически Я. Кирилловский и его движение «южного» анархизма — синдикализма (1905 — 1913 гг.) — стало продолжением махаевщины [3. 44].

Под влиянием махаевщины были и «южные» анархисты Екатеринослава, которые в 1905 г. врывались на собрания социалистических партий и под угрозами револьверов требовали «не слушать речей буржуазных сынков из социал-демократической партии» [30. 319].

В 1904 — 1910 гг. в Одессе сложился особый тип анархиста — преимущественно из маргинальных городских слоев, связанных с криминальным миром, поклонника «махаевских тезисов» и радикальных мер. Этот анархист отдавал предпочтение экспроприациям и актам экономического и политического террора [31. 97].

Анархисты были выходцами из еврейских местечек, иногда плохо владели русским языком, в большом русскоязычном городе чувствовали себя чужими. Дискомфорт, который был связан с отсутствием национального государства, с национальным унижением на уровне государственной имперской политики, приводил радикальную молодежь к ненависти к «чужому» государству и власти, которая навязывала феодальные социальные отношения. Налаженные связи среди еврейского населения «черты оседлости» помогали анархистам взаимодействовать в масштабах Российской империи (Белосток, Кишенев, Вильно, Варшава, Одесса) и поддерживать связь с зарубежными центрами анархизма (Лондон, Нью-Йорк, Салоники). В 1904 г. особую роль в формировании анархистского движения в Западных и Юго-Западных губерниях империи играли анархисты (ставшие профессиональными революционерами) из Белостока.

Анархисты («махаевцы») в 1903 — 1904 гг. сумели создать уникальную систему «внепартийных» коммуникаций,

смогли передавать тайную информацию, которой удавалось «проскальзывать» сквозь надзор полиции. Не имея единого центра, политического, идеологического, организационного единства, анархисты наладили тайную систему «обмена услугами» — литературой, оружием и взрывчаткой, деньгами. Часто анархисты различных групп и городов объединялись, чтобы провести совместную экспроприацию, «поставить» тайную типографию, освободить арестованных товарищей, устроить побег из тюрьмы своим единомышленникам. Анархистские центры за рубежом также не играли роль ни политических, ни организационных центров, хотя и вырабатывали определенные анархистские идеи и планы, они, скорее, играли роль своеобразного анархистского «тыла», если борьбу анархистов в Российской империи рассматривать как «фронт».

Морское и приграничное положение Одессы как мощного порта и базы торгового флота делали город открытым для проникновения анархизма из других стран. На формирование анархистских групп в городе особое влияние оказали анархисты Англии, Франции, Швейцарии, Османской империи, Болгарии. Значительное влияние на формирование махаевско-анархистского общества оказало «предварительное» сплочение части рабочего класса «независимыми» социалистами в 1902 — 1903 гг.

Настроения, свойственные махаевской идеологии, сопровождали «южный» украинский анархизм на всех этапах его существования (1904 — 1929 гг.). Неприятие политической структуры и интеллигенции толкало одесских анархистов к сектантству, экономизму, к безмотивному террору, к террору так называемых «малых дел» (убийства представителей буржуазии и их наемных агентов, запугивание, мелкие экспроприации, саботаж). И все же в Одессе, как ни в одном из городов Российской империи (кроме Екатеринослава), анархизм обрел определенную поддержку беднейших слоев населения. К началу 1906 г. Одесса превратилась в один из главных центров анархизма в Российской империи, и вчерашние махаевцы-«непримиримые» стали одними из создателей этого феномена.

Литература:

1. Ленин В. И. Полн. собр. соч., Т. 7. — С. 82, 464; Сталин И. В. Анархизм или социализм? // Сочинения. — М., 1946. — Т. 1 (1901 - 1907). — С. 294 — 372 (приложение. — С. 373 — 392).
2. Батурин Н. Памяти «махаевщины». — Правда. — М., 1926. — 2 марта; Сыркин Л. Махаевщина. — М., 1931; Кухарчук Д.В. «Левый» радикализм и «махаевщина» // Рабочий класс и современный мир. — М., 1973. — № 6. — с. 58 — 69.
3. Shatz M. Jan Waclaw Machajski. A radical critic of the Russian intelligentsia and socialism. — Pittsburgh, 1989.
4. Сыркин Л. Махаевщина. — С. 23; Shatz M. Jan Waclaw Machajski... p. 20-22.
5. Горев Б. И. Анархисты, максималисты и махаевцы. — Пгр., 1917. — С. 22 -30; Общественное движение в России в начале XX века. — СПб., 1914. — Т.4, — Кн.5. — С. 476 — 477.
6. Avrich P. The russian anarchists. — Princeton, 1967.
7. Avrich P. What is «Makhaevism»? // Soviet Studies, July 1965.
8. Зубатов С. В. Зубатовщина // Былое. — 1917. — № 4. — С. 157-178.
9. Спиридович А. И. Записки жандарма. — Харьков, 1928.
10. Государственный архив Одесской области (далее ГАОО) — Ф. 634. — Оп. 1. — Д. 266.
11. Савченко В. Анархисты-террористы в Одессе 1903—1913. — Одесса, 2006.
12. Генкин И. И. Среди приемников Бакунина. Заметки по истории русского анархизма // Красная летопись. — 1927. — №1 (22).
13. ГАОО. — Ф. 634. — Оп. 1. — Д. 267.
14. Свободная коммуна. — М., 1918 . — 16 апреля.
15. Новомирский Д. И. Анархическое движение в Одессе // М. Бакунину. 1876-1926. Очерки истории анархич. движения в России. — М., 1926.
16. Волна. — Нью-Йорк, — 1924. — №57.
17. Смирнов В. Реквиев XX века. — Одесса. 2005. Т. 3. — с.71 — 72
18. Бунтарь (Париж). — 1906. — 1 декабря (№1).
19. Дубовик Анатолий и Анна. Деятельность «Группы екатеринославских рабочих анархистов-коммунистов» (1905 — 1906 гг.)// socialist.memo.ru/books/html/dubovic.

20. Потемкинские дни 1905 года на Черном море. — Харьков, 1925.
21. Анархисты. Документы и материалы 1883-1935 гг. — Т.1, — М., 1998.
22. ГАОО. — Ф. 634. — Оп.1. -Д. 266.
23. Альманах. Сборник по истории анархистского движения в России. — Париж: 1909. — С.6; Свободная коммуна. — М., -1918. -21 апреля.
24. Свободная коммуна. — М., 1918 . — 24 апреля.
25. Malinowski A. Mit wolności. — Warszawa. — 1983.
26. Моше Гончарок М. Век воли. Русский анархизм и евреи. XIX-XX век. — Иерусалим, 1996.
27. Российский исторический архив. — Ф. 102 (ДП. 1905). — Оп. 233. -Д. 1800. ч. 12.
28. Van der Walt L., Schmidt M. The Kurdish Question: Through the lens of Anarchist Resistance in the Heart of the Ottoman Empire 1880–1923 Bulgaria colonialism history Kurds Macedonia Middle East national liberation Turkey// Retrieved. 2010. 1 february/theanarchistlibrary.org/library/mic...
29. Ямбаев М. Четы Внутренней македонской революционной организации на начальном этапе своей деятельности // Славяноведение. — 2006. — №1. — С. 22 — 28; Анархісти Півдня України 1910 — 1914 рр.: від економічного терору до таємних профспілок // Інтелігенція і влада. Серія: Історія. — Одеса, — 2011. — №22. — С. 48 — 56.
30. Равич — Черкасский М. Мои воспоминания о 1905 годе // Летопись революции. 1925. — №5-6.
31. Ермаков В. Д. Портрет российского анархиста начала века // Социс. — 1992. — № 3.

*Тетяна Подкупко,
кандидат історичних наук,
доцент кафедри суспільних наук
Одеського національного медичного університету*

**ДО ІСТОРІЇ КОЗАЦТВА НА ТЕРЕНАХ ОДЕЩИНИ
(XVII-XIX СТ.).**

(за рукописними матеріалами ОННБ)

В Одеській національній науковій бібліотеці ім. О. М. - Горького (ОННБ) зберігаються джерела, пов'язані з історією, культурним, політичним життям, військовими звичаями українського козацтва. В тому числі є ціла низка цікавих рукописних матеріалів про становлення і розвиток козацьких з'єднань на теренах сучасної Одещини. Документальні пам'ятки знаходяться у відділі рідкісних видань і рукописів (ВРВР). Всі джерела об'єднані у 101-му документальному фонді. Пам'ятки занесені до інвентарних книг «Список Рукописного фонду відділу рідкісних видань і рукописів ОННБ». Хронологічна картотека рукописного фонду, створена за абеткою, відображає документи, починаючи з XI ст. (найдавнішого рукопису) і до сьогодення. Опис справ фонду ОННБ має такі елементи: № п/п; назва рукопису; мова; час; оригінал/копія; формат; кількість аркушів; матеріал; палітурка/папка; інвентарний №; примітка. Наявність у Музеї книги ОННБ архівних документів обумовила складання опису згідно з принципами архівного описування з відповідними елементами: авторство, заголовок, зміст, ступінь повноти, автентичність (копійність), мова, спосіб відтворення, відомості про публікацію, наявність додатків до них, крайні дати документів і кількість аркушів одиниці зберігання.

Історія появи на півдні України Чорноморського козацтва (через Задунайське козацтво та інші формації) пов'язана із

зруйнуванням в 1775 р. російськими царськими військами за наказом Катерини II Запорізької Січі, після чого значна маса козаків перебралася на територію, контрольовану на той час Османською імперією.

У відділі рідкісних видань та рукописів зберігається рукопис «Памятная книга Новороссийского казачьего войска» [1]. Це джерело має інформаційну та культурну цінність для вивчення історії козацтва на Півдні України і залучається дослідниками в науковий обіг [2], [3].

Книга вийшла в світ у 1858 р. Її формат – 21x16 см, обсяг – 31 аркуш. Палітурка тверда, темно-синього кольору, з заголовком, виکارбуваним золотавими літерами. Внутрішня сторона палітурки: на блакитному тлі – квітково-листяний золочений орнамент [1]. Текст написаний охайним почерком, розбірливим писарським стилем середини ХІХ ст., без будь-яких виправлень чи вставок на твердому, вже поживклому, колись білому ганчір'яному папері. Чорнила, колись чорні, з часом поруділи.

На одному з аркушів рукопису є відбиток печатки «Бібліотека Новороссийского императорского университета» [1. 3]. Ймовірно, що «Памятная книга» була свого часу передана до Рішельєвського ліцею. При об'єднанні ліцею та Новоросійського імператорського університету було об'єднано і їх бібліотеки, таким чином рукопис опинився в фондах університету. У 1920-х рр. університет тимчасово було ліквідовано, а його бібліотека була об'єднана з ОННБ (тоді публічною бібліотекою). Нині «Памятная книга Новороссийского казачьего войска» зберігається у фонді відділу рідкісних видань і рукописів ОННБ.

Усі матеріали, вміщені в «Памятній книзі», можна поділити на дві групи. Документи першої групи відкриваються «Списком чинов, состоящих по внутреннему управлению Новороссийского казачьего войска», до якого входили Військове та станичні правління, військово-судова комісія, військовий шпиталь, станичні училища. Далі в книзі вміщені списки штаб-

і обер-офіцерів війська, козаків, офіцерських і козацьких удовиць та сиріт. Містяться відомості про розташування козацьких полків і сотень, їхній штатний та реальний склад, місця проживання відставних штаб- і обер-офіцерів [1, 3 – 16].

Другу групу матеріалів «Памятної книги» складають дані про господарський стан війська: чисельність населення, кількість землі та будівель по станицях і хуторах, про запасні хлібні магазини, кількість худоби, грошові суми війська, його кошторис, кількість наявного озброєння. Особливе значення для з'ясування питань майнового і соціального розширення серед козацтва мають відомості про розподіл земель у війську серед різних його верств, потребу у збільшенні земельних паїв, їх перерозподіл по станицях і хуторах, спадкові ділянки офіцерів.

Оригінальні кольорові плани земель усіх станиць і хуторів та розташування козацьких земель у межах Аккерманського повіту не зустрічаються в інших друкованих і архівних матеріалах. Ці плани виконані високопрофесійно, з дотриманням усіх тогочасних вимог, які ставилися до виготовлення картографічних матеріалів. Вони були розроблені військовим землеміром хорунжим Василем Степановичем Коваленко (на всіх планах є його особистий підпис) [1, 23 – 29]. Він, вірогідно, працював під керівництвом наказного отамана Івана Єгоровича Гангардта.

Спеціальні плани земель станиць та хуторів розділено на квадрати, які наклеювались на клейончасту основу, зручну для складання картографічного зображення. На планах — детально прорисовані земельні ділянки, військові, громадські та церковні будівлі, сади, вулиці, сінокоси; присутні всі необхідні складові: розгорнуті легенди, наявність масштабу, напрямок розташування, примітки (у разі потреби) [1, 23 – 27].

На карті Аккерманського повіту показано розташування земель станиць та хуторів Новоросійського війська, прорисовані козацькі населені пункти з показанням рельєфу місце-

вості, нанесені навіть польові дороги до інших населених пунктів повіту та вказана їх відстань у верстах [1, 28].

Унікальними є дві фотографії або так звані дагеротипи, вміщені у «Памятної книге». Перша з них, зважаючи на військові звання, відображає керівний склад Військового правління з шести осіб: у центрі фотографії – голова правління – наказний отамана Іван Єгорович Гангард; його ад'ютант сотник Михайло Костянтинович Богданов, старша особа правління військовий старшина Василь Васильович Губкін, асесор військової експедиції сотник Платон Дем'янович Панфілович, асесор цивільної експедиції зауряд-хорунжий Іван Гнатович Фабриков (він же був скарбником), секретар правління зауряд-хорунжий Іван Іванович Стамбурський [3, 6].

На другій фотографії – штаб – і обер-офіцери, старшини і урядники, приказні та козаки (ймовірно, георгіївські кавалери) під військовим прапором. Цікавий той факт, що зображення або описання цього прапора більше не знайдене в жодних документах [3, 7]. Крім того у книзі на останній сторінці вміщено кольорові малюнки із зображенням святих та біблейських сюжетів [1, 31].

Книга містить усю необхідну документацію, характерну для річних звітів, що надсилалися з військової канцелярії до канцелярії бессарабського (згодом – до новоросійського та бессарабського) генерал-губернатора, а з подачі останнього – до Військового міністерства.

«Памятная книга Новороссийского казачьего войска» є яскравим зразком офіційного рукописного зібрання середини XIX століття, цінним джерелом для вивчення історії козацтва на Півдні України і, зокрема, Дунайського (Новоросійського) війська.

Родзинкою колекції недрукованої Україніки ОННБ є рукопис кінця XVII – початку XVIII ст. [4]. Він складається з низки невеликих за обсягом зшитків. Текст написано українською мовою, так званим скорописом, або «канцелярським письмом», що був в обігу в другій половині XVII-XVIII ст.

Дерев'яна оправа обтягнута шкірою, дуже пошкоджена, відліпла одна мідна застібка. Деякі заголовки виведено в'язю. Книга зачитана: деяких аркушів не вистачає, поля їй особливо нижні куточки заляжені, зчорнілі. [4, 198 – 208]. Помітно, що автор єдиної ілюстрації в рукописі був добре ознайомлений з візантійськими творами, про що свідчить алегоричність композиції. Обдарований колорист, він вдається до яскравих барв, прорисовує зображення витонченими штрихами золота, що характерно для київського іконопису. Більшу частину рукопису складають, твори характерні для XVII ст.: богословські, юридичні, історичні, географічні і літературні матеріали, які відповідали духовним потребам запорозьких козаків.

Головний документ збірки – «повний» список «Переяславських березневих статей 1659 року», які було прийнято при обранні на гетьманство Юрія Хмельницького. Перша частина договору має характер протоколу, де викладено історію скликання Переяславської Ради, її мету, а також склад учасників і повний перелік тих, хто особисто розписався, і тих, за кого «руку приклали», тобто розписались. У другій частині міститься чотирнадцять статей Богдана Хмельницького 1654 р. і 12 нових статей, які накладали на гетьмана і козацьку старшину і все Військо Запорозьке Низове та народ Малоросійський зобов'язання дбати про добробут Росії, містили перелік попереджувальних заходів щодо імовірних спроб відокремлення України чи самостійницьких кроків її еліти. Передбачався жорсткий контроль з боку царських воєвод за діями козацької адміністрації. Третя частина містить текст присяги на вірність, проголошованої гетьманом, осавулами, старшиною і «черню» [4, 23 – 46].

Поважне місце в збірці займають апокрифи – вільні перекази євангельських сюжетів, що проникали в слов'янські землі через Візантію... Збірка містить вибрані місця зі «Сказаній про Вавилонського царя Валтасара», «Царственної книги про розміщення язика та інше», до якої входять розділи «Про зруйнування Риму», «Про потраясіння землі», «Про потон

міста Лакріса», «Про пігмеїв», «Про троглодитів», та інші фантастичні історії з космографії нехристиянського походження. Між інших матеріалів рукопису — своєрідний географічний словник різних країн, який починається з «Арапії» і закінчується «Царством китайським» [4, 67 — 136].

Окремий розділ збірки присвячено питанням моралі. Зокрема, містяться уривки з «Великого Зеркала» (збірка повчальних апокрифічних оповідань (описового, анекдотичного характеру, за походженням можна віднести як до східно-візантійської, так і західної традиції), широко знаний в XVII ст. Уривок переписано, ймовірно, з польського оригіналу латинською мовою 1605 р.

Рукопис кінця XVII ст. з колекції відділу рідкісних видань і рукописів є пам'яткою книжкового мистецтва, взірцем в оформленні книги, за ним можна простежити різноманітність і багатство духовних потреб та інтересів українського козацтва зазначеного періоду. Ймовірно, це джерело використовувалось першими поселенцями козаками на Одещині, ще до офіційного заснування міста. Увагу дослідників хтілося б повернути до рукописного Атласу Дніпра, який було створено 1784 р. експедицією на чолі з капітаном II-го рангу Савою Коквцовим. За цим ретельно складеним атласом можна простежити кому і в якому обсязі «велично дарувалась» Катериною II українські землі вздовж усього узбережжя Дніпра. Містечка, села, поселення отримували свої імення від нових господарів [5, 5 — 6].

У відділі рідкісних видань і рукописів ОННБ зберігаються інші пам'ятки географічного, картографічного характеру, укази та маніфести [6, 1 — 80]. Зокрема, план розташування військ при облозі та взятті фортеці Хаджибей [7, 1]. В рукописній збірці проповідей, повчань та віршів в кінці додатком міститься хронологічна таблиця Київських митрополитів, гетьманів [8, 158 — 170]. Цінними для дослідників історії Дунайського і Новоросійського козацького війська можуть виявитися окремі джерела, що зберігаються в особових рукописних фон-

дах українських діячів кінця XIX – початку XX ст. в ОННБ ім. М. Горького [9, 92 – 98].

В Музеї книги зберігаються оригінали і копії документів, що віддзеркалюють історію відродження і становлення козацтва за доби Незалежної України. Ще під час «перебудови» наприкінці 1980-х р. по Україні почали створюватися ініціативні групи відродження козацтва, які інколи згуртовувалися як фольклорні мистецькі групи, просвітницькі товариства, гурти вивчення козацької старовини. На початку 1990-х рр. ці об'єднання стали вагомим фактором громадського життя.

Для всебічного вивчення історії та військових звичаїв козаків на території сучасної Одещини цікавими є джерела, що нині зберігаються у ВРВР Одеської національної наукової бібліотеки.

Література:

1. Одеська національна наукова бібліотека ім. М. Горького відділ рідкісних видань і рукописів (далі ОННБ ВРВР). – Ркп. 55/ 5. – Памятная книга Новороссийского казачьего войска. – 1858. – 31 арк.

2. Маленко Л. Бібліотечні рукописні зібрання до історії південноукраїнських козацьких військ останньої чверті XVIII – XIX століття / / Книжкові колекції, рідкісні видання та рукописи в сучасному науково-інформаційному просторі: матеріали конференції, присвяченої 85-річчю Музею книги Одеської державної наукової бібліотеки ім. М. Горького. Одеса, 25–27 вересня 2007 р. / Одеська держ. наук. б-ка ім. М. Горького; упоряд. Т.Л.Подгупко; відп. ред. О. Ф.Ботушанська ; ред. І. С. Шелестович. – Одеса, ОДНБ, 2009. – С. 211-229.

3. Бачинська О. Унікальне джерело для вивчення козацтва на півдні України в рукописному фонді ОДНБ // Там само. – С. 5 – 7.

4. ОННБ ВРВР. –Ркп. 61/8. – Хрестоматия запорожской старшины. – 209 арк.

5. ОННБ ВРВР. – Ркп. 61/9. – Атлас реки Днепра. Сочиненный с окуратной описи 1784-го года по имянному Ея Императорского Величества указу, от города Смоленска вниз по течению до впадения в лиман, присоединением онаго, и до Черного моря. При Адмиралтейской коллегии ея чертежной 1786 года. – 20 арк.

6. ОННБ ВРВР. – Ркп. 1/69. Указы и манифесты разного содер-

жания (Список с украинизмами). — 80 арк.

7. ОННБ ВРВР. — Ркп. 62/37. — План расположения войск при взятии города Гаджибея. -1 арк.

8. ОННБ ВРВР. — Ркп. 1/37. — Сборник проповедей, поучений и стихов. В конце помещ. хронология киевских митрополитов и гетманов, с двустижием под каждой фамилией. — 170 арк.

9. Подкупко Т. Особові рукописні фонди українських діячів кінця ХІХ — початку ХХ ст. в ОДНБ ім. М. Горького // Наукова бібліотека: стратегія інноваційного розвитку. Матеріали Міжнарод. наук.-практичної конференції (Одеса, 2009 р.). — Одеса, 2010. — С. 92 — 98

Юрій Котляр,

доктор історичних наук,

професор, завідувач кафедри

історії Чорноморського державного

університету імені Петра Могили (Миколаїв)

ОТАМАНИ ЛИХО В УКРАЇНСЬКОМУ ПОВСТАНСТВІ

В наш час важко порахувати, скільки було ватажків та повстанців з прізвиськом або псевдонімом Лихо. У хронологічних рамках 1919 – 1922 рр. на території України діяло як мінімум три отамани Лиха. Мета нашої публікації прослідкувати основні життєві віхи отаманів Лихо та встановити їх внесок у боротьбу за незалежність України.

Історіографія щодо отаманів Лихо не є значною. По-перше виділимо публікації, в назвах яких використано прізвисько або псевдонім «Лихо». Це цикл газетних статей красназвця і письменника М. Ковальчука «Хто він, отаман Лихо?» [1], надрукованих у 1995 р. в «Прибузькому віснику», а також стаття Л. Петрова «Отаман Лихо (Якубенко) керівник повстанського руху Гайсинщини і Брацлавщини» в тезах доповідей XII Вінницької історико-красназвочної конференції (1993 р.) [2. 45 – 46]. По-друге, загальні праці, в яких певні розділи або підрозділи присвячені отаману Лиху. Це монографія Р. Ковалю «Отамани Гайдамацького краю: 33 біографії» [3] та красназвча публікація вже згадуваного М. Ковальчука «Катеринка на Кодимі. Історичні розповіді про виникнення та розвиток села» [4]. По-третє, публікації, в яких в контексті дослідження різних подій та особистостей згадується діяльність отаманів Лихо. Серед них слід виділити роботи В. Шкварця [5], Ю.Котляра [6], К. Завальнюка [7], Д. Красносілецького [8], В. Савченка.

Лихо (Дорошеко-Якубенко). В історії українського повстанського руху відома діяльність отамана Лиха (Дорошенка-Якубенка). Справжнє ім'я Дорошенка-Якубенка поки що

залишається не встановленим, так як в джерелах воно не вказується. Народився він у 1888 р. в Кам'янець-Подільському повіті Подільської губернії у родині православного священика. Лютневу революцію 1917 р. зустрів у царській армії в чині поручника. Вступив до армії Української Народної Республіки, брав участь у бойових діях і дослужився до звання підполковника [9. 38]. У 1920 р. очолив повстанське формування під назвою «1-й Надбужанський повстанський полк».

Діяльність отамана Лиха пов'язана з 7-м повстанським районом, що об'єднував Уманський, Гайсинський та Липовецький повіти, а також східну частину Брацлавського повіту. 5 лютого 1921 р. більшовики повідомляли: «Телефонний зв'язок Тернівка – Теплик перерваний. Глибочок і Побірка Соболевської волості зайняті бандою Лиха кількістю в 1000 чоловік. Загін червоноармійців, що знаходився в цьому районі, після сильного бою відступив у Соболівку». 16 лютого 1921 р. загін отамана Лиха в 60 осіб між станціями Дохно – Яланець обстріляв з кулеметів поїзд, який після цього зупинився. Повстанцями роззброєно 20 червоноармійців, одного вбито. 21 лютого 1921 р. загоном Лиха в 200 шабель спалено будинок виконкому в містечку Брацлав [10. 79]. 20 чоловік брацлавської міліції, втративши 5 вбитих, розбіглися [11].

Є відомості, що отаман Лихо у березні 1921 р. побував у Румунії, де отримав повноваження на право підняття повстань в Уманському, Брацлавському та Липовецькому повітах [12. 4]. Основні партизанські сили 7-го району були об'єднані в 144-й Повстанській Надбужанській дивізії, сформованій за наказом С. Петлюри від 24 січня 1921 р. За час існування дивізії її структура змінювалася, але на момент створення командиром був отаман Хмара, його помічником – Лихо, посаду по стройовій частині – старшина Суворов (Суворін) [13. 1]. Навесні 1921 р. загін отамана Лиха мав у своєму складі близько 850 бійців і 10 кулеметів [14. 46].

У березні 1921 р. він здійснив 52 бойові операції, в ході яких було знищено 40 партійних працівників і червоноармійців.

Було відбито 2 тисячі пудів зерна і велику кількість лісозаготівельного інвентарю. 11 березня 1921 р. загоном Лиха в 170 шабель було зайнято містечко Гранів, в якому створено виборний комітет (від повстанців до його складу увійшов місцевий уродженець сотник М. Межовий). 13 березня 1921 р. 150 вершників отамана Лиха захопили містечко Теплик, взявши з місцевого населення контрибуцію. 16 березня 1921 р. повстанці отаманів Лиха та Хмари зайняли села Нижчий та Вищий Ташлик Теплицької волості і Серединку та Серебряю Тернівської волості. Згодом було зайняте й містечко Тернівка [15. 79 – 80].

Наступні повідомлення більшовицької розвідки (станом на 19 березня 1921 р.) констатують наявність серйозних розбіжностей серед повстанців. Це виглядає тим більше дивним, якщо згадати недавнє об'єднання повстанських загонів отаманів Цісаря, Хмари, Чуприни та Цимбалюка. І все ж в офіційному повідомленні червоних каральних органів значиться: «Бандит Хмара до останнього часу був помічником Лиха, але тепер відокремився, оскільки між ними сталася сварка на ґрунті грабежу Хмарою населення, що Лихо забороняє, і говорить, що потрібно лише грабувати євреїв, комуністів і сім'ї червоноармійців, що пішли в Червону армію. Після цієї сварки Хмара відокремився від Лиха і організував банду в 50 – 60 чоловік, яка іменує себе теж Надбужанським повстанським полком» [16].

Відомості про організаційну структуру загону Лиха суперечливі. По-перше, він входив до складу 144-ї дивізії, тому міг мати окрему структуру лише тоді, коли дивізія ще не була створена, або коли вона розділилася на окремі відділи. Можливо, що більшовицька агентура просто плутала або ототожнювала загопи Хмари і Лиха. Очевидно саме про це свідчать суперечливі відомості про його чисельність. Так, майже в один і той же час повідомлялося то про 600 чоловік [17. 304], то про 300 піхоти і 50 кавалеристів [18. 4], то про 200 шабель та 600 піхотинців [19. 49].

У квітні Лихо відокремився від дивізії і пішов на Київщи-

ну, звідки в травні перейшов у Кременчуцьку губернію, а в кінці місяця, повернувшись на Поділля, знову приєднався до дивізії, після чого вона налічувала 1600 кіннотників та 500 піших повстанців.

У червні 1921 р. повстанським організаціям було нанесено важкого удару — більшовики розгромили Всеукраїнський Повстанський Комітет з осідком на Брацлавщині на чолі з отаманом А. Бондаренком, який об'єднував повстанські загони отаманів Заболотного, Вовка, Біди, Трейка, Богуна, Лиха, Орла-Гальчевського, Пугача, Хмари, Сірка, Черкаса, Дубчака, Могили, Волинця, Струка, Клепача, Наливайка, П'ятенка, Хрестового та інших, що діяли на Поділлі під загальним керівництвом призначеного Головним отаманом С. Петлюрою полковника Карого-Яворського [20. 2120 — 2121]. Однак і за цих важких втрат позбавлені єдиного керівництва і зв'язку із центром повстанці продовжували боротися.

Великих втрат зазнав загін отамана Лиха в серпні 1921 р., коли в нього залишилось всього 24 кіннотники. Під впливом поразок почалася деморалізація бійців. Спочатку Лихо був категорично проти амністії, але під впливом Онищука почав вагатися і не заважав здаватися своїм козакам та старшинам [21]. Отаман Лихо і сам зробив спробу здатися, але Онищук, який на той час знову перейшов до повстанства, арештував отамана і весь його штаб. Деякі члени штабу: Кривонос, Флерка, Рюрюрик і Плахотнюк втекли разом з Нечаєм і здалися. Отаман Лихо, вже разом з Онищенком, знову почав боротьбу.

3 жовтня 1921 р. отаман Лихо разом з 45-ма повстанцями потрапив у оточення. Повстанський загін було розгромлено. Ліквідації Лиха сприяв амністований Голенко, який в бою 4 жовтня поранив Лиха в ногу. Не бажаючи здаватися, отаман застрелився. Залишки загону отамана Лиха під командуванням Галайди частково розбіглися, а частково здалися в листопаді 1921 р. [22. 72 — 73].

Мирон Лихо. Шлях ще одного керівника повстанців — Мирона Лиха — пов'язаний з діяльністю отамана Яківа Галь-

чевського (Гольчевський, Орел, Орлик, Орлов, Орловський, Войнаровський) [23] на Правобережній Україні в 1921 – 1922 рр. З січня 1921 р. Я. Гальчевський разом з двома помічниками – В. Сензюком та М. Лихом – почав займатися пропагандою, організацією інформаційно-розвідницької служби та відновленням повстанського загону [24. 14]. 1 квітня 1921 р. в лісі (Карповім яру) біля с. Слобідки, що неподалік с. Бруслинова на Поділлі, відбулась перша повстанська нарада на базі 13 повстанців на чолі з О. Грабарчуком. На ній Я. Гальчевського було обрано отаманом під псевдонімом «Орел». 5 і 6 квітня до них приєдналися повстанці з району м. Хмільника та с. Д'яківці – Літинка – Сахни. Загальна чисельність сягла 40 осіб. Я. Гальчевський розкрив їм ідейні засади і тактику повстансько-партизанської боротьби. 7 квітня біля с. Каміногірка він організував три групи – «сотні». Кожна з них мала коменданта і 12 козаків. Першу очолив О. Грабарчук, другу – В. Сензюк, третю – М. Лихо.

З 15 квітня 1921 р. отаман Я. Гальчевський розіслав «сотні» на два тижні у рідні краї із завданням вбивати поодиноких більшовиків на дорогах або по домівках. Активно оперували загопи Лихо в навколишніх селах й самому м. Хмільнику [25. 27 – 36].

Лихо-Бондарук. Кирило Євламійович Бондарук народився у 1898 р. в с. Катеринці Ананьївського повіту Херсонської губернії (в наш час – Первомайський район Миколаївської області). К. Бондарук з дитинства усвідомив себе українцем, а не «малоросом», а Тарас Шевченко став для нього провідною зіркою на все життя [26. 119].

Коли до с. Катеринки надійшла звістка про створення Української Народної Республіки та початок формування українських військових підрозділів, К. Бондарук у повітового жандарма виміняв за чотири золоті червінці шаблю та револьвера, дістав одяг українського січовика і за першої нагоди збирався податися до Умані. К. Бондарук разом зі своїм односельчанином С. Доценком приїхали до Умані, де формувався один із

куренів українського полку імені П. Полуботка. Вони були захищені до Уманського куреня, в складі якого здійснювали охорону Центральної Ради та уряду України. С. Петлюра особисто інструктував варту, а потім провів із кожним індивідуальні співбесіди. Під час бесіди з С. Петлюрою, К. Бондарук схвально відгукнувся про промову на з'їзді, чим і привернув увагу до себе. С. Петлюра запропонував К. Бондарукові стати слухачем Першої Київської юнацької (юнкерської) школи імені Б. Хмельницького, яка відкрилася у Києві [27. 122].

Перше бойове хрещення К. Бондарук отримав під Крутами у 1918 р. Курінь, в складі якого перебував К. Бондарук, воював на правому фланзі оборони. Після бою відбулася ще одна зустріч К. Бондарука і С. Петлюри, яка ще більше зблизила їх. 26 лютого 1918 р. українські війська повернулися до Києва. На чолі коша Січових стрільців був С. Петлюра, а хорунжий К. Бондарук був командиром головної сотні січовиків. З 1 березня 1918 р. К. Бондарук перебував при штабі С. Петлюри у якості дорадника та старшини з особливих доручень [28].

За наказом С. Петлюри, який тоді став головнокомандувачем — Головним отаманом українського війська, К. Бондарук був призначений політичним дорадником командира Запорізької армійської групи генерал-хорунжого М. Омеляновича-Павленка. Запорізька армійська група здійснила похід на Південь України. 17 березня 1919 р. кінний полк отамана А. Гулого-Гуленка, з яким був К. Бондарук, оволодів Ольвіополем, Богополем і Голтою та навколишніми селами. К. Бондарук отримав змогу побувати на малій батьківщині. Після с. Катеринки К. Бондарук зі своїм загоном відвідав Велику Врадіївку, щоб проінспектувати повстанські загоны К. Колоса — головнокомандувача військами Врадіївської хліборобської республіки, яка була проголошена на початку червня 1919 р. [29. 125].

Після поразки військ Директорії УНР на чолі свого невеликого кінного загону за кордон відступив і отаман К. Бондарук. Первомайські чекісти втратили слід свого «підопічного» отамана, за яким полювали з березня 1919 р. Очевидно, за

невловимість та шкоду, заподіяну більшовикам, чекісти дали К. Бондарукові псевдонім «Лихо» [30], з яким він і ввійшов в історію українського повстанського руху.

Центром, який очолив боротьбу українських повстанців, став штаб Головного отамана С. Петлюри у Львові. Тут було розроблено план повалення радянської влади в Україні та проголошення її незалежності. Передбачалося до 1 серпня 1921 р. підготувати збройне повстання в Україні; створити Центральний Український штаб збройного повстання на чолі з генерал-хорунжим Ю. Тютюнником у Львові; всю територію України поділити на оперативні військово-повстанські округи. Основні сподівання С. Петлюра пов'язував з Південною оперативною округою, яка організовувалася на території Північної Таврії, колишньої Херсонської губернії та Південного Поділля, де через голод та утиски відбувалися особливо активні виступи селян проти радянської влади. Значні ліси і балки, сусідство з румунським кордоном і Поділлям, і, врешті, національно свідоме українське селянство робили цю місцевість сприятливою для партизанської війни проти більшовиків [31. 161]. Головнокомандувачем Південної оперативної округи було призначено К. Бондарука. Це призначення було зумовлено не тільки довірою С. Петлюри до молодого отамана, але й його особистими бойовими заслугами, організаторськими здібностями, а також тим, що був він родом із цих країв.

К. Бондарука було направлено через Румунію на Херсонщину. Він разом з курінним отаманом І. Нагорним — уповноваженим штабу головної розвідки та військовим інструктором трьох повітів — Єлисаветградського, Ананьєвського і Вознесенського [32. 60] — перетнув кордон у районі Бендер. Звідти добрався до Одеси, де протягом тижня налагоджував зв'язки з підпільними українськими та білогвардійськими групами, домовляючись про спільні дії, явки та паролі. Потім перебазувався до Тирасполя, у якому три дні проводив таку ж роботу. Із Тирасполя до залізничної станції Заплази К. Бондарук та І. Нагорний доїхали потягом, а звідти вже верхи на зазда-

легідь підготовлених конях дісталися до Савранських лісів, де дислокувалася повстанська дивізія отамана С. Заболотного.

Поява отамана К. Бондарука на Півдні України стурбувала «чекістів». Адже К. Бондарук після засідання в Холодному Яру отримав явки до 20 підпільних організацій на території України [33. 132]. Не менше стурбувала і поява І. Нагорного, який був особисто знайомий з генералом-хорунжим Ю. Тютюнником, ад'ютантом С. Петлюри Григоровичем та отримав перепустку через кордон від Польського генерального штабу [34. 63]. Вже за тиждень після переходу ними кордону, голові Первомайського повітового управління Надзвичайної комісії Корневу доповіли: «На території повіту помічено сліди перебування відомого вам суб'єкта — отамана Лиха...» [35. 127].

22-річний головнокомандувач повстанськими силами Півдня України К. Бондарук розгорнув активну діяльність по виконанню плану Штабу Головного отамана. Якщо на кінець 1920 р. загін К. Бондарука нараховував близько 200 бійців, то в 1921 р. він набагато зріс [36. 194]. Своїм першим заступником К. Бондарук призначив курінного отамана І. Нагорного. Разом вони інспектували повстанські дивізії і загони, створювали нові полки, забезпечували їх зброєю та боєприпасами, по усій оперативній окрузі закладали склади зброї та продовольства. І. Нагорний мав зв'язки з М. Кулевим, В. Жуком, Є. Проданом та кримінальним бандитом «Узочкою» (М. Гульбою). На квартирі у М. Кульова відбувалися збори, на яких обговорювалися питання про письмову агітацію, організацію загону у Врадіївці та про об'єднання з повстанськими загонами інших волостей [37. 60].

Зваживши на те, що Первомайський повіт знаходиться у центрі Південної оперативної округи, К. Бондарук свій штаб вирішив облаштувати саме тут. Першою квартирою, де базувалися керівники повсталих, був дім Ф. Продана та Л. Остапенка. Основна квартира штабу отамана Лиха знаходилася у непримітному будиночку М. Дануци біля зайжджого двору неподалік від Голти [38. 60].

К. Бондарук та І. Нагорний, крім семінарів та інструктивних нарад із партизанами та старшинами повстанських з'єднань і частин, також відроджували зв'язки зі старою українською інтелігенцією, створювали підпільні патріотичні групи. Лише в Ольвіопольському повіті було створено кілька підпільних груп, в тому числі в Грушівці, Мигії, Сировому, Берізках, Доманівці, Кінецьполі, Голті, Ольвіополі, Богополі [39. 79]. Різні підпільні групи були організовані в єдину петлюрівську Первомайську організацію, а отамана Лихо-Бондарука почали називати командуючим повстанськими військами Херсонщини [40.1].

Підготовка до повстання вступала у завершальну фазу. К. Бондарук наголошував на терміновому завершенні формування повстанських загонів, закладенні баз продовольства, удосконаленні системи зв'язку. Стращенко обіцяв отаману Лихові 70 озброєних людей, з якими К. Бондарук збирався здійснити наліт на кінний завод Урсула, щоб забрати там коней для кавалерії [41. 134].

Водночас над патріотичним підпіллям Південної оперативної групи навис дамоклів меч масштабного провалу. Повітовим управлінням Надзвичайної комісії (ЧК) вдалося укоренити у підпільних групах і навіть повстанських штабах своїх агентів. Інформація про підготовку повстання йшла звідусіль та із перших рук. А провали розпочалися із прикрого випадку – арешту Дяченка та Є. Продана – зв'язкового К. Бондарука. Після арешту Є. Продан виказав начальника телеграфу залізничної станції Голта М. Ясельського, а також дав багато інших «цінних для чекісті» свідчень, але це не врятувало його від засудження до розстрілу 14 лютого 1922 р. [42. 21].

Поступово розплутуючи підпільну мережу, чекісти влітку 1921 р. заарештували близько 200 осіб, підозрюваних в участі у цій організації. 125 з них були розстріляні [43. 28 – 30]. Чекістам стало відомо і про місцезнаходження К. Бондарука та І. Нагорного, але, вчасно попереджені віцепілимими агентами, вони втекли [44]. Партизанський загін було тимчасово розпущено, а підпілля

припинило активну діяльність. Проте ненадовго.

У вересні 1921 р. отамани Лихо (К. Бондарук) та І. Нагорний реорганізували наявні сили і відновили партизанську боротьбу. Вони зібрали вцілілих повстанців, зв'язалися з місцевими кримінальними структурами на чолі з Р. Бабієм і відновили свою діяльність на нових засадах. Конспірація стала ще суворішою. Формування структур велось за принципом трійок і п'ятірок [45. 1 – 2].

Однією з останніх організаційних справ отамана К. Бондарука була поїздка 22 грудня 1921 р. в Подільську губернію для об'єднання потенціалів Подільської і Первомайської повстанських організацій [46. 132], але цій справі не вдалося вирішитися позитивно.

З іншого боку, Первомайському повітовому ЧК 28 грудня 1921 р. вдалося арештувати рідного брата І. Нагорного — Миколу Нагорного. За матеріалами допитів М. Нагорного чекісти арештували М. Кулева — помічника Лиха-Бондарука з керівництва та організації підпільних груп [47. 2].

У січні 1922 р. штаб отамана К. Бондарука з невеликим загоном було відрізано від основних сил повсталих і оточено на околицях Врадіївки. Кільце оточення стискалося із кожною годиною, а сили оточених зменшувалися. Зрештою, повстанців заблокували у центрі села, проте вони продовжували опір. Становище значно ускладнилося, коли важко поранили І. Нагорного і члени штабу втратили багато часу на пошуки надійного місця для його влаштування. Зрозумівши, що настала критична хвилина, отаман К. Бондарук віддав свій останній наказ: «Друзі! Наказую розосередитися і невеликими групами пробиватися увсебіч, рятуватися від ганьби полону. Після цього розшукуйте один одного на явках, налагоджуйте зв'язки, знову гуртуйтеся. Прощайте, побратими! Не втрачайте надії! Слава вільній Україні!» [48. 137].

Проте це не дало бажаного результату — 8 січня 1922 р. І. Нагорний [49. 132] потрапив у полон, а 19 січня 1922 р. К. Бондарук загинув в бою, намагаючись вирватись з оточення

[50. 22]. У протоколі огляду тіла «бандитського ватажка» було зазначено, що «крім смертельного поранення у спину, під ліву лопатку, на тілі знайдено ще дві рани — у районі правого плеча та у праву гомілку»; «на грудях убитого, під френчем знайдено закривавлену книжечку віршів Т. Шевченка, у якій застрягла куля, що пробила серце і вийшла із грудей; ні документів, ні грошей чи цінних речей у вбитого не виявлено» [51].

Таким чином, ми простежили трагічний і героїчний шлях отаманів, що мали псевдо «Лихо» і які діяли на теринах Півдня України в 1919-1922 рр. Найбільше уваги приділили дослідженню життєвого шляху уродженцю Миколаївщини отаману К. Бондаруку (Лихо), який брав участь у знакових подіях української національно-демократичної революції і був одним із керівників Первомайської петлюрівської організації.

Література:

1. Ковальчук М. Хто він, отаман Лихо? / М. Ковальчук // Прибузький вісник. — 1995. — 6, 9, 13, 20, 23 грудня.
2. Петров Л.О. Отаман Лихо (Якубенко) керівник повстанського руху Гайсинщини і Брацлавщини // Тези доповідей XII Вінницької обл. історико-красназничої конференції. — Вінниця, 1993. — С.45-46.
3. Коваль Р. Отамани Гайдамацького краю: 33 біографії. — К.: Правда Ярославичів, 1998. — Режим доступу: http://unknownwar.info/—33—_435/?p=34.
4. Ковальчук М. Катеринка на Кодимі. Історичні розповіді про виникнення та розвиток села / М. Ковальчук. — Катеринка, 2006. — 190 с.
5. Шкварець В.П. Українська національно-демократична революція і боротьба за незалежність на Миколаївщині (1917-1921) / В.П. Шкварець. — Миколаїв, 2007. — 120 с.
6. Котляр Ю.В. Регіональні аспекти повстанського руху селян 20-х рр. XX ст. / Ю.В. Котляр // Проблеми історії України: факти, судження, пошуки. — К., 2005. — Випуск 13. — С.183-201.
7. Завальнюк К. Отаман Чорна Хмара (Цісар) / К. Завальнюк. — Режим доступу: http://unknownwar.info/_489/.
8. Красносілецький Д. Повстансько-підпільна діяльність Якова Гальчевського у Правобережній Україні (1921 — перша половина 1922

рр.) / Д. Красносілецький. – Режим доступу: <http://vuzlib.com/content/view/1968/52/>.

9. Коваль Р. Отаман святих і страшних / Р. Коваль. – К., 2000.
10. Завальнюк К.В. Лицарі волі: Повстанський рух на Поділлі у персоналіях (20-і рр. XX ст.) / К.В. Завальнюк. – Вінниця, 2000.
11. Завальнюк К. Отаман Чорна Хмара (Цісар)..
12. Центральний державний архів вищих органів влади та управління України (далі – ЦДАВО України). – Ф.3204. – Оп.1. – Спр.17.
13. ЦДАВО України. – Ф.3204. – Оп.1. – Спр.79.
14. Петров Л.О. Отаман Лихо (Якубенко)...
15. Завальнюк К. В. Лицарі волі...
16. Завальнюк К. Отаман Чорна Хмара (Цісар).
17. Ступницький С. Операції 45 дивізії по ліквідації бандитизма на Правобережжє. (1920-1922 г.) // Історія 45-ої Вольнської краснознаменої стрелкової дивізії. В 2-х т. – К., 1929. – Т.1: Боевий період.
18. ЦДАВО України. – Ф.3204. – Оп.1. – Спр.17.
19. Центральний державний архів громадських організацій України (далі – ЦДАГО України). – Ф.1. – Оп.20. – Спр.642.
20. Повстанський рух на Україні у 1918-1922 рр. // Енциклопедія українознавства у 10 тт. – Львів, 1996. – Т.6.
21. ЦДАВО України. – Ф.3204. – Оп.1. – Спр.17.
22. Пограничные войска СССР. 1918-1928 гг. Сб. док. – М., 1973.
23. Красносілецький Д. Повстансько-підпільна діяльність Якова Гальчевського у Правобережній Україні (1921 – перша половина 1922 рр.) – Режим доступу: <http://vuzlib.com/content/view/1968/52/>.
24. Гальчевський-Войнаровський Я. Проти червоних окупантів: У 2-х ч. / Я. Гальчевський-Войнаровський. – Краків, 1941. – Ч.1.
25. Там само.
26. Ковальчук М. Катеринка на Кодимі.
27. Там само.
28. Коваль Р. Отамани Гайдамацького краю...
29. Ковальчук М. Катеринка на Кодимі...
30. Коваль Р. Отамани Гайдамацького краю: 33 біографії...
31. Боган С.М. Повстанський рух в Одеській губернії у 1920-1923 рр.// Записки історичного факультету ОНУ ім. І. І. Мечнікова. – Одеса, 1999. – Вип. 8.
32. Галузевий державний архів Служби безпеки України (далі – ГДА СБ України). – Спр.44224. – Т.6.

33. ГДА СБ України. — Спр.44224. — Т.6.
34. Там само.
35. Ковальчук М. Катеринка на Кодимі...
36. Котляр Ю.В. Регіональні аспекти повстанського руху селян 20-х рр. XX ст..
37. ГДА СБ України. — Спр.44224. — Т.6.
38. Там само.
39. Шкварець В. З історії отаманщини на Миколаївщині в роки Української національно-демократичної революції та визвольних змагань (1919-1922 рр.)// Краєзнавчий альманах. Історія. Археологія. Наука. Культура. Освіта. Промисловість. Сільське господарство. — Миколаїв, 2010. — №1.
40. ГДА СБ України. — Спр.44224. — Т.2.
41. ГДА СБ України. — Спр.44224. — Т.6.
42. ГДА СБ України. — Спр.44224. — Т.2.
43. ЦДАВО України. — Ф.3204. — Оп.1. — Спр.11.
44. Коваль Р. Отамани Гайдамацького краю: 33 біографії...
45. ГДА СБ України. — Спр.44224. — Т.1.
46. ГДА СБ України. — Спр.44224. — Т.6.
47. ГДА СБ України. — Спр.44224. — Т.1.
48. Ковальчук М. Катеринка на Кодимі.
49. ГДА СБ України. — Спр.44224. — Т.6.
50. ЦДАГО України. — Ф.1 — Оп.20. — Спр.1698.
51. Коваль Р. Отамани Гайдамацького краю: 33 біографії...

ПІВДЕННИЙ ЗАХІД. ОДЕСИКА
КРАЙ В ЕПОХУ ДИКТАТУР

Валерій Левченко,
кандидат історичних наук,
старший викладач кафедри
українознавства та іноземних мов
Одеського національного морського університету

***НАУКОВА КОМУНІКАЦІЯ В ОДЕСІ 1917–1944 РР.:
РЕСУРС РОЗВИТКУ ОСВІТИ ТА НАУКИ***

Інформаційне забезпечення всіх сфер життя є важливим інструментом трансформації країни на етапах її історичного розвитку. Зокрема, для продуктивного функціонування наукового співтовариства необхідні засоби комунікації, де відбувається обговорення актуальних питань у різних форматах (статті, рецензії тощо). Обмірковуючи український досвід, варто звернути увагу на практику першої половини ХХ ст., коли відбувалися карколомні зміни у всіх галузях життя суспільства.

Наукові комунікації Одеси першої половини ХХ ст. давали науковцям можливість досліджувати суспільно-політичні, соціально-економічні та культурні аспекти розвитку людства. Проте, донині не маємо наукових досліджень, які б хоча б поверхнево відтворили складний процес становлення, розвитку, специфіку функціонування наукових періодичних та почасових видань Одеси. Доцільність дослідження даної проблематики зумовлена необхідністю виявити засоби наукової комунікації в Одесі, встановити провідні тенденції їх розвитку та напрямів.

Окреслені хронологічні рамки є особливим етапом в історії одеської наукової комунікації. Цей період став своєрідним полігоном експериментів в Одесі багатьох політичних сил: Тимчасовий уряд (1917), Центральна Рада (1917–1918), Радянська влада (1918, 1919, 1920–1941), австрійська окупація (1918), Гетьманат (1918), Директорія (1918), французька інтервенція (1918–1919), режим Збройних сил півдня Росії (1919–1920),

німецько-румунська окупація (1941–1944) [1], які привносили істотні зміни у всі сфери життєдіяльності, у тому числі функціонування засобів наукових комунікацій.

Основним компонентом, що впливав на розвиток наукових комунікацій в Одесі в зазначений період, був складний перманентний процес інституційних, структурних і когнітивних змін у державно-адміністративній системі управління. У фазі трансформації соціально-політичних умов необхідно повніше враховувати як окремий вплив зовнішніх і внутрішніх факторів, так і їх взаємозв'язок і взаємозумовленість, що у вивченні даної проблеми дозволяє виділити чотири хронологічні етапи: 1) 1917–1920 рр., 2) 1921–1930 рр., 3) 1931–1941 рр., 4) 1941–1944 рр.

На першому етапі (1917–1920), на тлі війн і революційних подій із зростаючою соціально-економічною кризою, розвиток системи освіти та науки в Одесі був ізольований від загальних тенденцій керівництва колишньої Російської імперії та опинився в локальному становищі, подальше існування та реорганізацію регламентували місцеві (губернські, міські) органи відповідно до вказівок національних та більшовицьких урядів України. Приголомшуючим наслідком більшовицького керування стала ліквідація 1920 р. Новоросійського університету, який впродовж попередніх п'ятдесяти п'яти років виконував роль освітньо-наукового центру півдня країни.

Калейдоскопічна зміна влади в Одесі з наступною реорганізацією вишів і науково-дослідних установ, еміграція вчених, занепад економічних і фінансових відносин, втрата зв'язків одеських вчених з науковцями інших міст і держав, відсутність можливості публікацій наукових напрацювань привели до припинення активної наукової діяльності. Підтвердженням цієї скрутної ситуації є думки І. Гінзбурга, опубліковані 1921 р., які чітко характеризують становище одеських вчених у зазначений період: «Научная жизнь на Украине... за последние годы постепенно замирает. Бесконечная смена властей, связанные с этим постоянные переустройства научных и учебных орга-

низаций, новые формы денежных знаков, вечное перекраивание смет, хождения и поездки по всякого рода властям, абсолютная необеспеченность ученого и учебного персонала — вот картина местной научной жизни за эти два года» [2].

У цей час перестали виходити майже всі одеські наукові періодичні видання, які впродовж багатьох років до цього незмінно бачили світ — «Летописи Историко-филологического общества при Новороссийском университете», «Известия Одесского библиографического общества», «Записки Одесского отделения Императорского Русского технического общества» [3] та ін. Виключення склали «Записки Новороссийского общества естествоиспытателей», «Записки Одесского общества истории и древностей» і «Записки императорского общества сельского хозяйства Южной России», редколегії яких у вирі революційного лихоліття спромоглися видати по одному номеру, відповідно 1918, 1919 і 1922 рр. [4].

На зламі 1910–1920-х рр. одеська наукова інтелігенція активно виступала за демократизацію науки, за подальше існування науково-дослідних установ попередньої епохи зі всією інфраструктурою, в тому числі й друкованими виданнями. Так, при Одеському гуманітарно-суспільному інституті (ОГСІ), як спадкоємці Новоросійського університету [5], продовжувало існувати Одеське Бібліографічне товариство, яке до цього часу діяло при університеті. 16 вересня 1920 р. було затверджено новий статут цього об'єднання, відповідно якому воно мало назву — Одеське Бібліографічне товариство при ОГСІ. До складу Президії товариства входили О. М. Де-Рибас (голова), П. С. Шестериков (скарбник), В. Ф. Лазурський (секретар). Збори товариства відбувалися щотижня в приміщенні інституту на вулиці Преображенській, 24 [5. 210]. Також на початку 1921 р. відновили свою діяльність Одеське товариство історії і старожитностей, Историко-філологічне та Бібліографічне товариства [6], але вони проіснували недовго, їх було закрито у зв'язку з економічною кризою того часу [7. 182]. Фактичних підтверджень про видання друкованих матеріалів цими установами, поки

не встановлено. Хоча, на нашу думку, скоріш за все вони й не здійснювали діяльність у цьому напрямку. Таким чином, у 1920–1922 рр. наукові товариства Одеси дореволюційної формації (за виключенням одного) не здійснювали публікації напрацьованих своїх членів, що й дає підстави для хронологічного обмеження першого періоду 1920 р.

Під час бурхливих революційних подій 1917–1920 рр. в Одесі в сфері наукових комунікацій відбулася неординарна подія. Коли місто знаходилося під владою режиму генерала А. І. Денікіна – Збройних сили півдня Росії (серпень 1919 р. – січень 1920 р.), було здійснено видання «Трудов подготовительной по национальным делам комиссии» [8]. Ця збірка була спеціалізованим виданням, праці якого дозволяли діючій владі чітко викласти свою позицію в «українському питанні», тобто вона відіграла роль одного з ідеологічних програмних документів Добровольчої армії за часи громадянської війни на теренах України. Збірка була видана під редакцією історика, професора І. А. Линниченка, в якій разом з ним свої праці опублікували: О. Д. Билимович, П. М. Богаєвський, Б. М. Ляпунов, С. Г. Грушевський, Н. К. Могилянский, А. І. Савенко, А. В. Стороженко. Метою викладених авторами ідей було переконати суспільну думку у відсутності яких би то ні було підстав для державно-політичної самостійності українського народу. З точки зору наукової цінності статті збірки залишають нерівнозначну думку, але це видання стало єдиним у своєму роді.

Отже, соціально-політична нестабільність, скрутне матеріальне становище, криміногенна ситуація, реорганізація вищої школи, насадження ідеологій різних політичних сил та інші негаразди повсякденного життя у сукупності призвели до припинення друкування в Одесі наприкінці 1910-х рр. наукових видань дореволюційної формації та первісток нової епохи.

Другий етап (1921–1930) обумовлений перебудовою вищої школи на національній основі і трансформацією організаційних форм (кафедри, секції, товариства, комісії тощо) науково-дослідних установ, що в свою чергу розширило наукову орієнтацію та

детермінувало плоралізм дослідницької практики. Однак, на початку 1920-х рр. відлуння соціально-економічних наслідків громадянської війни ще гальмували процес становлення й розвитку освіти та науки. У складних політичних стосунках, які склалися між науковою інтелігенцією і владою, розвиток наукових комунікаційних процесів перебував у перманентному становищі. До того ж політика воєнного комунізму, що проводилася в роки громадянської війни, у мирний час виявилася неплідною, і для виживання нової влади їй довелося вимушено піти на певну лібералізацію політичного, економічного та культурного життя [1]. Політика коренізації, рух за культурно-національне відродження сприяли прогресивним тенденціям розвитку освіти та науки, створенню нових інтелектуальних центрів, формуванню нових угруповань наукової еліти.

На початку 1920-х рр. на базі вишів були засновані науково-дослідні установи. Вони мали важливе значення в організації науки й стали основою формування науково-дослідних інституцій сучасного типу. Дореволюційна університетська форма наукових досліджень була замінена новими різноманітними організаційними формами – науково-дослідні кафедри, товариства, комісії з секціями та підсекціями, які виникали не обов'язково при вищій школі [9]. Відсутність поділу наукових установ на академічні та вузівські створювала сприятливі умови для об'єднання творчих зусиль вчених [10]. Наукова діяльність вчених Одеси знаходила своє відображення в публікаціях праць, основним видом яких були статті, надруковані в місцевих і центральних періодичних та почасових виданнях.

Саме завдяки наполегливим зусиллям професорсько-викладацького складу вищої школи Одеси було засновано та налагоджене видання «Учёных записок Высшей школы Одессь» [11], які й отримали пальму першості наукового періодичного журналу в Одесі за радянські часи. Поява цього наукового журналу була обумовлена налагодженням навчального процесу в вищій школі Одеси, де спадкоємцем Новоросійського університету став ОГІІ, та продовженням професорсько-викла-

дацької корпорації цього закладу, університетською традицією поєднання освіти й науки.

Збірки праць (томи) «Ученых записок Высшей школы г. Одессы» були тематично поділені на чотири відділи: гуманітарно-суспільних наук, медицини й біології, фізико-математичних й технічних наук та сільськогосподарських, які презентували дослідження одеських учених у відповідних галузях науки. Таким чином, в умовах скрутного ідеологічного та економічного становища учені різних фахів об'єднали зусилля для видання хоча б одного наукового видання. Протягом 1921–1922 рр. завдяки власним інтелектуальним і фінансовим зусиллям одеських науковців було видано два томи відділу гуманітарно-суспільних і фізико-математичних й технічних наук та один том відділу медицини й біології.

Здійснюючи реалізацію видання «Ученых записок Высшей школы г. Одессы» вчені з реалізацією наукових інтересів одночасно проводили благодійну акцію. Так кошти, виручені від продажу першого тому гуманітарно-суспільних наук (виданий 1921 р. під реакцією В. Ф. Лазурського, Є. П. Трифільєва, О. Я. Шпакова, В. М. Штейна), були надіслані вченими у розпорядження губернської Комісії допомоги голодуючим. Другий том гуманітарно-суспільних наук (датований 1922 р., під редакцією В. Ф. Лазурського, А. В. Флоровського, М. І. Гордієвського, П. О. Бузука) має дві особливості. Перша полягає в тому, що він був присвячений 30-річчю викладацькій діяльності професора, лінгвіста-славіста Б. М. Ляпунова. Другою особливістю стала перша в історії наукових періодичних видань Одеси публікація українською мовою. Історик та один з провідників українського руху в Одесі – М. Є. Слабченко [12] – опублікував статтю «Фаміліати й заступаючі» [13]. Разом з ним у двох томах гуманітарно-суспільних наук «Записок» наукові праці з історії, археології, історії літератури, педагогіки опублікували вчені – Б. В. Варнеке, М. І. Гордієвський, С. С. Дложевський, М. І. Мандес, Ю. Г. Оксман, П. Й. Потапов, С. Л. Рубінштейн, В. В. Стратен,

А. В. Флоровський та ін.

Із черговою трансформацією 1923 р. мережі вищої школи Одеси видання «Ученых записок Высшей школы г. Одессы» було припинено.

Після закриття Новоросійського університету, який до 1920 р. як провідний вищий навчальний заклад міста був центром науки, науково-дослідницька робота його вчених була відокремлена від навчальної та переведена до новостворених науково-дослідних установ [14]. Перші науково-дослідні установи в Одесі почали з'являтися на початку 1922 р. Вже 1923/24 навчального року існувало 14 науково-дослідних кафедр, склад яких нараховував 139 штатних працівників, серед них — 80 наукових робітників і 59 аспірантів [15]. Одним з їх завдань було налагодження наукових періодичних видань з пріоритетних напрямів досліджень.

Тому 1923 р. розпочався випуск «Журнала научно-исследовательских кафедр в Одессе» [16], який призначався для коротких повідомлень щодо праць наукових співробітників кафедр. У першому номері на внутрішньому розвороті обкладинки цього видання відмічалось, що журнал є продовженням «Ученых записок Высшей школы Одессы». За п'ять років було надруковано шістнадцять номерів у трьох томах. З першого року видання «Журнал научно-исследовательских кафедр в Одессе» включав три відділи: математики й техніки (під редакцією І. Ю. Тимченка), медицини и природознавства (Г. І. Танфільєв) та суспільно-гуманітарних наук (Е. Я. Немировський). У 1924 р. було виділено четвертий відділ — медицини — на чолі з редактором Н. К. Лисенковим.

У 1927 р. через належність п'ятьох науково-дослідних кафедр Одеському інституту народної освіти (ОІНО) — провідного на той час у місті вищого навчального закладу та основного місця роботи переважної більшості науковців [17] — спадковість «Журналу научно-дослідних кафедр в Одесі» була передана «Запискам Одеського інституту народної освіти» [18], перший та єдиний номер яких було надруковано накладом

550 примірників. Проспект цього видання було затверджено в травні 1926 р. Державним науково-методичним комітетом НКО УСРР під назвою «Труди Одеського ІНО» як видання педагогічних праць інституту за рахунок власних коштів [19]. Тільки 4 березня 1927 р. Правління ОІНО оголосило про видання збірки і затвердило розділи: загальний, педагогічний, соціально-економічний і біоматематичний, а 15 квітня зазначили останнім терміном збирання матеріалів до друку. Відповідальним редактором призначили проректора Д. К. Третьякова, а попередню редакцію матеріалів поклали на голів предметних комісій [17. 251].

У такий спосіб було здійснено видання одного тому «Записок» ОІНО, на сторінках якого була оприлюднена значна частина доробку вчених Одеси. Причинами припинення подальшого видання «Записок» стала низка чинників: фінансові труднощі інституту, відсутність підтримки з боку керівництва наркомпросу, інертність науковців вишу у просування та відстоюванні ідеї існування інститутського видання, які мали можливість вибору подавання публікацій до друку в різні збірки, журнали тощо.

До того ж у другій половині 1920-х рр. починають виходити видання й при інших вищих навчальних закладах Одеси, де, як правило, за сумісництвом працювали викладачі, основним місцем роботи яких був ОІНО. Так, у мережі наукових видань з'явилися «Вісті Одеського сільськогосподарського інституту», «Записки Одеського інституту народного господарства», а Державна геофізична обсерваторія з 1925 р. випускала власний «Бюллетень» [20. 167].

У другій половині 1920-х рр. в Одесі вже існувала розвинута мережа наукових видань, які були друкованими органами різноманітних за формою, структурою, тематикою та методикою наукових установах. Відповідно затвердженню Колегії НКО УСРР від 9 лютого 1925 р. наукові установи могли видавати власні наукові видання — бюллетені, збірки, записки та окремі відбитки праць своїх членів [21]. Тому всі одеські

наукові установи мали друкований орган, де публікувалися результати наукової діяльності їх представників. Серед них були Одеська комісія краєзнавства при Всеукраїнській академії наук, яка видавала «Вісник Одеської комісії краєзнавства при ВУАН» [22], Одеське наукове товариство при Українській академії наук – «Записки Одеського наукового при Українській Академії наук товариства» [23], Українське бібліографічне товариство в Одесі – «Записки Українського бібліографічного товариства в Одесі» [24], Одеська центральна наукова бібліотека – «Праці Одеської центральної наукової бібліотеки» [25] та інші.

Отже, на середину 1920-х р. видавнича справа наукових засобів інформації поступово налагодилася. Одночасно з цим у світлі впровадження політики коренізації втілювалися в життя ідеї створення українознавчих науково-дослідних установ. Боротьба за легалізацію української системи освіти і науки мала широку підтримку й в Одесі. Хоча, ще 1924 р. М. Є. Слабченко у статті «Культурно-наукове життя Одеси в 1914–1924 рр.» так характеризував цей рух: «Т. ч. від 1922 р. в Одесі існує тільки єдина українська вища школа ІНО, не зовсім і по сей день українізована, і повна відсутність до 1924 р. наукових товариств. Оглядаючись на минуле 10-ліття, бачимо, що українська громадська думка старанно шукала собі виходу. Але наукова думка не мала й досі не має осередку: «клімат такої» [7. 182–183].

За ініціативою українських вчених і діячів культури ситуацію було виправлено і на 1926 р. в Одесі вже існувало три українознавчих наукових осередки: Українське бібліографічне товариство (1925–1930) [26], Одеська секція Харківської науково-дослідної кафедри історії української культури при Одеському інституті народної освіти (1926–1930) [16. 247–249, 259–261] і Одеське наукове товариство при УАН (ОНТ при УАН, 1926–1931) [27]. Перше товариство (голова Б. М. Комаров) знакове тим фактом, що воно стало єдиним об'єднанням з числа дореволюційних, яке було відроджене та

активізувало свою просвітницьку діяльність в напрямку української проблематики. Друге наукове об'єднання (керівник М. Є. Слабченко) мало винятковість у тім, що воно стало першою в Одесі науково-дослідною установою з україністики. Видатне значення мало й третє товариство, яке було першим українознавчим науковим осередком академічного типу в Одесі. Його головою було обрано М. І. Гордієвського, а неформальним лідером впродовж всього часу залишався М. Є. Слабченко. Представники ОНТ при УАН змогли видати більше десятка томів «Записок», які містили низку розвідок з українознавства. У виданнях інших товариств також було чимало важливих праць з даної тематики.

ОНТ при УАН вбирало в себе шість секцій: соціально-історична (голова — Є. О. Загоровський, секретар — І. М. Броввер), історико-філологічна (В. Ф. Лазурський, І. Горун), медична (М. Заєвлошин, Смерчинський), педагогічна (М. І. Гордієвський, П. М. Нестеренко) [28. 4], природничо-математична (Г. Я. Точидловський, Б. О. Волянський) і технічна (К. Богомаз, Тананушко) [29. 3–4]. З кожним роком чисельність товариства постійно збільшувалася. Так, у 1928 р. воно нараховувало 140 членів, а 1929 р. — 198 осіб [29. 15]. Серед членів товариства були історики, філологи, економісти, інженери, педагоги, лікарі, математики, географи, краєзнавці та представники інших професій. За науковим статусом в об'єднанні можна було зустріти як академіка чи професора, так і молодого асистента, що доводить факт про відсутність окремої внутрішньої ієрархічної системи. Отже, членів товариства об'єднувала спільна ідея та методи її втілення у життя.

Важливою складовою будь-якої наукової діяльності є публікація її результатів. Добре це розуміючи, М. Є. Слабченко прагнув будь-що організувати і налагодити періодичні випуски наукових записок ОНТ при УАН. Протягом 1927–1930 рр. соціально-історична секція видала п'ять збірок наукових праць, чотири з яких вийшли під редакцією М. Є. Слабченка. Історико-філологічною секцією від 1928 до 1929 рр. було

видано три збірника (№ 2 спільно з М. Є. Слабченком) під редакцією В. Ф. Лазурського. З поширенням та поглибленням роботи окремих секцій ОНТ при УАН виникла необхідність міждисциплінарного обміну інформацією, обміну думками щодо спільних організаційних проблем. Враховуючи ці обставини 1927 р., було започатковано видання «Звіт про діяльність Одеського наукового при Українській академії наук товариства» [27; 28], в якому подавалися короткі повідомлення про роботу кожної із секцій товариства, а також узагальнювався досвід їх діяльності. Всього ОНТ при УАН видало 12 випусків «Записок» секцій, шість монографій, російсько-український словник і щорічні звіти [30].

У 1920-х рр. відновилося і значно розширилося у порівнянні з дореволюційним періодом видання медичних наукових і науково-популярних журналів в Одесі. Відомо, що ще 1919 р. друкувався науковий і професійно-громадський часопис «Южный медицинский вестник». У другій половині 1920-х рр. виникає низка різного типу медичних журналів: видання Одеського державного медичного інституту і наукової асоціації лікарів «Южный медицинский журнал» (1926–1927), «Одесский медицинский журнал» (1927–1930) [20. 167].

На цей же час припадає активне відродження та створення нових науково-технічних товариств, кожне з яких прагнуло мати своє друковане видання. Створювалися вони у важких умовах, які переживала країна на той час. У 1923 р. в Одесі почав видаватися щомісячний науково-технічний бюлетень «Наука и техника» (1923–1927) – орган Одеського науково-технічного відділу Одеського відділення Всеросійської асоціації інженерів та Одеського політехнічного інституту (редакційна колегія: С. І. Давидов, І. Л. Левензон, Б. Л. Нікола, П. І. Петренко-Критченко). У ньому розміщувалися оригінальні дослідницькі праці, присвячені фізико-математичним наукам, зведення лабораторно-аналітичних робіт, результати експериментальних досліджень з прикладних інженерно-технічних дисциплін, пов'язаних з потребами і розвитком місце-

вого господарства» [20. 167–168]. З 1928 р. це періодичне видання друкувалося під назвою «Научно-технический журнал».

У цей же період в Одесі започатковуються фахові видання у сільськогосподарській галузі. Одним з них були «Труды южной областной организации по изучению сельскохозяйственных мелиораций» (1923–1928, з 1924 р. «Труды Южной областной мелиоративной организации (ЮОМО)»). Видання належало експериментальній меліоративній частині Управління меліорації земель РСФРР, яка розміщувалася в Одесі за адресою вул. Пушкінська, 18. Перші номери збірки виходили російською мовою, а починаючи з дев'ятого випуску 1928 р. виходили українською мовою під назвою «Труды Південної краєвої меліоративної організації (ПКМО)» [31].

Також добре організована та активна наукова робота відбувалася в Центральній науковій бібліотеці Одеси (1920–1930, директор С. Л. Рубінштейн). Перебуваючи на чолі Наукової бібліотеки він зміг добитися права бібліотеки друкувати наукове видання – «Праці Одеської центральної наукової бібліотеки» (було видано 3 томи) [32]. Основним напрямком діяльності бібліотеки було перетворення її з книгоховища на активний фактор загальної системи освіти в країні, що придало їй ваги та поставило на належне місце серед наукових закладів, які вивчали питання бібліотекознавства, книговедіння та бібліографії. У 1923 р. при бібліотеці було засновано бібліографічний семінар, який став осередком наукової праці бібліотеки. Наприкінці 1920-х рр. його було перетворено на науково-дослідну комісію [33].

У 1920-х рр. в Україні видавалися також масові науково-популярні журнали, розраховані на всі верстви населення. Так, серед великої кількості видань належне місце займає журнал «Шквал» (1924–1931) – додаток до газети «Известия Одесского губкома КП(б)У, Губисполкома и Губпрофсовета» [34], офіційного видання органів влади Одеської губернії (округу). У редакційній статті, яка відкривала перший номер журналу,

ззначалося, що мета видання — «дати широким робітничим і селянським масам у зрозумілій для них формі найрізноманітніші знання з різних галузей науки і практики». На його сторінках велась пропаганда різних наукових проблем: друкувалися огляди політичних й економічних подій, нариси історії й теорії наукового соціалізму, статті з актуальних питань природознавства і техніки, пропагувалися нові технічні розробки, форми і методи сільськогосподарської діяльності. Проблематика публікацій журналу «Шквал» була орієнтована як на малоосвічених громадян, так і на громадян з високим освітнім статусом. Значна кількість заміток була написана спрощеною мовою, але поруч з цим авторами багатьох теоретичних статей на теми освіти, науки, мистецтва тощо були науковці, в текстах яких використовувалися академічні терміни і науковий лексикон. Крім текстів журнал був насичений великою кількістю світлин, малюнків тощо, які висвітлювали деталі тогочасного життя та формували візуальне уявлення про нього [35].

З культурологічних і літературно-мистецьких видань варто відзначити журнал літератури, історії літератури й мистецтва «Блиски» (1928–1929), який став літературним літописом Одеси кінця 1920-х рр. Журнал згуртував навколо себе людей, не байдужих до долі нації та її культури. Одним з його співробітників був відомий поет, літературознавець В. А. Гадзінський [36]. Людина високої освіченості, він став, як й Е. Г. Багрицький, для літературної молоді того часу «неофіційним літвузом». Завдяки його художньому чуттю на сторінках журналу були опубліковані твори багатьох молодих літераторів, які згодом стали відомими письменниками, поетами, літературними критиками. У «Блисках» також публікувався одеський професор, історик літератури А. В. Музичка [37]. У 1931 р. на основі «Блисков» виник журнал «Металеві дні» (1930–1933) — щомісячне літературно-художнє й громадсько-політичне видання, яке відіграло значну роль у згуртуванні місцевих літературних і мистецьких сил. У 1933 р. журнал «Металеві дні» було об'єднано з журналом «Шквал» і він дістав на-

зву «Літературний Жовтень».

Як бачимо, 1920-ті рр. в Одесі стали періодом формування та інтенсивного розвитку системи освіти, науки та наукових комунікацій. Наукова робота стала важливою ланкою української культури, засвідчуючи глибину інтелектуальної енергії, яку була здатна виявити українська спільнота при умові її виникнення «з низу» як елементу прояву ініціативи з боку представників наукової корпорації.

Однак надалі, особливо на початку 1930-х рр., умови її обставини почали змінюватися, ідеологічний тиск дедалі відчутніше поширювався й на науку. Зростаючі тенденції централізації і бюрократизації суспільного життя негативно вплинули на стан наукових досліджень, освітянський рух, що й стало підставою для виділення третього етапу (1931–1941 рр.) у розвитку наукових комунікацій в Одесі.

На початок 1930-х рр. в Одесі припинили існування майже всі наукові й просвітницькі товариства. У 1936 р. ВУАН було перейменовано в АН УРСР, «під одним дахом» якої адміністративному апарату стало легше і зручніше керувати згуртованими науковими силами. У 1920-х рр. мала місце певна автономія наукових досліджень від ідеології та уряду, але останній доклав багато зусиль для здійснення реформ і завоювання вищої школи через інститут робітфаків новими пролетарськими викладачами шляхом кадрової ротації та ідеологічного пресингу. Розпочаті владою репресії проти науково-освітянської інтелігенції та боротьба з націоналізмом призвели до згортання багатьох напрямів досліджень, особливо в галузі суспільствознавчих наук [1; 20. 168–169]. Це було проявом загальної тенденції, спрямованої на посилення тоталітарного режиму. Невиправдані експерименти в галузі науки й освіти, наростаючі репресії щодо представників інтелектуальної еліти не могли не позначитися на якості та рівні наукових досліджень й відповідно на долі наукових періодичних видань.

У середині 1930-х рр. прокотилася нова хвиля репресій проти української наукової інтелігенції. Одночасно припини-

лося видання й до того малої кількості наукових видань. Масові репресії забрали життя багатьох одеських учених, які перебували в концтаборах або були розстріляні. Серед них — математик М. А. Чайковський, історики Є. О. Загоровський, М. Є. Слабченко і М. І. Гордієвський, історики літератури В. Я. Герасименко і А. В. Музичка, географ О. О. Сухов та ін. Однією з форм репресій була заборона займатися науковою діяльністю, викладати і друкуватися. Підготовлені до друку рукописи книг і статей, а також опубліковані раніше книги репресованих авторів вилучалися з бібліотек. На кінець 1930 р. з політичних причин так і не побачила світ збірка статей «Полуднева Україна» [38], серед авторів якої також були одеські вчені. Книга «Рабство в стародавньому Римі» професора М. І. Гордієвського до виходу в світ була конфіскована НКВС, автора 1938 р. заарештовано [39], а згодом безпідставно розстріляно [40]. У наслідок відповідної політики радянської влади чимало вилучених із наукового обігу матеріалів безслідно зникли або довго залишалися ізольованими від суспільства у спецховищах.

Подібні процеси мали місце в науковій і видавничій сферах, діяльність їх інституцій дедалі ідеологізувалася, набуваючи рис тоталітаризму. Тематика і зміст наукових досліджень все тісніше пов'язувалися з більшовизацією науки, що супроводжувалось посиленням адміністративного тиску на вчених і бажанням держави підкорити їх своєму диктатові. Радянське керівництво швидко і безжалісно розправлялося з тими, хто не міг позбутися роками набутих моральних цінностей і дозволяв собі прояви вільнодумства. Політизація та ідеологізація суспільствознавства призвели до суттєвого скорочення обсягу українознавчих досліджень, звуження міжнародних контактів, до різкого зменшення кількості наукових видань і публікацій. Місцем публікацій науковців стали періодична преса (переважно газети), центральні фахові видання і видання вишів, в яких, перед тим як виходити, стаття проходила багаторівневу фільтрацію. Як зазначив київський історик О. Ф. Коновець:

«Усе це в підсумку загострило актуальну для українського наукового співтовариства проблему ефективності наукових комунікацій і дієвості пропаганди знань» [20. 170].

Четвертий етап (1941–1944 рр.) розвитку наукової комунікації в Одесі припадає на час німецько-румунської окупації міста та пов'язаний із змінами в політико-ідеологічному спрямуванні та експансією румунської мови. Науково-освітня діяльність вчених була зосереджена в єдиному вищому навчальному закладі міста – Румунському королівському університеті (Одеський університет), Історико-археологічному музеї, Історичному архіві та у відновленому у вересні 1943 р. при університеті Одеському товаристві історії і старожитностей (діючого до цього у 1839–1922 рр.). Основними формами реалізації науково-дослідної діяльності істориків були статті, доповіді, виступи на радіо [41]. Публікації друкувалися у періодичній пресі – газетах «Молва», «Одесса», «Одесская газета» та ін. Отже, в даний період історії наукових комунікацій в Одесі також існував певний дефіцит наукової періодики.

Результатом дослідження став аналіз розвитку мережі періодичних наукових видань в Одесі в 1917–1944 рр., особливостей їх заснування, тематики, наукового рівня публікацій, у контексті функціонування вітчизняних наукових комунікацій. Здійснення науково-історичного огляду масиву періодики за цей час дає можливість розширити джерельну базу для численних історичних досліджень у галузях освіти, науки і техніки. Варто зазначити значення наукової періодики як джерела з історії вітчизняної науки, яка за складних суспільно-політичних і соціально-економічних умов відіграла важливу роль, але на сьогодні значна кількість видань ще чекає окремих комплексних досліджень та свого поширеного введення у науковий обіг.

Література:

1. Див.: Історія Одеси / Голов. ред. В. Н. Станко. – Одеса, 2002. – С. 275–425; Савченко В. А. Неофициальная Одесса эпохи нэпа

(март 1921 – сентябрь 1929). – М., 2012. – 287 с.

2. Гинзбург И. На Украине // Наука и её работники. – 1921. – № 1. – С. 30.

3. Летописи историко-филологического общества при Новороссийском университете. – Одесса, 1890–1916; Известия Одесского библиографического общества. – Одесса, 1911–1916; Записки Одесского отделения Императорского Русского технического общества. – Одесса, 1885–1916.

4. Записки Новороссийского общества естествоиспытателей. – Одесса, 1918. – Т. 42; Записки Одесского общества истории и древностей. – Одесса, 1919. – Т. 33; Записки императорского общества сельского хозяйства Южной России. – 1922. – Т. 89, № 1/4.

5. Див.: Левченко В. В. Одеський гуманітарно-суспільний інститут (1920–1921): до питання спадкоємності традицій університетської освіти // Записки історичного факультету. – Вип. 19. – Одеса, 2008. – С. 207–216.

6. Заметка о чествовании профессора Б. М. Ляпунова // Учёные записки Высшей школы г. Одессы. – Одесса, 1922. – Т. 2. Отд. гум.-общ. наук. – С. 160.

7. Слабченко М. Культурно-наукове життя Одеси в 1914–1924 рр. // Україна. – 1925. – Кн. 14. – С. 179–183.

8. Труды подготовительной по национальным делам комиссии. Малорусский отдел. – Одесса: тип. изд. «Русская культура», 1919. – Вып. I: Сборник статей по малорусскому вопросу. – 119 с.

9. Комаренко Н. В. Утворення та діяльність історичних кафедр на Україні в 20-х роках // Історіографічні дослідження в Українській РСР. – К., 1971. – Вип. 4. – С. 33–35.

10. Водотика С. Г. Наукове життя Одеси 1920-х рр. (структура та взаємодія дослідних установ гуманітарного профілю) // Одесі – 200. – Ч. II. – Одеса, 1994. – С. 112.

11. Учёные записки Высшей Школы г. Одессы. – Одесса, 1921–1922. – Т. I–II.

12. Див.: Заруба В. М. Історик держави і права України академік М. Є. Слабченко (1882–1952). – Дніпропетровськ, 2004. – 456 с.; Шаповал Ю. «Фантазер» Михайл Слабченко // День. – 2005. – № 68 (16 апреля); Музичко О., Хмарський В. Михайло Слабченко: нон-конформіст у науці та громадському житті // Чорноморська хвиля Української революції: провідники національного руху в Одесі у 1917–1920 рр. – Одеса, 2011. – С. 288–313.

13. Слабченко М. Є. Фаміліати й заступаючі // Ученые записки Высшей Школы г. Одессы. — 1922. — Т. 2. Отдел гуман.-обществ. наук. — С. 81–84.
14. Бюлетень офіційних розпоряджень і повідомлень Наркомосвіти. — 1921. — Ч. 7–8. — С. 1.
15. Внуков Т. На протязі року // Путь просвещения. — 1924. — № 8. — С. 218.
16. Журнал научно-исследовательских кафедр в Одессе. — 1923–1927.
17. Див.: Левченко В. В. Історія Одеського інституту народної освіти (1920–1930 рр.): позитивний досвід невдалого експерименту. — Одеса, 2010. — 428 с.
18. Записки Одеського інституту народної освіти. — 1927. — Т. 1.
19. Бюлетень НКО УСРР. — 1926. — Ч. 8. — С. 51.
20. Коновець О. Ф. Наукова комунікація в Україні в 20–30-х роках // Наукові записки Інституту журналістики. — 2002. — Т. 8. — С. 163–171.
21. Бюлетень НКО УСРР. — 1925. — Ч. 4. — С. 76.
22. Вісник Одеської комісії краєзнавства при Всеукраїнській Академії наук. — Одеса, 1924–1930.
23. Записки Одеського наукового при Українській Академії наук товариства. — Одеса, 1926–1929.
24. Записки Українського бібліографічного товариства в Одесі. — Одеса, 1925–1929.
25. Праці Одеської центральної наукової бібліотеки. — Одеса, 1927–1930.
26. Див.: Смичок Л. М. Одеське бібліографічне товариство // Одесі–200. — Ч. II. — Одеса, 1994. — С. 113–114; Музичко О. Є. Українське бібліографічне товариство в Одесі (1925–1930): ініціатива інтелігенції, жертва влади // Ресурс доступу: memory.od.ua/history
27. Хохолькова А. Д. Одеське наукове товариство при Українській академії наук (1926–1931) — перший українознавчий науковий осередок академічного типу в Одесі // IV Міжнародний конкурс з українознавства для студентів та молодих вчених. — Київ, 13–14 грудня 2012 р.
28. Звіт про діяльність «Одеського наукового при Українській академії наук товариства». — Одеса, 1927. — 16 с.
29. Звіт про діяльність Одеського наукового товариства за 1928–29 академічний рік. — Одеса, 1930. — 20 с.

30. Деренчук Л. П. Місцеві наукові товариства при ВУАН // Вісник АН УРСР. — 1997. — № 8. — С. 65.
31. Періодичні видання УРСР, 1918—1950: Журнали: Бібліографічний довідник. — К., 1956. — С. 196—197.
32. Праці Одеської центральної наукової бібліотеки. — Одеса, 1927—1930.
33. Подрезова М. О. Науково-дослідна діяльність університетської бібліотеки: історія розвитку, традиційні напрямки та сучасні пріоритети // Вісник ОНУ імені І. І. Мечникова. — Одеса, 2007. — Т. 12. Вип. 4. Бібліотекознавство, бібліографознавство, книгознавство. — С. 10—29.
34. Шквал. — 1924. — № 1. — С. 1.
35. Див.: Левченко В. В. Журнал «Шквал» (1924—1931) як історичне джерело з історії історичної науки на Півдні України // Матеріали доповідей наукових читань «Південна Україна: козацької та післякозацької доби (XVI — XX ст.)». — Одеса, 2012 — С. 77—83.
36. Див.: Турчина Л. В. Гадзінський: провінційний аспект літературної дискусії 1925—1928 рр. // Південь України: етноісторичний, мовний, культурний та релігійний виміри. — Одеса, 2009. — С. 339—344.
37. Музичка А. В. Імпресіонізм // Блиски. — 1929. — № 3. — С. 35—40.
38. Швидко Г. М. С. Грушевський і репресований збірник «Полуднева Україна» // Український історик. — 1991—1992. — Число 110—115. — С. 698.
39. Енциклопедія Українознавства. — Львів, 1992. — Т. 2. — С. 412.
40. Див.: Левченко В. В., Петровський Е. П. Забуте ім'я // Реабілітовані історією. Одеська область: Книга перша. — Одеса, 2010. — С. 631—639.
41. Див.: Левченко В. В. Діяльність вчених-істориків Одеси в період німецько-румунської окупації (1941—1944 рр.) та їх доля // Південь України: етноісторичний, мовний, культурний та релігійний виміри. — Одеса, 2011. — С. 233—239.

Олег Бажан,

кандидат історичних наук, доцент,

старший науковий співробітник

Інституту історії України НАН України (м. Київ)

Микола Михайлуца,

доктор історичних наук, професор,

завідувач кафедри українознавства та іноземних мов

Одеського національного морського університету

**ІСТОРИЧНЕ ДЖЕРЕЛО НА СЛУЖБИ ПОЛІТИКИ
(Наслідки румунського окупаційного
режиму на теренах України у документах ра-
дянських спецслужб)**

Уже вкотре на сторінках альманаху «Південний – Захід. Одесика» виносяться для широкого загалу донедавна втаємничені на десятиліття документи з українських архівосховищ. І на цей раз із запорошених «підгрифівських» полиць Галузевого державного архіву Служби безпеки України стають доступними науковцям матеріали з історії Другої світової війни. На нашу думку, цікавим є той факт, що запропонований нижче документ вибудовано на низці різноманітних, часом не зовсім достовірних науково-дискусійних і неперевіраних фактів. Він був спричинений перш за все політичною грою партійно-державного керівництва СРСР в 60-ті роки ХХ ст. у стосунках з країною-членом «Варшавського блоку» – Румунією. З іншого боку, цей документ вибудовувався на подіях двадцятирічної давності (щойно була відсвяткована 20-та річниця Перемоги!), в яких роль Румунії часів кондукатора Й. Антонеску була вельми негативною, оскільки вона була безпосередньою союзницею гітлерівської Німеччини й приймала активну участь у проведенні воєнних дій проти СРСР та здійсненні окупаційної політики на захоплених теренах.

Розвінчання культу особи на ХХ та ХХІІ з'їздах КПРС викликало вибухову реакцію серед керівництва комуністичних та робітничих партій і спровокувало відкриту критику з боку деяких лідерів компартій капіталістичних країн (наприклад, в Італії П. Тольятті). Водночас активізувалося відсторонення від СРСР у напрямку вибудовування «власної» моделі соціалізму в таких країнах як КНР та СФРЮ. Вочевидь, після угорських подій 1956 року радянське керівництво, побоюючись розвалу «соціалістичного табору» й суверенізації країн Центральної та Східної Європи, які намагалися вийти з-під ідеологічного контролю свого московського патрону, хотіло мати під рукою вагомі аргументи впливу на союзників у вигляді зібраних КДБ матеріалів про зlodіяння румунських окупантів в роки Великої Вітчизняної війни.

Нам здається, що наведений нижче документ був викликаний загостренням міждержавних і міжпартійних стосунків між СРСР і щойно проголошеною згідно з конституцією 1965 року Соціалістичною Республікою Румунія (СРР). Після смерті у березні 1965 року завзятого сталініста, лідера Румунської робітничої партії (РРП) Г. Георгіу-Дежа, першим секретарем ЦК РРП став Н. Чаушеску. Водночас було перейменовано й саму партію, що довгий час персоніфікувала однопартійну систему в Румунії. З липня 1965 р. вона отримала назву Румунська комуністична партія (РКП). Новий лідер Румунії Чаушеску, прихильник «національної моделі» соціалізму, почав виступати не тільки проти свого «колишнього вчителя» Г. Георгіу-Дежа, обвинувативши його в репресіях проти представників «старої гвардії». Він, нічим не гребуючи, прагнув здобути політичний капітал у власній країні й у світі. Критикуючи помилки попередників, вдаючись до косметичних реформ з метою лібералізації в економіці та культурі, цей «новий» лідер Румунії спекулював на питаннях суверенітету і незалежності в зовнішній політиці з СРСР та країнами «Варшавського блоку». Закликаючи до створення процвітаючої держави, Н. Чаушеску грав на національних почуттях румунів, чим, власне, спромігся здобу-

ти підтримку населення й втілення своїх цілей, особливо щодо «заклику до захисту держави «від можливого радянського втручання» тощо. Підтвердженням зазначеного вище є невеликий абзац інформаційного повідомлення, запропонованого нами, де звертається увага партійного керівництва УРСР в частині — данні «по Чернівецькій області» (*див.*: де йдеться про «великорумунські» настрої румунських туристів щодо території Північної Буковини).

Тепер щодо самого документу. Він зберігається в Галузевому архіві Служби Безпеки України (м. Київ). — Ф. 16. — Оп. 3. — Спр. 334. — т. 5. «Доклады, представления и спецсообщения органов госбезопасности в партийные и правительственные органы». Розпочато справу 8 січня 1966 р., закінчено — 18 квітня 1966 р. Том має 357 сторінок. Загалом справа складається з 8 томів.

6 вересня 1965 р. до таємної частини особливого сектору ЦК КП України було направлено 19 аркушів (1-й примірник). Того ж дня, враховуючи архиважливість документу, про інформаційне повідомлення, надіслане з Комітету Державної Безпеки при Раді Міністрів Української РСР, було донесено до відома Першого секретаря ЦК КПУ П.Ю. Шелеста, про що є запис-помітка клерка із секретаріату.

Археографічна цінність запропонованого документу, який подаємо російською, в оригіналі й без правок, не викликає сумніву, хоч і потребує достеменного й відповідального ставлення до розстановки політичних акцентів, авторства злочинів та збитків, аналізу статистичних даних і цифрових зведень, вимагає компаративного підходу й перехресного зіставлення фактів відсторонення дослідників від ідеологічних шор та узагальнень тощо. Деякі сегменти документу уточнено й піддано науковому препаруванню у розвідках дослідників: І. Левіта, О. Круглова, А. Даліна, В. Щетнікова, Н. Терєфери, І. Нікульчі, С. Назарії, Е. Чобу та ін.

Документ

6 сентября 1965 года №538/ш, г. Киев

Информационное сообщение

В соответствии с заданием Комитета госбезопасности Союза ССР, Комитетом госбезопасности Украины собраны и доложены в КГБ при Совете Министров СССР следующие данные о злодеяниях румынских оккупантов в период Великой Отечественной войны.

По Николаевской области

В первых числах ноября 1941 года в с. Богдановку Доманевского района под конвоем румынских жандармов прибывали партии мирных советских граждан, согнанных по приказу румынских оккупационных властей из Одесской, Винницкой областей и Молдавской ССР.

Указанные граждане отдельными колоннами от 1,5 до 5 тысяч человек каждая румынским конвоем передавались в распоряжение местной жандармерии, которую возглавлял МАЛИНЕСКУ Николай и его помощник БЕРЕСКУ Николай.

С целью уничтожения советских людей румынская охрана вела их к месту расстрела 23 дня. По пути следования жандармы расстреливали отстающих людей, преимущественно стариков и детей.

Жертвы румынского произвола в селе Богдановка были размещены в свинарниках, а также под открытым небом. Общее количество арестованных в середине ноября 1941 года доходило до 55 тысяч человек.

С момента заключения в лагерь арестованные были лишены пищи и воды.

В лагере среди заключенных появились массовые заболевания.

В начале декабря 1941 года румынский префект Голтянского уезда полковник ИЗОНЕСКУ Модест прибыл в лагерь в

с. Богдановку, где по его указанию были отобраны все ценности у заключенных лиц.

18 декабря 1941 года после осмотра лагеря начальником жандармерии с. Богдановка МАЛИНЕСКУ и двумя немецкими офицерами начались массовые расстрелы находящихся в лагере лиц. С 21 декабря 1941 года по 15 января 1942 года было расстреляно свыше 50 тысяч человек.

Об активном участии румынских оккупантов в истреблении советских граждан свидетельствуют архивные документы:

1. Командующий войсками гор. Одессы подполковник НИКУЛЕСКУ 7 ноября 1941 года издал следующий приказ: «Все мужчины еврейского происхождения в возрасте от 18 до 50 лет обязаны в течение 48 часов с момента опубликования настоящего приказа явиться в городскую тюрьму. Не подчиняющиеся этому приказу и обнаруженные после истечения указанного срока будут расстреляны на месте».

2. Секретная телеграмма начальника штаба румынской армии об изгнании евреев из Одессы.

В ней сообщается о том, что маршал АНТОНЕСКУ приказал, чтобы все евреи немедленно были изгнаны из Одессы, так как ввиду сопротивления Севастополя и недостаточного количества сил находящихся там мы можем ожидать внезапных сюрпризов.

Эта телеграмма была передана 26 декабря 1941 года в 14 часов 30 минут.

В феврале 1943 года жандармским легионом, дислоцировавшимся в г. Первомайске /руководитель Амбрум РУМУЛЮС/ было арестовано 73 участника молодежной партизанской организации «Партизанская искра» в селе Кринка Первомайского района Николаевской области.

Без суда был расстрелян 31 участник этой организации.

28 февраля 1943 года группа активных участников организации была выведена из тюрьмы, связана веревками и на окраине с. Кринка зверски расстреляна румынскими жандармами, которыми руководил начальник жандармского поста в

селе Кринка АНУШКА Кирилл.

В 1943 году по материалам следователя жандармского легиона гор. Очакова Терна Серджиц была арестована партизанская группа с. Даниловки Очаковского района в количестве 40 человек.

Все арестованные были расстреляны жандармами. Из них 10 человек в с. Даниловка, 30 человек — в селе Каменка. Руководил расстрелами комендант жандармского легиона Флориан Ион и префект Драгомир Василл.

По Черновицкой области

За период временной оккупации румынскими войсками Черновицкой области причинен ущерб народному хозяйству области на общую сумму 1.518.520.104 рубля /по курсу 1944 года/, в том числе: народному образованию — в 49182100 руб., здравоохранению — в 28723811 руб., коммунальному хозяйству — в 144551327 руб., местной промышленности — в 44887191 руб., колхозам — в 191266300 руб., по организациям земотделов — в 5698650 руб., соцобеспечению — в 941350 руб., по торговым организациям — в 77373119 руб., по общественному питанию — в 3016300 руб., по советским учреждениям — в 10426600 руб. по театрам — в 6240393 руб., по музеям — в 136940600 руб., по религиозным учреждениям — в 120627676 руб., по издательствам — в 705500 руб., по отдельным гражданам — в 697975137 руб.

В частности, румынскими оккупантами были вывезены из гор. Черновцы 14 вагонов ценных исторических экспонатов из историко-культурного заповедника Буковины; все ценные экспонаты из областного краеведческого музея, оборудование и гардероб драматического театра, медицинское оборудование всех лечебных учреждений, оборудование резино-обувного и текстильного комбинатов.

В гор. Черновцы разрушено 139 и повреждено 904 дома. Большой ущерб был причинен народному хозяйству районов области; например, только в Путивльском районе уничтожено

9 лесозаводов, электростанция, 80% лечебных учреждений, все клубы. Из района вывезено 15 тысяч голов крупного рогатого скота, 13 тысяч голов овец, жилой фонд районного центра был полностью уничтожен. В районном центре гор. Хотин разрушено 2573 домов, 5 лечебных учреждений, 8 школ, библиотека, клуб, Дом пионеров, уничтожено 30 тысяч книг и много других ценностей. Из Стороженецкого района вывезено 1870 голов крупного рогатого скота; 2200 голов овец и 1600 голов свиней. В период оккупации румынскими войсками и карательными органами проводились массовые расправы над советским партактивом и другими советскими гражданами.

Так, в период 1941-1944 г.г. были расстреляны и замучены 9783 чел., вывезено в рабство 52053 человека.

На территории области в период оккупации функционировало 5 концлагерей и 5 тюрем, в которых содержались многие тысячи арестованных румынскими оккупантами советских граждан.

Последние годы неоднократно имели место случаи недружелюбных, а подчас открыто враждебных проявлений со стороны граждан социалистической республики Румынии, посетивших Черновицкую область в качестве туристов и по частным делам. Отдельные румынские граждане, посетившие Черновицкую область в 1964-65 гг., распространяли среди советских граждан слухи о якобы готовящемся присоединении советской Буковины к Румынии.

По этим вопросам КГБ при СМ УССР подробно информировало КГБ при СМ Союза ССР.

По Днепропетровской области

В период войны Днепропетровская область была оккупирована немецкими, итальянскими и румынскими войсками, в частности, в гор. Днепропетровске в период оккупация дислоцировались следующие румынские воинские части:

а/ воинская часть № 86,

б/ воинская часть № 19304,

в/ воинская часть, номер неизвестен, по ул. Дзержинско-

го, дом № 27,

г/ штаб румынского командования по ул. Литейной.

Немецко-фашистскими захватчиками и их сообщниками нанесен огромный ущерб народному хозяйству Днепропетровской области. На основании рассмотренных 29167 актов Чрезвычайной Государственной комиссии установлено:

Гитлеровские захватчики и их румынские союзники убили и замучили 78118 мирных граждан, 37185 военнослужащих, угнали в фашистское рабство 176303 человека.

За период временной оккупации Днепропетровской области захватчики разрушили металлургические заводы им. им.-Петровского, Ленина, Карла-Либкнехта, Коминтерна и другие предприятия.

По колхозам уничтожено и разрушено 20920 строений, 638 клубов и 353 детских учреждения, 31 электростанцию, 1882 здания промышленно-производственного назначения, 7959 животноводческих построек, 1453 зернохранилищ. Уничтожили и разграбили 288118 голов крупного рогатого скота, 161816 лошадей, 431458 овец, 2950764 свиней, 1667000 разной птицы, полмиллиона тон зерна. Захватчики уничтожили более миллиона гектар посевов зерновых культур.

Разрушили и уничтожили 10301 строение государственных предприятий, учреждений и организаций.

Уничтожили и вывезли из области оборудование, машины, сельскохозяйственный инвентарь: 36 паровых котлов, 31 локомобиль, 944 двигателя, 9103 сеялки, 12464 жатки, 14908 сортировок, 2263 автомашины и огромное количество других машин и сельскохозяйственного инвентаря.

У граждан отобрали: 136897 голов крупного рогатого скота, 2939 лошадей, 66875 свиней, 16000 овец и коз, 1335000 разной домашней птицы, 13224 золотых и серебряных изделий и большое количество имущества и сельскохозяйственных продуктов.

На основании представленных актов Чрезвычайная Государственная комиссия определила ущерб, причиненный фа-

пшитами и их союзниками в целом по Днепропетровской области в сумме 29458082100 руб. в старом исчислении. В том числе по гор. Днепропетровску, где непосредственно находились румынские войска: по общественным, коммунальным, научно-исследовательским и другим организациям – 916083000 руб., по промышленным предприятиям местного подчинения – 38675000 руб., по главным промышленным предприятиям союзного подчинения:

- по заводу им. Петровского – 220672000 руб.,
- по заводу им. Ленина – 46028000 руб.,
- по заводу К. Либкнехта – 178330000 руб.,
- по коксохимическому им. Калинина – 63043000 руб.,
- по машзаводу им. Бабушкина – 1971900 руб.,
- по кирпичным заводам – 32440000 руб.

По Херсонской области

На территории области немецкими и румынскими оккупантами убито, замучено мирных граждан – 21358 человек, убито и замучено военнопленных – 44308 человек.

Ущерб, причиненный румынско-немецкими захватчиками гражданам, колхозам, общественным организациям, государственным предприятиям, учреждениям составляет 12083637,8 тысяч рублей.

Вывезено в Румынию из морского порта 20 различных судов и большое количество другого промышленного портового оборудования и материальных ценностей.

Вывезено в Румынию из пивзавода оборудования и материальных ценностей на сумму 479293 рубля. Из артели «Лескооп» на 2014000 рублей, из Херсонской конторы связи – все оборудование и аппаратура, из Херсонского завода им.8 марта – все оборудование и материальные ценности, из электростанций – оборудование на сумму 12298400 рублей. Значительное количество технического оборудования и материальных ценностей вывезено с предприятий «Облпрофсовета».

С локомотивного завода им. Петровского вывезено в

Румынию весь станочный парк, с консервного завода — все станочно-промышленное оборудование и другие материальные ценности. Завод был разрушен.

Из колхозов, совхозов области, других организаций и личных хозяйств граждан было вывезено: крупного рогатого скота — 205273, в том числе коров 63000, свиней 190012 голов, овец и коз — 892009 голов, лошадей 74318.

По Одесской области

19 октября 1941 года румыны согнали в расположенные по Люстдорфскому шоссе артиллерийские склады много тысяч детей, женщин и мужчин. Обобрав предварительно свои жертвы, убийцы сначала расстреливали их из пулеметов, а затем, облив бензином склады, подожгли их вместе с оставшимися в живых.

После освобождения Одессы в 9-ти больших ямах, где оккупанты зарыли сожженных, было обнаружено свыше 22 тысяч трупов, из них многие с пулевыми ранами, обрубленными руками и ногами и разможенными черепами.

23 октября в Одессу прибыл из Тирасполя командующий 2-м корпусом румынской армии генерал МАЧИЧ, заявивший, что «вся Одесса должна быть перевернута вверх дном».

23 и 24 октября 1941 года были днями террора. Оккупанты хватили людей на улицах, врываются в дома, вешали и убивали случайно схваченных лиц, на городских площадях стояли виселицы.

До полудня 23 октября было умерщвлено до 5 тысяч человек, затем полиция и жандармы стали сгонять тысячи людей в тюрьму. На другой день румынские солдаты погнали арестованных, в том числе стариков, женщин и детей к Заставе и Дальнику, расстреливая по пути падавших от усталости больных, слабых женщин и детей. Первая группа в 40-50 человек, связанных друг с другом веревками, была сброшена в противотанковый ров и там расстреляна. Свыше 5-ти тысяч человек убийцы загнали в 4 барака и по приказанию подпол-

ковников ДЕЛЯНУ и НИКУЛЕСКУ стали расстреливать их из пулеметов. Не довольствуясь этим, преступники-садисты решили сжечь свои жертвы. Бараки были облиты бензином и подожжены. Стоявшие вокруг бараков офицеры бросали в окна гранаты.

К ночи 24 октября были сожжены люди в двух бараках, а 25 октября — в остальных двух.

В эти дни от фашистского террора в Одессе погибло около 28 тысяч человек.

Жестокий террор обрушился на еврейское население. 2 января 1942 года АНТОНЕСКУ издал приказ об эвакуации всех евреев из Одессы и ее окрестностей в районы Очакова и Березовки. 10 января румынское военное командование в Одессе издало приказ об интернировании еврейского населения в гетто на Слободке /пригород Одессы/. За уклонение грозила смертная казнь или каторжные работы сроком от 5 до 25 лет. Укрывательство евреев каралось каторжными работами сроком от 5 до 10 лет.

Регистрация, произведенная оккупантами в конце 1941 года, выявила в Одессе 60 тысяч человек еврейского населения. Подавляющее большинство этого населения было в начале 1942 года зверски истреблено фашистами. Оккупанты жестоко расправлялись с советскими военнослужащими.

В селе Октябрьское были зверски замучены 6 тысяч пленных красноармейцев.

В музее обороны Одессы находятся донесения тайного румынского агента полиции безопасности о расстреле в Одессе 78 советских военнопленных после разгрома немецких войск под Сталинградом.

В донесениях сообщалось: «Назад этому несколько дней в одну из прошедших ночей был дан приказ немецких войск румынским солдатам расстрелять 78 человек русских пленных, находившихся в Одессе в лагере. Этому процессу послужило поводом уничтожение 6-й германской армии в битве под Сталинградом, как бы отмщение за погибших немцев на поле битвы».

Карательным отрядом оккупантов в пос. им. Шевченко Березовского района Одесской области при содействии румынских войск было расстреляно более 5-ти тысяч советских граждан.

Всего по неполным данным в Одесской области оккупанты расстреляли, повесили, сожгли, замучили, угнали в гетто и в рабство 256101 взрослых и 22160 детей.

Непосредственно в городе Одессе за время ее оккупации румынами уничтожено 53799 человек, в том числе 4987 детей. Оккупантами был причинен большой материальный ущерб городскому хозяйству. За период оккупации было разрушено 887 домов площадью 845 тысяч квадратных метров, повреждено 902 дома. Полностью демонтирована и вывезена в Румынию новая электростанция. Общий ущерб, причиненный коммунальному хозяйству области, выражается в сумме 684688,8 тысяч рублей.

Большой ущерб был нанесен промышленным предприятиям. Общий ущерб союзным предприятиям выражается в сумме 800638,6 тыс. рублей, республиканским предприятиям – 292049,3 тысяч рублей, местной промышленности – 89808 тысяч рублей.

Стоимость имущества, отобранного, похищенного и уничтоженного оккупантами, погибшего в результате оккупационного режима, – 1232562734 рубля.

Для ограбления культурно-просветительных и научных учреждений румынские оккупационные власти создали специальные команды. По распоряжению румынской «дирекции искусств» из Одессы было вывезено в Румынию более двух тысяч роялей и пианино. Из Одесского театра оперы и балета румынские оккупанты вывезли все театральные костюмы, нотный материал, 109 опер и 16 балетов. Здание театра румынские и немецкие захватчики перед своим отступлением заминировали и подготовили к взрыву. Только благодаря быстрому занятию Советской армией Одессы им не удалось осуществить свой варварский план.

Оккупанты ограбили Одесские музеи, сотни уникальных

предметов были вывезены мародерами. Разграбили одесскую государственную библиотеку им. Ленина, разрушили городскую и междугородную телефонные станции, 122 начальные и средние школы, 6 музыкальных школ, театр музкомедии, а также взорвали и сожгли 2290 наиболее крупных, представляющих архитектурно-художественную и историческую ценность зданий. Разрушено 29 санаториев и 55 детских ясель, больниц и т.д.

К числу разрушенных ими крупных предприятий относятся: судостроительный и судоремонтный заводы, завод им. Январского Восстания, табачная фабрика и другие предприятия.

В течение 7-8 апреля 1944 года румынские и немецкие захватчики разрушили первоклассный, полностью механизированный одесский порт, взорвали Воронцовский маяк, холодильник и другие сооружения.

Большие опустошения причинили сельскому хозяйству. Оккупанты ограбили колхозы, они вывезли в Румынию 1042013 центнеров зерна, 45227 лошадей, 87646 голов крупного рогатого скота, 31821 свинья, 64778 овец, 1141 трактор, 4680 различных сельхозмашин, 1134 комбайна и локомотива.

Разрушили 3195 колхозных домов и строений. За период оккупации города Одессы и Одесской области был причинен ущерб в размере свыше 25 млрд. рублей.

Как установлено Чрезвычайной Государственной комиссией, все это массовое ограбление и истребление мирного населения, разрушение промышленных предприятий, научных учреждений, школ, больниц, курортов производилось по специальному указанию немецкого и румынского фашистских правительств.

Исключительные по своей жестокости злодеяния немецко-румынские захватчики совершили над советскими людьми также в районах Одесской области. Массовые убийства мирных граждан они обычно совершали в концлагерях. В одном из таких лагерей в совхозе Богдановка советские люди содержались без пищи и воды, под открытым небом и в свинарниках. Тяжелые антисанитарные условия вызывали массовые

заболевания, люди умирали от голода, холода и болезни.

Расследованием установлено, что фашистские палачи в этом лагере расстреляли около 52 тысяч советских граждан и свыше 2-х тысяч человек сожгли. В бывшем Мостовском районе расстреляно свыше 35 тысяч советских граждан.

В январе-марте 1942 года органами ССИ центра №3 в городе Одессе был разгромлен Ильичевский подпольный райком КПУ. Было арестовано около 40 человек коммунистов и советских активистов, которые подвергались жестокому избиению. Били их палками по пяткам, подвешивали за ноги, подвергали пыткам при помощи электрического тока. В результате 2 чел. были расстреляны, 13 чел. осуждены на сроки от 6-ти месяцев до 15 лет каторжных работ, остальные арестованные были направлены в лагеря как неблагонадежные.

В марте-мае 1943 года органами ССИ центра №3 в гор. Одессе и сигуранцией были арестованы участники Одесского подпольного обкома КПУ во главе с первым секретарем подпольного обкома ПЕТРОВСКИМ Александром Павловичем, вторым секретарем обкома СУХАРЕВЫМ Сергеем Семеновичем. Всего было арестовано около 600 человек — участников подпольного обкома и советско-партийного актива.

Арестованные подпольщики-активисты подвергались избиениям и пыткам. В результате 13 человек было расстреляно, в том числе был зверски расстрелян второй секретарь подпольного обкома СУХАРЕВ.

Кроме ПЕТРОВСКОГО и СУХАРЕВА из руководящего состава были арестованы и осуждены секретари подпольных обкомов партии в гор. Одессе — РЕШЕТНИКОВ, ЕВСТРАТЕНКО, ТРЕТЯК, КОВАЛЬСКИЙ.

В феврале 1942 года румынской контрразведкой были арестованы многие участники партизанского отряда БАДАЕВА-МОЛОДЦОВА. Руководитель отряда БАДАЕВ, его связные и наиболее активные партизаны после жестоких пыток были расстреляны.

Румынскими оккупационными войсками были замурова-

ны /зацементированы/ почти все выходы и входы одесских катакомб, где находились партизанские отряды КУЗНЕЦОВА, КАЛОШИНА и СОЛДАТЕНКО. В результате от голода и недостатка воздуха в катакомбах погибло много партизан. Партизаны, которым удалось пробиться через неизвестные оккупантам хода, впоследствии были арестованы и многие из них расстреляны.

О злодеяниях румынских оккупантов свидетельствует следующая документ:

«1941 год, октябрь. Объявление командующего оккупационными войсками населению города Одессы о массовом расстреле советских граждан.

Военное командование города Одессы доводит до сведения население Одессы и ее окрестностей, что после террористического акта, совершенного против военного командования в день 23 октября 1941 года, были расстреляны за каждого офицера или штатского чиновника германца или румына по 200 большевиков, а за каждого солдата германца или румына — по 100 большевиков. Взятые заложники, которые в случае повторения подобных фактов будут расстреляны совместно с их семьями.

Командующий войсками города Одессы генерал ГИНЕРАРУ, начальник военной полиции города Одессы подполковник НИКУЛЕСКУ».

По Запорожской области

В Запорожской области румынскими войсками были оккупированы Ново-Златопольский, Приморский, Приазовский, Бердянский, Акимовский, Михайловский, Ново-Васильевский, Больше-Токмакский и Андреевские районы.

В селе Ново-Петровка Бердянского района стоял румынский гарнизон, начальником которого был полковник МИХАЙЛЕСКУ, его заместителем капитан КЛИНАНЕСКУ. Это село румынами было сожжено, ограблено, угнано 50% всего скота. Общий ущерб, нанесенный действиями оккупантов,

исчисляется 6478179 рублей.

Находившийся в селе Луначарское румынский гарнизон занимался грабежами населения. Ущерб, нанесенный румынскими частями, исчисляется в 50100436 рублей.

По Акимовскому району, который оккупировали румыны, расстреляно 195 человек. Угнано в Германию 2621 детей, 733 мужчин, 508 женщины.

В Ново-Златопольском районе расстреляно немцами и румынами 793 человека.

В с. Горелое Акимовского района по приказу командира румынской воинской части 25 сентября 1943 года было арестовано 25 чел. Все они были отконвоированы в село Кирилловку, где на территории сада санатория румынскими солдатами были расстреляны и тела их брошены в болото.

Аналогичные зверства чинили румынские оккупанты и в других районах Запорожской области.

По Ивано-Франковской области

В период с 1941 по 1944 год в бывшем Коршевском районе было расстреляно 236 человек и угнано в рабство 1316 человек. Согласно акту Комиссии эти злодеяния совершены немецко-румынскими оккупантами.

По Винницкой области

В период войны румынскими войсками было оккупировано 15 районов области. На территории области находилось пять лагерей и 6 гетто.

В Жмеринском районе оккупантами расстреляно 2046 человек, угнано на каторжные работы 1106 человек.

В Копайгородском районе расстреляно 1940 человек, угнано на каторжные работы 118 человек.

В Черновецком районе расстреляно 490 человек, из них военнопленных 161 человек.

В Ямпольском районе расстреляно 403 человека, умерло от пыток и истязаний 337 человек.

В Крыжопольском районе расстреляно 477 человек, умерло от истязаний и пыток 1000 человек.

В 1942 году румыны пригнали из Бессарабии в Ольшанский детский дом Крыжопольского района 3 тысячи евреев, из них 50 чел. расстреляли, а 1000 человек погибло от истязаний, голода и холода.

В Могилев-Подольском районе расстреляно 1079 человек.

В Бершадском районе расстреляно 300 человек, умерло от голода и болезни в Бершадском гетто 13120 человек.

Аналогичное положение в других районах Винницкой области.

По Харьковской области

Из следственных материалов видно, что жандармерия 20-й румынской пехотной дивизии зверски обращалась с местным населением. В селе Маршивка Изюмского района лейтенант КРУДА, получив от жандарма задержанную женщину, изнасиловал ее, а затем на вторые сутки отдал унтер-офицеру БОКА, который после насилия передал эту женщину 12-ти жандармам. Последние над ней издевались до тех пор, пока она не лишилась чувств. После этого ее отправили в лагерь.

Этот же лейтенант КРУДА распорядился расстрелять 6 пленных красноармейцев, один из красноармейцев был ранен, и ему удалось убежать ночью с места расстрела. Узнав об этом, КРУДА приказал разыскать беглеца. Его нашли и расстреляли.

По Крымской области

На территории Крыма румынские соединения совместно с немецко-фашистскими захватчиками уничтожали мирных советских граждан, разрушали города, предприятия, колхозы и совхозы. В Крыму действовали 3-8-17 пехотные, 1, 2, 3, 4, 10 горно-стрелковые и 6-я кавалерийская дивизии и другие румынские части.

Чрезвычайной Государственной комиссией, установлено,

что гитлеровцы и их сообщники убили и замучили в Крыму 86943 мирных граждан, 47834 военнопленных и 85 тысяч 447 советских граждан угнали в рабство.

Немецко-румынские захватчики за два с половиной года оккупации Крыма уничтожили города Севастополь, Керчь, Балаклаву с их культурными учреждениями, жилым фондом, памятниками и промышленными предприятиями. Разрушили Симферополь, Ялту и другие города. Немцы и румыны сожгли и разрушили в Крыму 109 санаториев и домов отдыха, в том числе пользующиеся мировой известностью Севастопольский институт им. Сеченова, Феодосийский и Ялтинский институты физических методов лечения, Левадийский санаторий, Мысхорский санаторий, санаторий «Долосы», пионерский лагерь «Артек» и многие другие здравницы.

Они разрушили также медицинский, сельскохозяйственный, педагогический и учительский институты в Симферополе, учительский институт в Феодосии, панораму обороны Севастополя в 1853-56 гг., музей Херсонесский в Севастополе и археологический им. Пушкина в Керчи.

Немецко-румынские захватчики уничтожили в Крыму важнейшие государственные предприятия: Керченский металлургический завод, Камыш-Бурунский железорудный комбинат, Керченский коксохимический завод, Севастопольский завод морского судостроения, Керченский и Камыш-Бурунский судостроительные и судоремонтные заводы.

Немецко-румынскими захватчиками разрушено 12490 строений, в том числе 6525 жилых домов с общим объемом 18025764 куб. метров, 393 здания больниц, поликлиник и амбулаторий, 152 клуба, театра и красных уголков, 23 библиотеки, 769 школьных зданий, 20 музеев, 141 детское учреждение, 14 церквей, 1061 здание промышленного значения, 217 электростанций и подстанций, 2165 складов, 33 овощехранилища, 14 зернохранилищ, 168 животноводческих построек, 89 гаражей, 296 прочих построек хозяйственного значения.

Немецко-румынские захватчики разрушили в колхозах 13050 строений, угнали 119322 голов крупного скота, 93280 лошадей, 67309 свиней, 882289 овец и коз.

Из государственных предприятий, учреждений и колхозов немецко-румынские захватчики вывезли 70 паровых котлов, 15 локомотивов, 725 двигателей, 836 электромоторов, 1115 металлорежущих и металлообрабатывающих станков, 1589 автомашин, 636 тракторов, 41088 жаток.

Чрезвычайной Государственной комиссией установлено, что немецко-румынские захватчики причинили ущерб городам, колхозам, общественным организациям, государственным предприятиям и учреждениям Крыма на сумму 14267414 тысяч рублей.

Имеющиеся следственные материалы свидетельствуют о зверствах румынских оккупантов в Крыму. В ноябре 1943 года жандармской ротой 10-й румынской дивизии дер. Мангуш было арестовано и зверски убито 160 женщин, стариков и детей.

5-й румынский горно-стрелковый корпус под командованием генерала ШВАБУ, с целью лишения партизан опорных баз, создавал мертвые зоны путем сожжения населенных пунктов в районах действия партизан.

В январе 1942 года немецко-румынские оккупанты арестовали в гор. Белогорске и уничтожили в душегубках 468 советских граждан.

В декабре 1941 года немцы и румыны расстреляли в противотанковом рву в районе совхоза Мариано 4800 человек, в Старо-Крымском районе расстреляли 591 человек.

По списку преступников, совершивших в период временной оккупации злодеяния на территории Крыма, проходит командир 1-й румынской дивизии генерал РОШКАНО и целый ряд других военнослужащих быв. румынской армии и сотрудников карательных органов.

КГБ при СМ СССР доложено, что обобщенные и более полные данные по Украине находятся в архивах министерств

ПВДЕННИЙ ЗАХІД. ОДЕСИКА

иностранных дел и обороны СССР, а также в материалах бывшей Чрезвычайной Государственной комиссии по расследованию злодеяний.

**ЗАМЕСТИТЕЛЬ ПРЕДСЕДАТЕЛЯ КОМИТЕТА
ГОСБЕЗОПАСНОСТИ при СОВЕТЕ МИНИСТРОВ
УКРАИНСКОЙ ССР
(подпись)
Б. ШУЛЬЖЕНКО**

ОДЕССА НАШЕГО ПОКОЛЕНИЯ

Дмитрий Уреу,

доктор исторических наук,

профессор кафедры новой и новейшей истории

Одесского национального университета

им. И.И. Мечникова

**ГЕНЕТИКА В ОДЕССЕ:
ВОЗРОЖДЕНИЕ НАУКИ (1965-1991)**

Год 1965-й вошел в социальную историю науки как время начала демонтажа лысенковщины в ее родовом гнезде — Одессе. Свержение Н.С.Хрущева осенью предыдущего года повлекло за собой крушение всей разветвленной мафиозной структуры псевдоученых и мракобесов. Поддерживающая ее жестокими административными и пропагандистскими мерами главная опора рухнула. Массированные закупки зерна в странах, где классическая генетика стала научным фундаментом повышения продуктивности сельскохозяйственного производства, с необыкновенной силой подтвердили преступность всей научной и практической деятельности Т.Д.Лысенко и его команды. Было ясно, что клятва «народного академика» досыта накормить советский народ — всего лишь бессовестная демагогия. Научная общественность в своем большинстве давно отвергла его как шарлатана и невежду, а «мичуринскую биологию» признала лженаукой. Теперь к такому же мнению пришло и высшее партийное и государственное руководство страны. Прежняя поддержка лысенковщины сменилась ее резким неприятием. Этот поворот отчетливо выразил новый лидер Л.И.Брежнев. По воспоминаниям его личного врача Е.И.Чазова, генеральный секретарь КПСС в минуту откровения так охарактеризовал Лысенко: «Он ничего нам не дал, а вреда принес немало. Съезди на Запад и посмотри у них продуктивность сельского хозяйства. А мы всё безграмотных но-

ваторов поддерживаем» [1. 125]. Итак, Лысенко принес стране много вреда — это первый вывод Брежнева, а второй — следует прекратить возносить до небес неграмотных, бесплодных «новаторов», а поддерживать надо настоящую науку.

Новое отношение к Лысенко быстро уловило руководство ВАСХНИЛ, которому по-прежнему подчинялся ВСГИ в Одессе. Президент сельскохозяйственной академии П.П.Лобанов, опытный аппаратчик, сам пострадал от своеволия Хрущева: в 1961 г. был снят с должности. Теперь он вернулся в прежнее кресло и решил покончить с последним оплотом лысенковщины. Горячие головы из его окружения предлагали крайние меры — ликвидировать ВСГИ и превратить его в заурядную сортоиспытательную станцию. Однако был выбран эволюционный, «мягкий» вариант возвращения одесского института в подлинно научную среду: дозированные кадровые изменения, вытеснение «мичуринцев» с руководящих должностей и, главное, изменение тематики научных исследований. Если в начале 30-х годов, образно говоря, Одесса покорила Москву, то в 1965 г. Москве, в лице ВАСХНИЛ, предстояло отвоевать для настоящей генетической науки Одессу. Первым актом этого стратегического наступления на юг стало прибытие в Селекционно-генетический институт комиссии во главе с акад.Н.А.Майсурияном и последующее обсуждение ее выводов на президиуме ВАСХНИЛ.

Авторитетная комиссия досконально изучила работу института по всему спектру исследований, причем особое внимание уделила отделу генетики, заведующим которого был доктор (без защиты диссертации) и профессор В.Ф.Хитринский, известный как правоверный лысенковец. О неблагополучии в этом подразделении говорили и до комиссии. Еще в начале года акад.Ф.Г.Кириченко на заседании ученого совета обвинил Хитринского в подтасовке результатов опытов. Он сказал о засорении отделом генетики полей озимой твердой пшеницы, полученной из яровой якобы путем воспитания [2. 8 — 18]. На заседании звучали такие признания: «у нас недостаточная степень точности при проведении экспериментов»,

«в течение двух лет на полях института творились безобразия, поля поросли сорняками», «план выращивания и реализации семян озимой пшеницы и ржи не выполнен», «очень низкий урожай гречихи (4 ц/га) в результате плохого ухода. То же — с кукурузой». И как общий знаменатель кризисного состояния: «У нас низкая культура земледелия» [2. 29, 62-65, 162].

На заседании президиума ВАСХНИЛ был заслушан отчет директора института А.С.Мусийко и его заместителя по науке Д.А.Долгушина, после чего прозвучали итоговые выводы комиссии Майсурия. В архивном деле отсутствуют как справка комиссии, так и текст решения президиума ВАСХНИЛ. Тем не менее, мы имеем достаточно материалов, чтобы судить о ходе дискуссии там, так как позже этот вопрос рассматривался на партсобрании и на ученом совете. Критика в адрес дирекции института и в Москве, и в Одессе была резкой, неприемлемой и, по существу, вполне справедливой. Нет, очевидно, возможности подробно останавливаться на всем сказанном. Обозначим пунктиром лишь главное. На прошедшем в июле партсобрании выводы комиссии Майсурия подытожены в следующих тезисах: «Отдел генетики занимается не своим делом», «отдел хлопка работает 20 лет, сдвигов нет», «какие получаются озимые из яровых никто до сих пор не знает» (прямой упрек в адрес Долгушина и Кириченко). И далее: «На полях нет порядка, достоверных опытов проводить невозможно. [...] Нет чистых севооборотов, везде пестрота на полях». И еще одно важное замечание: «Морозостойкость пшеницы остается на прежнем уровне» (снова упрек Долгушину и Кириченко) [3. 46-47, 51, 58].

Однако институтские лысенковцы, повинные во всех этих кричащих недостатках, не сложили оружия. На заседании ученого совета в августе, пользуясь попустительством Мусийко и при поддержке его заместителя Долгушина, они дали бой новому курсу. Парадоксальным образом был взят на вооружение лозунг, который много лет назад категорически отрицали, а именно признание двух направлений в биологической науке — мичурин-

ского и формально-генетического. Хитринский нагло заявил: «Различные направления в биологии не запрещены, значит, мы будем дальше развивать мичуринское направление». О.А.Никифоров, ученик и постоянный соавтор Долгушина поддержал соратника: «Ясно, что в биологии существуют два направления — мичуринское и формальной генетики. Теория стадийного развития родилась в 1932 г. Сейчас говорят, что она несостоятельна. За последние годы наши ученые фактами доказали ее правильность» [2. 144; 3. 68]. Тут все лукавство: оратор не назвал этих «наших ученых» и не сказал конкретно, как они доказали верность теории «главного мичуринца». Но дело, собственно говоря, не в этом: раньше консерваторы (Долгушин, Хитринский, Никифоров и проч.) начисто отвергали тезис о двух течениях в советской биологии, так как после августовской сессии 1948 г. «единственно верной» признавалась только теория Лысенко. Но теперь, чтобы прикрыть свою научную несостоятельность, они стали требовать «свободу творчества» и права на продолжение провалившихся псевдоноваций.

Решительное сражение двух лагерей состоялось 1 октября 1965 г. на отчетно-выборном партийном собрании института. В докладе было сказано много неприятного о работе института в последние годы: грубо нарушалась методика опытного дела, пренебрегали точным экспериментом, отсутствует математическая обработка данных и многое другое. Работа селекционных отделов признана неудовлетворительной. Урожайность внедренных сортов остается низкой, приведены следующие цифры по Одесской области озимой пшеницы: 1959 г. — 20,4 ц/га, 1960 г. — 18,2 ц/га, 1961 г. — 17,7 ц/га, 1962 г. — 16,6 ц/га, 1963 г. — 13,8 ц/га, 1964 г. — 14,5 ц/га. Вину за провалы в научной и внедренческой работе партийцы возложили на заместителя директора по науке Д.А.Долгушина. О нем в отчетном докладе сказано: «Его выступление на президиуме ВАСХНИЛ (во время обсуждения итогов комиссии Майсурыяна. — Д.У.) было диссонансом с духом времени, с уровнем развития естественных наук». Виновным был признан и бывший директор, а ныне зав.отделом

лесополюс Родионов. Член партбюро и зав.лабораторией технологии зерна А.А.Созинов смело поставил имя Родионова рядом с именем Лысенко, чего остальные выступавшие, сохранившие еще страх перед свергнутым кумиром, сделать не осмелились. Говорит Созинов: «К лесонасаждениям надо относиться более серьезно. Лысенко и все его выводы ставятся под сомнение. Внутривидовая борьба требует методически правильных опытов. В отделе лесонасаждений методика не выдерживается, контроля нет. Как закладывать лесные полосы, неизвестно». Далее молодой ученый говорит вообще еретические, с точки зрения правоверных «мичуринцев», вещи: «Лесополюсы урожай не увеличивают и не компенсируют затраты [...]. Тополь забрал большие силы и средства, а нужно эту работу прикрыть» [3. 99-148; 4. 180]. Остается добавить, что на собрании секретарем партбюро института был избран А.А.Созинов, что имело для будущего ВСГИ далеко идущие последствия. Впрочем, на этом посту ему довелось быть всего 4 месяца: в связи с назначением заместителем директора по научной работе Созинов 28 января 1966 г. был переизбран [5, 8]. На посту заместителя директора он заменил Долгушина, который с этого времени стал его не только идейным противником, но и личным врагом.

В 1965 г. и позже мощные импульсы о возвращении полных прав вавиловско-сапегинской генетики шли в Одессу как сверху, из Москвы, так и снизу, от сотрудников ВСГИ, понимавших всю бесперспективность «мичуринской» агробиологии. В архиве сохранились пространный отчет отдела генетики, подготовленный по требованию Сельскохозяйственного отдела ЦК КПСС, и информация о работе по полиплоидии, посланная в ВАСХНИЛ. Из первого документа (более 70 стр. недатированного текста) можно было сделать вывод, что никаких генетических исследований в Одессе не ведется. В отчете повторялись пронафталиненные многословные рассуждения о «направленном изменении наследственности путем воспитания» и о выведении новых сортов с помощью вегетативной гибридизации. Говорилось о мнимых достижениях в

деле разведения хлопка, о посадках лесных полос из дуба и тополя. Ответ ВАСХНИЛ подписал директор института Мусийко, он было короче (25 стр.) и честнее: исследования по полиплоидии не велись, на новую пятилетку (1966 – 1970 гг.) они не планируются. Однако в институте собираются вести работы по гетерозису [5. 4 – 76; 4. 25 – 51]. И, действительно, такая лаборатория была открыта в феврале 1967 г.

Снизу «старую гвардию» беспокоили молодые, талантливые научные сотрудники, восставшие против затхлої атмосферы чинопочитания, самовосхваления и благодушия. «Возмутителем спокойствия» стал упоминавшийся выше Созинов, принципиальный сторонник подлинно научной генетики и новатор. Уже в кандидатской диссертации (защитил в феврале 1959г.) он поставил и решил проблему исключительной важности как с точки зрения научно-теоретической, так и прикладной: установил причины низкого качества зерна ячменя, поступающего на пивоваренные заводы, и предложил меры по их устранению. И сегодня вызывает восхищение такой красноречивый факт – библиография к работе насчитывает 103 публикации на русском и 100 публикаций на иностранных языках. Удивительный баланс, и это в разгар «холодной войны», когда считалось «патриотичным» труды иностранных авторов только хаять и проклинать [см.: 7]. Над вопросом улучшения качества зерна Созинов продолжал работать и после защиты, став ст.н.с. отдела селекции пшеницы, а с 1961 г. – заведующим лабораторией качества зерна. В июне 1965 г. он выступил на ученом совете с докладом «О качестве зерна», где поднял вопрос государственной важности – о качестве зерна, потому что установил, что в последние годы в зерне сортов одесской селекции белка становится все меньше. «Показатели просто угрожающие», – с тревогой сообщил докладчик. И он же определил пути решения проблемы: «Причиной снижения белка является одностороннее внесение фосфора». Действительно, фосфорных удобрений, запасов которых в СССР было, казалось, неисчерпаемо много, вносилось

слишком обильно, и притом — бесконтрольно. Ключевое слово, которое надолго запомнилось как сотрудникам СГИ, так и тысячам агрономов, перед которыми выступал в те годы Созинов, было одно: «Органика, органика — естественное, хорошо сбалансированное удобрение» [2. 97 — 98; 8]. Он имел в виду, конечно, навоз, без которого южные черноземы не дадут приличного урожая.

Совершенно понятно, что консерваторы в стенах Селекционно-генетического института весьма неодобрительно оценивали успешную научную деятельность Созинова. Принципиальные научные разногласия и обычная зависть к молодому конкуренту здесь переплетались. Вот конкретный факт, обнаруженный на заседании ученого совета. Лаборатории технологии зерна (Созинову) для опытов понадобилось 250 гр. зерна новых сортов пшеницы. Но главный «пшеничник» института акад.Кириченко отказал и тогда Созинову пришлось выписывать зерно из Ростова. Тем не менее, ему удалось разработать и запатентовать новый метод определения макаронных качеств зерна озимой пшеницы. Свою вину Кириченко не признал, напротив, он грубо напал на Созинова, обвинив того в нескромности. Он сказал буквально следующее: «Я хочу, чтобы традиции Трофима Денисовича Лысенко были переданы молодому поколению [...]. То, что мы даем, должно быть фундаментально обставлено, а не так, как получилось у тов. Созинова: не успел сделать, как уже получил авторство, документ и т.д.» [2. 22 — 24]. По мысли почтенного академика, важное открытие, давшее большой экономический эффект, должно было пылиться на полке, пока синклит престарелых лауреатов и героев соизволит дать добро на его реализацию.

Созинов не испугался консерваторов и, став заместителем директора по науке, получил новые возможности для ликвидации остатков лысенковщины. Замена Долгушина, не желавшего переучиваться, на Созинова, как вскоре выяснилось, стала решающим условием окончательной победы генетиков в Одессе. Другим, не менее важным делом было

обновление и омоложение руководящих кадров, создание новых лабораторий.

Первой ласточкой стала лаборатория гетерозиса. На заседании ученого совета в начале 1966 г. было объявлено, что ВАСХНИЛ выделила штаты на создание проблемной лаборатории по гетерозису. Против этого предложения под надуманными предлогами выступили Д.А.Долгушин и Н.Ф.Соколенко. Директор института А.С.Мусийко отверг сомнения оппонентов и подчеркнул, что «вопрос гетерозиса — это государственный вопрос, и работы по изучению гетерозиса нужно решать комплексно. Подобную же точку зрения высказал его заместитель Созинов: «Теория гетерозиса должна разрабатываться в самостоятельной лаборатории, ибо у нас до сих пор нет стройной теории. У нас нет своей концепции по данному вопросу, а используются только разные гипотезы, и если не будет лаборатории, то не будем иметь ни своей гипотезы, ни теории». Ученый совет после дискуссии признал необходимым создание такой лаборатории, а ее заведующим назначил С.П.Лысенко, впоследствии ставшего академиком [9. 40 — 41].

Наибольшую тревогу вышестоящих органов и дирекции института вызывало неудовлетворительное состояние исследований по молекулярной генетике, объявленной научно-теоретической основой селекционной работы. 3 сентября 1966 г. ученый совет заслушал отчет зав.отделом генетики В.Ф.Хитринского. С анализом недостатков в работе отдела выступил Созинов. Он напомнил присутствующим, что Хитринский и его команда подвергались критике в прошлом году как со стороны комиссии акад. Майсурия, так и на заседании президиума ВАСХНИЛ, но выводы не были сделаны. Отдел по-прежнему увлекается селекционной работой в ущерб теоретическим разработкам. Другой существенный недостаток — многообразие: в отделе изучаются 13 разных культурных растений, что приводит к распылению сил и к провалам. «Работу отдела генетики нужно перестроить», — закончил Созинов свое выступление [9. 95 — 101].

До конца 1966 г. как дирекция института, так и партийная организация были заняты нормализацией обстановки в отделе генетики. Вставши в позу «незаменимого», Хитринский подал заявление об уходе с должности заведующего. На отчетно-выборном партийном собрании в октябре отдел снова был подвергнут справедливой критике: «Отдел генетики занимался преимущественно селекцией ряда сельскохозяйственных культур, причем эти работы проводились неполноценно и результаты их не нашли применения в производстве». А про Хитринского сказано, что он проводил исследования с грубыми нарушениями методики опытного дела. Был сделан вывод: «Хитринский не перестроил свою работу» [П. 135 – 136]. Наконец, в декабре на партийном собрании был поставлен персональный вопрос «Отчет коммуниста Хитринского о научно-исследовательской работе».

Вместо чистосердечного признания своих ошибок и покаяния коммунисты услышали воинственную декларацию в защиту «мичуринского учения» в агробиологии: «Я стою на позициях мичуринской генетики, разделяю взгляды выдающихся ученых Дарвина, Тимирязева и Мичурина о том, что решающим условием науки являются внешние условия, что внешние причины первооснова всяких изменений, что человек может вмешиваться в жизнь растений». И так далее; одним словом, прочитал лекцию по лысенковскому «краткому курсу». Присутствующие задали вопросы: «Что Хитринский внес в науку после работ Т.Д.Лысенко?», «Хитринский 29 лет руководил темой о направленных изменениях, где результаты переделки яровых в озимые?». О.А.Никифоров дал мудрый совет: «Надо знать методику, а потом вести исследования». Примечательно, что ведущие ученые института – директор Мусийко, его заместитель Созинов, академики Долгушин, Кириченко, Гаркавий – в этот раз отмолчались. Решение собрания было однозначным – Хитринский с работой заведующего не справляется, его следует заменить [П. 135 – 136]. Исполнять обязанности заведующего временно был назначен научный сотрудник того же отде-

ла В.М.Пыльнев, но наладить работу в силу неопытности и слабых знаний ему не удалось.

В январе 1967 г. обсуждение большого вопроса об отделе генетики было перенесено на ученый совет. Вновь был поставлен отчет Хитринского, не сказавшего ничего нового по сравнению с декабрьским собранием. В этот раз в его защиту поднялся Долгушин. Он прямо заявил: «Никто из нас не будет заниматься механизмом наследственности. Это значит отходить от мичуринского направления [...]. Направление в работе Хитринского правильное, его надо усилить». С аргументами в руке Долгушину ответил Созинов: «Работа отдела обсуждалась на партбюро. Это не нападки [...]. Целый ряд опытов был методически неправильным. Это касается исходного материала, выводов и взглядов [...]. Вопрос исходного материала генетически не проверяется. Это касается гороха, твердой пшеницы. Чистота материала, методика работы в отделе в значительной степени нарушаются. Материалы в опытах не всегда достоверны» [11. 159 – 168].

Стало ясно, что отдел генетики нуждается в кадровом усилении и что найти в Одессе таких специалистов невозможно. К этому времени в руководстве ВАСХНИЛ произошли некоторые перемены: академиком-секретарем отделения полеводства, курировавшего Селекционно-генетический институт в Одессе, стал Н.В.Турбин, прежний заведующий кафедрой генетики Белорусского государственного университета. Он рекомендовал назначить зав.отделом СГИ своего ученика, молодого доцента А.Ф.Стельмаха, вызванного на беседу в Сельскохозяйственный отдел ЦК КПСС и получившего здесь добро. Так, во всяком случае, вспоминал эти события сам Стельмах в газетном интервью [12]. Сотрудники отдела об этом узнали на отчетно-выборном партсобрании института 22 октября 1968 г.: в докладе было сказано, что отдел генетики будет усилен принятием на работу кандидата биологических наук Стельмаха (без инициалов) [13. 46].

На заседании ученого совета он появился 13 декабря, а

уже спустя десять дней отчитывался о работе отдела за истекший год. Новому заведующему пришлось выслушать немало неприятных слов: «Отчет напоминает одеяло, сшитое из лоскутков» (С.Лыфенко); «В изучении изменения наследственности за 30 лет мы далеко не продвинулись. Мы практически единственное учреждение в стране, которое осталось работать на старых позициях» (А.Созинов) [14. 291 – 293].

Слова заместителя директора института по науке «последнее учреждение в стране... на старых позициях» означало для Стельмаха, что перед ним стоит непочатый край работы. Но он, имея доверие коллектива, поддержку Турбина и Созинова, а также обладая сильным характером, глубокими знаниями и энергией, успешно справился с поставленной задачей – утвердить в Одессе подлинную генетическую науку. Прошло немного времени, и стало ясно, что приход Стельмаха в СГИ означал решительный поворот всей деятельности института в сторону Большой Генетики времен Н.И.Вавилова и А.А.Сапегина.

Генетика, как помнит читатель, впервые как научная дисциплина начала преподаваться студентам отделения естественных наук Императорского Новороссийского университета еще осенью 1912 г. Позже такой же предмет и тот же преподаватель А.А.Сапегин читал будущим агрономам Одесского сельскохозяйственного института. Однако в 1930 – 1950-е годы лысенковский «сухостей», по меткому выражению Р.Л.Берг (воспоминания этого генетика так и названы «Сухостей»), выжег в этих учебных заведениях всякую память о генетике. Если в Селекционно-генетическом институте, начиная с 1965 г., идет концептуально-организационная перестройка, направленная на возрождение генетики, то в университете и в сельскохозяйственном институте царит по-прежнему «мичуринская биология». Хотя старый лысенковец А.И.Воробьев в университете потерял пост декана биологического факультета, он остался заведующим кафедрой генетики и дарвинизма. На факультете трудились большие научные кадры – 9 профессо-

ров и 27 доцентов. Удалось открыть научно-исследовательскую лабораторию (21 штатная единица), но по традиционным для факультета направлениям — гидробиологии и зоологии беспозвоночных. В исследовательской работе преобладало мелкотемье: сотрудники выполняли 29 тем, причем на самом примитивном оборудовании. На собраниях и заседаниях постоянно слышны были жалобы — нет приборов, нет вивария для экспериментов с животными, нет земли для опытных делянок [15. 4 — 7, 92 — 93].

Кафедра Воробьева изучала, по преимуществу, далекие от генетики вопросы. Например, такие: «Цитоэмбриология отдаленных гибридов растений», «Влияние условий выращивания на некоторые биоморфологические особенности сиды». Была и тема, имеющая касательство к генетике «Влияние ионизирующего излучения на рост и развитие растений». Подобные темы повторялись из года в год [16. 16 — 17; 17. 8 — 12]. Эти вопросы давно исследовались во многих лабораториях мира, а выводы — хорошо известны специалистам. Но в отчетах университетских генетиков читаем такие перлы: «Выяснилось, что гибрид отличается от родительских форм» или «Количество хромосомных aberrаций увеличивается с увеличением дозы облучения». Воробьев, видимо, вспомнил свою далекую молодость, когда вместе с акад. Сапегиним на полях Селекционно-генетического института проводил подобные эксперименты и приходил к тем же выводам. Впрочем, были и объективные причины для столь убогих теоретических обобщений: микроскопы и микротопы устаревшие, нет холодильника для хранения растворов реактивов и выдерживания проростков и т.п. [18. 6 — 7, 12].

Причины отсталости и косности факультетские руководители пытались представить засильем кадров пенсионного возраста. Как великое достижение докладывали начальству: «Переведены на пенсию три профессора и два доцента» [19, 108]. Но факты говорили о том, что дело — не в возрасте: вечно молодой, европейски образованный 80-летний профессор

И.И.Пузанов оставался непримиримым врагом лысенковского мракобесия. Со временем на позиции подлинной науки перешел и профессор Н.А.Савчук, прежде ярый мичуринец.

Что касается ОСХИ, то ситуация там была никак не лучше, чем в университете. Тут кафедру селекции и семеноводства многие годы возглавлял С.В.Мокров, воспитанник Лысенко и друг Ольшанского, оставившего его заведующим кафедрой после своего отъезда в Москву в 1949 г.

На фоне двух одесских вузов, застывших в состоянии оцепенения, «генетическая» перестройка в Селекционно-генетическом институте приобретает характер образца для наследования. Позитивные сдвиги за прошедшие в идейной борьбе и кропотливом труде 5 лет (1965 — 1970 г.г.) засвидетельствовала очередная проверка ВАСХНИЛ. В этот раз (сентябрь 1971 г.) с состоянием исследований по генетике по поручению оргбюро Южного отделения ВАСХНИЛ ознакомился известный ученый, проф. П.Н.Шкварников, начинавший свой путь в науку в Одессе под руководством акад. А.А.Сапегина. Основное внимание он уделил отделу генетики и двум новым лабораториям — гетерозиса и молекулярной биологии. Выводы Шкварников сделал вполне одобрительные: «[...] проводятся на современном уровне генетические исследования или имеются крупные заделы для дальнейшего развертывания таких исследований по ряду актуальных проблем и вопросов генетики важнейших сельскохозяйственных растений (пшеницы, ячменя, кукурузы, гороха и др.». Отдел генетики (зав. А.Ф.Стедьмах) — достаточно крупное подразделение института (всего 27 чел., в т.ч. 7 научных сотрудников). Проводятся исследования по трем темам, ведущая из них сформулирована следующим образом: «Закономерности возникновения анеуплоидов и разработка методов создания анеуплоидных линий для целей генетического анализа и получения практически ценных замещенных линий». Тема, подчеркивает Шкварников, имеет важное теоретическое и практическое значение. Ее выполнение связано с разработкой частной генетики пше-

ницы и в особенности генетики важнейших хозяйственных признаков этой культуры, что имеет первостепенное значение для практической селекции.

О недавно открытой лаборатории молекулярной биологии (зав. Ю.М.Сиволап) проверяющий записал, что она пока находится в стадии организации и технического оснащения. На пятилетку запланирована исследовательская тема «Изучение нуклеиновых кислот и белков сельскохозяйственных растений в связи с генетическими особенностями последних». Шкварников тему одобрил, как и создание самой лаборатории, которая является, пишет он, «по существу первым шагом в нашей стране по ликвидации серьезного пробела в молекулярно-биологических исследованиях». Что касается лаборатории гетерозиса (зав.С.Ф.Лыфенко), то она проводит исследования, направленные на решение практических задач, среди наиболее важных — установление явления гетерозиса у пшеницы по ряду хозяйственно-полезных признаков, создание источников ЦМС и стерильных аналогов по ряду сортов, создание высокопродуктивных гибридов и др. Кроме того, ведется изучение отдельных направлений физиолого-биохимических и генетических основ гетерозиса. Шкварников рекомендовал усилить кадровый потенциал лаборатории и улучшить ее техническое оснащение [20. 11 — 18].

Однако само руководство ВСГИ оценивало результаты своей деятельности не столь радужно, причем не только в области генетики, но и там, где институт традиционно занимал ведущие позиции — в селекции пшеницы и ячменя. Еще в августе 1966 г. ученый совет принял решение о передаче в государственное сортоиспытание выведенного Долгушиным и сотрудниками нового сорта озимой мягкой пшеницы Одесская — 51. Она была получена путем гибридизации озимой пшеницы Одесская — 16 и Безостая-1. По мнению создателей, новый сорт превосходил Безостую на 3-4 ц/га и при урожайности более 50 ц/га. Его предлагалось районировать в южных областях УССР и в Молдавии [9. 54]. Со временем,

однако, выяснилось, что при высокой урожайности, морозостойкости и других достоинствах, сорт, как и другие пшеницы одесской селекции, имеет существенный недостаток — он полягает, тем самым теряя урожай и создавая большие проблемы при уборке. Об этом говорилось на ученом совете в июне 1971 г. при обсуждении вопроса «Селекция озимой пшеницы в институте». «Вопрос, который сегодня обсуждаем, — вопрос жизни института», — подчеркнул Созинов важность обсуждаемой темы. Затем продолжил: «Наш институт теряет свой авторитет [...]. За последние годы сделано немало, но многое находится в зачаточном состоянии [...]. При посещении Краснодара я понял, что мы намного отстали и по масштабам, и по содержанию работы». Заместитель директора привел конкретный пример этого отставания: все одесские сорта пшеницы — высокорослые, при хорошем урожае полягают: «Стоят только Безостая, Аврора и Кавказ» [21. 4].

Большие претензии накопились и к другим селекционным отделам. О неудовлетворительной работе отдела масличных культур на ученом совете говорилось еще в 1968 г.: «Работа этого отдела — очень трудный вопрос. Ведь 25 лет этот отдел практически ничего не дал» [14. 25]. Об отделе селекции кукурузы, во главе которого много лет стоял сам директор Мусийко, сменивший его вскоре Созинов метко сказал: «Работа в отделе кукурузы пока в будущем. Мы оттаем от Краснодарского института по многим вопросам» [21. 76]. Несправлявшиеся со своими функциями заведующие отделами и лабораториями заменялись молодыми, перспективными людьми. Одновременно, начиная с 1971 г., совершенствуется организационная схема института. В том году появились две новые лаборатории — молекулярной биологии, о которой выше сказано, и отдел генетических селекций (зав. А.А.Созинов). Вторая лаборатория была создана за счет ликвидации отдела генетики и цитологии, его заведующий А.Ф.Стельмах стал заведовать теперь лабораторией специальной генетики пшеницы. Был, таким образом, ликвидирован параллелизм при

существовании двух генетических отделов с неизбежным дублированием тематики исследований. Найденное решение оказалось удачным и способствовало улучшению всей генетической работы.

Такой вывод позволяет сделать знакомство с отчетом по генетике за 1972 г., отправленном в ВАСХНИЛ и подписанном директором института Созиновым. Нет, очевидно, необходимости обстоятельно его пересказывать (отчет занял 22 стр. текста). Остановимся тезисно на главном. В СГИ разворачиваются глубокие, на молекулярном уровне, генетические исследования по пшеницам сортов Новостепнячка, Безостая-1 и Аврора. По первым двум сортам получены моносомные растения по всем линиям. У озимой пшеницы Новостепнячка методом моносомного анализа изучался генетический контроль признака «тип развития». У сорта Аврора изучается локализация факторов, контролирующей устойчивость к стеблевой и бурой ржавчине. Продолжается изучение действия химических мутагенов и гамма-лучей на растение ячменя. Изучается микроспорогенез и развитие пыльцы и пыльника у стерильного и фертильного аналогов сорго [22. 11 – 19]. Если говорить в общем, то отчет обнаруживает у его автора (или авторов) глубокие знания и широкую эрудицию в сложнейших вопросах современной генетики, что, вне всякого сомнения, стало одним из факторов, обеспечивших новому директору института авторитет и поддержку руководства ВАСХНИЛ.

На рубеже 1960-х и 1970-х годов в жизни Селекционно-генетического института произошло еще одно примечательное событие – были разорваны пути самоизоляции от мировой науки, что обрекало его на провинциализм и отставание. Уже в 1966 – 1970 г.г. партийное бюро утвердило характеристики на поездки научных сотрудников за рубеж: Созинова – в Венгрию, Лыфенко – в Болгарию, позже в Венгрию выехала целая группа сотрудников. С институтом зерновых культур в Хадмерслебене (ГДР) начали совместные разработки по выведению гибрида пшеницы с высокими показателями по уро-

жайности, качеству и устойчивости к болезням [23. 35]. В 1971 г. поездку в Англию для изучения анеуплодии в Кембриджском университете совершили Стельмах и сотрудник его отдела Костанди, в Швецию поехал акад. Гаркавий [24. 37, 71; 25, 35; 26, 27]. Став заместителем директора, а затем директором, Созинов неустанно призывал коллег не чураться заграницы, изучать иностранные языки и штудировать труды зарубежных ученых, развивать сотрудничество с ними. Неоднократно от него слышали упреки: «Мы плохо используем зарубежный опыт». Еще в 1968 г. он признавал отставание одесских генетиков от передовой науки: «Мы не знаем, что делается у ячменя в отношении аминокислотного состава. То же самое — с кукурузой. Если бы не подтолкнули американцы, то мы, наверное, и до сих пор не работали по качеству зерна» [14. 25]. «Американцы подтолкнули», значит, указали путь решения важной проблемы. Такое признание в разгар «холодной войны» многого стоит. Уже став директором, Созинов в конце 1971 г. на ученом совете как образец настоящего ученого, постоянно работающего над собой, привел своего учителя Гаркавого, который посетил ГДР и Швецию. Он там, сказал директор, «многому научился, потому что проявлял интерес ко всему новому [...]». Многим нашим научным сотрудникам нужно учиться у маститого ученого» [21. 69].

С 1966 г. Селекционно-генетический институт стал координирующим центром в рамках СЭВ по проблеме «Разработка теоретических основ селекции и семеноводства и новых методов создания высокоурожайных и высококачественных сортов и гибридов сельскохозяйственных культур». Про это доложил зам.директора Созинов, вернувшись из Венгрии [21. 2]. Эта деятельность налаживалась постепенно, увлекая одесскую генетику в европейское и мировое научное пространство. Много труднее устанавливалось сотрудничество со странами передовой науки и земледелия — Францией, США, Швецией, Японией. Однако и здесь были успехи, вот только несколько фактов: в 1974 г. в Одессе был проведен советско-французский

симпозиум по селекции ячменя и Второе международное совещание по молекулярной биологии и генетике. В институте заложили опыт по изучению 30 сортов озимой пшеницы, поступивших из университета штата Небраска (США). Наконец, еще одно достижение – в зарубежных журналах ученые института напечатали 15 статей [27. 291–304]. А вот мероприятия, проведенные с иностранцами в СГИ несколько лет спустя: прием делегации ученых-аграриев Дании и Финляндии, прием американской делегации по кукурузе на силос, проведение советско-канадского симпозиума «Селекция и семеноводство пшеницы, ячменя и тритикале» [28. 3 – 27].

С великими трудностями (по идеологическим соображениям, а также из-за нехватки свободно конвертируемой валюты) налаживалась посылка сотрудников в капиталистические страны, особенно на длительный срок. Тем не менее, в 1969 – 1970 г.г. в Калифорнийском технологическом институте (г. Беркли, США) прошел стажировку Ю.М.Сиволап, вскоре назначенный заведующим лабораторией молекулярной биологии. Позже в США был послан В.М.Соколов, выросший впоследствии в директора института. Проще было выезжать за границу руководящему составу, причем нередко это превращалось в международный туризм, без всякой пользы для дела, без внедрения изученного опыта. Так, Л.К.Сечняк, с 1971 г. заместитель, с 1978 г. директор института, за границей побывал 22 раза, С.Ф.Лыфенко, зав. лабораторией, – 20 раз, С.В.Бирюков, с 1977 г. заместитель директора (до декабря 1987 г.), выезжал за границу 12 раз [29. 4 – 16, 34, 65, 76].

Главной заботой руководителя научного учреждения, во все времена были кадры. Став в конце 1971 г. директором ВСГИ, Созинов держал под пристальным вниманием кадровый вопрос. Причем не только прием новых сотрудников (см. об этом воспоминания С.Ф.Лыфенко [30, 68]), но и воспитание, обучение и переобучение, ведь в вузах их часто учили «не тому». Одновременно шло совершенствование методов управления, вводилась дозированная демократия. Свои взгля-

ды по этому вопросу директор изложил в докладе на партсобрании с повесткой дня «Работа с кадрами» (январь 1974 г.). Это — продуманная, взвешенная программа, достойная большого государственного деятеля. Некоторые мысли изложены так удачно, афористично, актуально, что могли бы стать лозунгами сегодняшнего дня. «Мы переживаем период бурного роста и омоложения», — начал доклад Созинов и привел следующие цифры: если в 1970 г. в институте трудились 79 научных сотрудника, то на конец прошлого года — уже 127 чел. Затем он продолжил свою речь: «Период экстенсивного развития, численный рост заканчивается. Новая задача — результативность зависит от качества кадров. Но рост уровня их квалификации не соответствует прогрессу науки. Качество работы заметно отстает от требований сегодняшнего дня». Главный недостаток в работе как руководителей, так и подчиненных, по мнению директора, — кабинетный образ жизни. «Коллектив вырос, а психология осталась прежней. Необходимо менять стиль руководства и работы». Он привел результаты проведенной накануне анонимной анкеты, из которой следует, что главным тормозом для улучшения всей работы коллектив считает *нетворческую обстановку*.

Другая нерешенная проблема — нехватка современных знаний: «Плохо со знанием в области генетики, биометрии, иностранных языков». Затем следует определение, достойное войти в учебник генетики и селекции: «Селекционер — это специалист, в котором должны сочетаться любовь к растению, интуитивное, основанное на наблюдательности, понимание особенностей его роста и развития с солидным багажом знаний в области генетики, физиологии, биохимии, фитопатологии, методики опытного дела, начал биологической статистики». Закончил Созинов доклад предложением ввести в институте «теоретические субботы», на которых изучать методологические вопросы агробиологической науки [31. 4 — 18]. Коллектив поддержал директора, и с того времени методологические семинары вошли в практику и способствовали про-

фессиональному росту сотрудников.

Новым явлением в жизни института стало восстановление преемственной связи с проблемами, именами и благородными идеалами первых лет его существования. После 30 годов средневекового мракобесия вновь стали произносить с благоговением имена А.А.Сапегина и Н.И.Вавилова — корифеев отечественной науки. Показательным в этом отношении стало собрание летом 1974 г., где обсуждался вопрос о достижении комплексности в селекционной работе. Как докладчик, так и выступавшие ссылались на авторитетные мнения Вавилова и Сапегина, ни разу не упомянув Лысенко. Текст доклада не сохранился, но общее настроение хорошо заметно уже по первому выступлению. Оратор начал речь с того, что Вавилов постоянно выставлял требование комплексности как основное. Другой оратор, академик Гаркавий, прежде вместе с другими замалчивавший классиков генетики и селекции, осмелел и заявил: «Сегодня очень правильно поставлен вопрос о комплексности. Ведь еще Сапегин организовал наш институт со всеми существующими сейчас отделами, за исключением молекулярной биологии [...]. Нужно, чтобы все селекционеры знали генетику своего материала, сцепление признаков с хромосомами» [32. 30 — 34].

Уже к этому времени можно было реально увидеть определенные успехи в работе СГИ после 10 лет упорного труда по преодолению тяжелых последствий лысенковщины. Об этом говорит отчет по научно-исследовательской работе за 1974 год. Подавляющее большинство тем выполнялось по актуальным вопросам генетических основ селекции сельскохозяйственных растений; кроме того, изучались количественные признаки и методы математического моделирования (одна из первых ЭВМ «Проминь» была установлена в СГИ еще в 1968 г.). Много внимания по-прежнему уделялось гетерозису. Только Долгушин продолжал по старинке изучать стадию яровизации у пшеницы. Его изжитые теоретические изыскания, однако, перекрывала счастливая удача в селекционном деле — сорт

пшеницы Одесская-51 стал популярным в южных областях. Гаркавий вывел сорт зимостойкого ячменя Оксамит, а Кириченко – пшеницу Прибой. Однако при ресурсах урожая 73-76 ц/га даже в элитсемехозе ячмень давал лишь 32-39 ц/га, а пшеница – не более 42 ц/га, то есть вдвое меньше возможного. Всего в институте было создано 35 районированных сортов и гибридов, их посевная площадь по стране достигла 7,5 млн. га [33, 1-7, 33-35, 160-185; 32, 99-104]. Выступая на областном собрании, посвященном 20-летию освоения целины, директор ВСГИ А.А.Созинов доложил об успехах возглавляемого им института. Далее он сообщил приятную новость: «Наметилась ликвидация отставания по простым гибридам кукурузы. Сейчас уже имеем прекрасный засухоустойчивый гибрид Орбита, который районирован в Одесской, Ростовской и Ворошиловградской областях. Новые высокоурожайные гибриды получают хозяйства, которые выращивают кукурузу на поливе» [34]. Остается добавить, что в том году сам Созинов подал заявку на изобретение способа идентификации моносомных гибридов зерновых культур (пшеницы).

Говоря об успехах института в 1970-е годы, нельзя забывать о том, что борьба против рецидивов лысенковщины не прекращалась. Оплотом консервативных сил остались три «столпа» прежней эпохи, три академика – Долгушин, Кириченко и Гаркавий, увешанные всевозможными регалиями и, следовательно, долгое время застрахованные от критики. Их упрямство в защите ошибочных позиций ярко характеризует следующий эпизод. Как-то Гаркавий на ученом совете потребовал «не отбрасывать старые методы», ему Созинов отпарировал убийственным вопросом: «Даже если 30 лет нет результатов?» Тому ответить не было чего [35, 52]. Намекая на многолетние неудачные опыты Долгушина и Кириченко, Созинов говорил: «Какие получаются озимые из яровых, никто до сих пор не знает». После этого прошло немало времени, и вот Кириченко отвечает на упрек директора: «Многие не верят в переделки. Я придерживаюсь той точки зрения, что

возможно создать озимый сорт из ярового» [36, 132]. Вызывают крайнее удивление слова *верю в переделки* — слова человека донаучной эпохи. Ведь «вера» — понятие религиозное, а не научное, да и слово «переделки» звучит странно в устах маститого академика, говорившего языком «малограмотных новаторов» (выражение Л. И. Брежнева). О том, как зубры мичуринской эпохи совращают с истинно научного пути молодежь, говорит такой полукомичный случай. Когда на защите диссертации в ВСГИ соискателю был задан вопрос о наследовании признаков, приобретенных растением путем воспитания, тот ответил: «Ни да, ни нет, но скорее нет» [36. 69]. Так мог ответить древний мудрец — натурфилософ, но не современный ученый.

В 1974 г. произошло примечательное событие, имевшее в истории одесской генетики не столько научное, сколько знаковое, символическое значение. На заседании ученого совета СГИ с докладом выступил доктор биологических наук Ю.П. Мирюта, зав.лабораторией генетики Украинского НИИ земледелия в Киеве. Спустя почти 30 лет после изгнания из Одессы лысенковцами из Селекционно-генетического института он взял здесь своеобразный реванш. Лицом к лицу встретились два поколения одесских генетиков: Мирюта, последний аспирант Вавилова в ВИР, олицетворял мрачное прошлое, познавшее клевету, лишения, преследования. Новое поколение представляли Созинов, Стельмах, Лыфенко, Сиволап, другие. Сидевшие в зале слабо себе представляли, что перед ними говорит выдающийся ученый и мужественный человек, так как не знали хорошо историю отечественной генетики.

Между тем Мирюта после бегства из Одессы осенью 1947 г. продолжал свою «одиссею», которая увела его далеко от родной Украины. Вначале ему удалось устроиться и.о. зав. лабораторией морфогенеза им. акад. Сапегина в Институте генетики и селекции АН УССР в Харькове [37. 54]. Немедленно после августовской сессии 1948 г. он был уволен, а вновь принят на работу в должности старшего научного со-

трудника только в апреле 1950 г. Харьковский исследователь В.Ф.Чешко, приводящий эти факты, не смог установить, где Мирюта находился полтора года [38, 40, 118]. Эта загадка была давно раскрыта другими харьковскими учеными, которые работали с архивными документами: полтора года высококвалифицированный генетик, бывший заведующий кафедрой в нескольких вузах, трудился бригадиром в совхозе №7 Чугуевского района Харьковской области [39. 23].

В 1957 г. в Новосибирске был основан Институт цитологии и генетики в составе Сибирского отделения Академии наук СССР. Назначенный его директором Н.П.Дубинин стал собирать генетиков, оторванных от своей науки после погрома 1948 г. Среди прочих известных ученых он пригласил Мирюту, предложив ему заведовать отделом гетерозиса. Мирюта согласился и уехал с Украины в Сибирь [40. 368 – 369]. Здесь он трудился до 1966 г. и сделал ряд замечательных открытий, хорошо известных специалистам, в том числе такое, которое получило в мировой науке название «эффект Мирюты». Среди его учеников в Новосибирске – академик РАН В.К.Шумный, один из крупнейших генетиков мира. В своих воспоминаниях он пишет: «Первый мой учитель – Юрий Петрович Мирюта, бывший аспирант, а впоследствии сотрудник Н.И.Вавилова. Это был ниспровергатель некоторых установившихся в генетике догм и генератор новых идей. Он многое подвергал сомнению и заставлял нас проверить его идеи, большинство из которых сохранили актуальность и сегодня» [41].

И вот этот «ниспровергатель авторитетов» и «генератор новых идей», который мог бы стать славой и гордостью Одесского сельскохозяйственного института, выступил перед учеными Селекционно-генетического института с новыми оригинальными идеями. Он доложил о разработанном им методе использования взаимоизбирательности для создания высокоурожайных гибридов пшеницы. В архиве, к сожалению, текста доклада Мирюты не сохранилось, имеются лишь выступления участников обсуждения в протокольной записи. Пер-

вым выступил Стельмах, пришедший к следующему выводу: «Поднимаемые Ю.П. Мирютой вопросы интересны, но рекомендовать предлагаемую им схему для повсеместного использования рано. Нужно более детальное изучение». Следующий оратор его поддержал почти дословно: проводить исследования в том направлении, о котором говорит Мирюта, нужно, однако предлагать уже сейчас широкое селекционное использование этого приема еще рано. Высказывания Мирюты интересны, но они требуют проверки. Созинов промолчал, но, думается, резолюция ученого совета была с ним согласована. В ней сказано: «Методика доктора биологических наук Ю.П. Мирюты теоретически еще недостаточно обоснована. И пока нет оснований для ее широкого использования в селекционных учреждениях страны» [36. 39 – 42].

Ю.П.Мирюта не пошел с докладом в ОСХИ, и правильно сделал. Он бы здесь увидел безрадостную картину пренебрежения современной генетикой. Здесь долго правил бал преданный адепт лысенковщины С.В.Мокров, многолетний декан агрономического факультета и зав.кафедрой селекции и семеноводства, пришедший в ОСХИ из ВСГИ после августа 1948 г. На кафедре он заменил Ольшанского, уехавшего на повышение в Москву [42. 6; 43. 27; 44. 6]. Преподавание генетики здесь проводилось по учебнику еще одного одесского мичуринца – А.И.Воробьева [45. 8]. Успехами в научно-исследовательской работе как кафедра, так и весь факультет похвастаться не могли как из-за слабости кадров, так и по объективным причинам. В отчетах встречаются постоянные жалобы на отсталость материально-технической базы, например, такого содержания: «на агрофаке учебный процесс слабо обеспечен необходимым, аппаратурой, наглядными пособиями, ТСО. Отсутствуют хорошо оборудованные специальные аудитории и лаборатории [...]. Экспериментальная база для проведения научно-исследовательской работы не отвечает современным требованиям. Лаборатория и опытное поле в учхозе не обеспечены соответствующими штатами и современ-

ным оборудованием» [46. 124].

Следствием такого убожества было то, что преданные делу энтузиасты трудились в сараях с самыми примитивными средствами, не получая помощи ни факультета, ни кафедры. Достоинством гласности стал вопиющий для науки случай, когда целый сельскохозяйственный институт за десять лет дал производству всего один новый сорт озимой пшеницы, выведенный кустарным способом селекционером-одиночкой. Рядовой доцент Г.П.Максимчук скончался в мае 1975 г., не дождав-шись признания официальными органами своего сорта Эритоспермум-127. Спустя несколько лет этот сорт уже занимал 320 тыс.га только в Одесской области; сеяли его и в других южных областях Украины, а также в Краснодарском и Ставропольском краях [47].

Мокрова на посту заведующего кафедрой сменила профессор О.И.Рыжева, специалист по такой экзотической в черноморских степях культуре, как лён. Правда, в Одессе она стала выводить кормовой подсолнечник, но тоже без особой концентрации на проблемах генетики. На зоотехническом факультете ОСХИ функционировала кафедра генетики и разведения сельскохозяйственных животных. Ее заведующий профессор И.С.Журавок считался большим знатоком красно-степной породы крупного рогатого скота [48. 168 – 169]. Однако вновь-таки с генетикой растений он дела не имел.

В ОГУ кафедра генетики, спешно созданная в 1949 г., по-прежнему возглавлялась такой одиозной фигурой, как А.И.Воробьев. В 1955 г. к ней присоединили подобную же карликовую кафедру дарвинизма и она получила двойное название. Кадровый потенциал теперь усилился, но не стиль работы. Для кафедры генетики и дарвинизма в научной работе характерно мелкотемье, трусливое желание остаться в стороне от идейно-теоретической борьбы. Сам заведующий за 40 лет служения лысенковщине от передовой генетической науки безнадежно отстал, а переучиваться не хотел. Его долгожданная замена состоялась лишь в 1977 г. 17 марта этого

года партбюро биологического факультета рекомендовало ученому совету избрать заведующим кафедрой генетики и дарвинизма доцента В.Н.Тоцкого. Выпускник Одесского медицинского института, он специализировался по биохимии, на факультете исполнял должность декана. Тоцкий в течение ряда лет читал спецкурсы, тесно связанные с генетической проблематикой: «Структура и функции нуклеиновых кислот», «Молекулярная биология», «Биохимия гормонов» [49, 2]. Вскоре кафедра стала называться кафедрой генетики и молекулярной биологии, выросла численно. С 1980 г. на кафедре стали проводить опыты с дрозофилой по наследственности, что в других научных центрах делалось уже сотню лет.

Одесский университет, наконец, обрел достойное место в ряду современных научных учреждений, восстановил преемственную связь со своим выдающимся питомцем — академиком А.А.Сапегиным. Большим достижением кафедры следует считать выпуск в 2000 г. фундаментального курса лекций Тоцкого «Генетика», рекомендованного в качестве вузовского учебника и выдержавшего с тех пор три издания. Нельзя не вспомнить аналогичный случай, произошедший ровно 50 лет до этого — в Москве вышел учебник Воробьева «Основы мичуринской генетики» и сравнить обе книги. Между ними — дистанция огромного размера — и полстолетия борьбы науки против мракобесия, между ними — вся история одесской генетики. Они отличаются не только размерами: у Воробьева — менее 200 стр., у Тоцкого — более 700 стр. крупного формата. Главное — содержательная сторона двух книг. Книга Воробьева — всего лишь жалкая компиляция цитат из сочинений Лысенко: рецензент подсчитал, что на 194 стр. книги Воробьева имя «главного мичуринца» встречается 214 раз. «В книге нет ни одной оригинальной мысли ее автора», — пишет рецензент; она полна научной недобросовестности, невежества, тенденциозности. Автор преподносит студентам заведомо неверные данные, искажает взгляды И.В.Мичурина, И.П.Павлова, М.Ф.Иванова. Кроме всего прочего, за такую стряпню Воробьев получил докторскую

степень и стал величаться профессором [50, 100-105]. Книга Тоцкого — это, собственно говоря, энциклопедия современной генетической науки, изложенная логично, ясно, убедительно. Она написана, при всей той усложненной терминологии, что свойственна генетике, хорошим украинским литературным языком, прекрасно иллюстрирована, снабжена богатой библиографией. С точки зрения историка, она имеет единственный изъян — отсутствует глава (раздел) по истории генетики в нашей стране. Без этого студенты не смогут почувствовать главный нерв науки — борение идей и кипение человеческих страстей. Мелкие работы автора по частным вопросам биохимии, генетики и проч. забудутся, а «Генетика» останется надолго. Она будет востребована студентами, преподавателями, специалистами и через много лет.

В Селекционно-генетическом институте дела шли своим чередом, уже видны были положительные результаты возрождения генетики. Казалось, сама природа благоприятствует этому: в 1973 г. в Украине был собран самый высокий за все годы урожай зерновых — 48,5 млн. т. Хорошими (а в целом по СССР — рекордными) стали урожаи 1976 и 1978 годов. Это вселяло уверенность коллектива в правильность избранного пути — утверждения генетики в качестве теоретической основы селекции, а также работало на личный авторитет директора института А.А.Созинова. В коллективе укреплялись позиции генетиков, прежде чувствовавших себя пасынками селекционеров, осыпанных разными наградами и регалиями. Расширялся круг изучаемых проблем, глубина их проработки, росло мастерство ученых. Одним из главных направлений стали исследования в области молекулярной биологии, которые становились основой для нахождения принципиально новых подходов к проблеме управления наследственностью. Были разработаны методы выделения хроматина, ДНП, ДНК и ядер-протеинов из тканей злаковых растений, что давало возможность исследования молекулярных механизмов генного регулирования. Были также начаты исследования по изучению наследственных из-

менений путем генетических трансформаций.

Продолжались начатые Созиновым работы по качеству зерна. Первопричиной, побудившей изучать взаимосвязи азотного питания пшеницы и белковости зерна полной спелости, стало сильное снижение белка в течение последних 20 лет. Белковость упала до 10 – 12%, что снижает хлебопекарные качества пшеницы. Решение проблемы одесские ученые видели в изменении структуры удобрений – сокращение фосфорных и увеличение азотных, в том числе за счет органики [51. 135 – 144]. Этой проблеме Созинов неустанно уделял много внимания, агитируя селян за бережное отношение к органическим удобрениям и всемерное их использование. Как пример можно привести его статью в местной газете «Качество зерна. Как его повысить», где дает научное объяснение составляющих качества и подробно объясняет меры по его повышению [52].

Среди успехов института – новый сорт озимой мягкой пшеницы Прибой, получивший медаль на Международном конкурсе в Брно (февраль 1975 г.), а также Одесская-3 и Одесская-16 селекции отдела во главе с Ф.Г.Кириченко. Хотя по урожайности они сильно уступали мироновским сортам, одесские пшеницы превосходили их резистентностью к резким колебаниям погоды, лучше переносили засуху, не ложились и не осыпались [53. 14 – 20]. Созинов, тем не менее, был недоволен работой одесских «пшеничников», сравнивая их сорта с теми, что вывел В.М.Ремесло в Мироновском институте. «По пшеницам у нас нет такого шедевра, как Безостая у Ремесло», – заявил он на заседании ученого совета [35. 51 – 53]. Такие шедевры, понятно, не появляются каждый день, они – итог десятилетнего упорного труда в сочетании с передовой наукой, талантом и везением.

Летом 1977 г. одесский институт комплексно проверяла комиссия ВАСХНИЛ во главе с акад. Н.В.Турбиным. Обстоятельный акт комиссии (22 стр. текста) сохранился в архивном деле [54. 45 – 67]. Нет возможности останавливаться подробно на замечаниях столичных ревизоров. Гораздо инте-

реснее как на них реагировали одесские генетики и селекционеры. На ученом совете 14 октября того же года обсуждалось постановление бюро президиума ВАСХНИЛ и коллегии Министерства сельского хозяйства СССР по итогам работы комиссии Турбина. Говорили, преимущественно, о недостатках и нерешенных проблемах. Тезисно они сводились к следующему: 1) урожайность новых одесских сортов пшеницы (Прибой) ниже, чем у многих зарубежных, в частности, югославских сортов; 2) у них нет устойчивости к болезням (ржавчина, мучнистая роса). В этом отношении среди лучших остается старый сорт Одесская-51; 3) по ячменю — нет хороших сортов по продуктивности и по устойчивости к полеганию; 4) по кукурузе — нет высокоурожайных гибридов и исходных самоопылятельных линий; 5) только по подсолнечнику Одесса оказалась в более выгодном положении, чем другие научно-исследовательские институты. С критикой в свой адрес согласились все выступившие в прениях, за исключением Долгушина [55. 142 — 145].

Итоги истекшего 1977 г. на ученом совете обсуждали уже не столь самокритично; в отчете сказано лишь о достижениях. Вот они в самом кратком изложении: по пшенице в госиспытание переданы два сорта озимой — Проминь и Зирка (автор С.Ф.Лысенко). Первый из них за три года эксперимента дал по черному пару урожай в 61,3 ц/га, а по гороху — 66,6 ц/га. Кроме того, он показал высокую устойчивость к грибковым заболеваниям стебля и листьев, хорошие технологические качества зерна. Потенциал обоих сортов достигает 80-90 ц/га. Два сорта озимой мягкой пшеницы Арнаутка и Надежда вывела группа под руководством Ф.Г.Жириченко, еще один сорт — Одесский-66 — группа Д.А.Долгушина. Однако превзойти старый сорт Одесский-61 ему не удалось. Перспективный гибрид кукурузы вывели П.Ф.Ключко и В.М.Соколов, а новый сорт гороха — А.И.Верещака. Хорошо поработали теоретики института. Новые направления генетического анализа клеток растений провели Ю.М.Сиволап и А.Ф.Стельмах с их

коллективами. В частности, Стельмах выяснял с помощью анеуплоидного анализа гены, контролирующие признаки продуктивности, иначе говоря, слагаемые урожайности зерновых [56. 36, 89, 124-166].

Законная гордость за сделанное на совесть дело, неоднократно предупреждал Созинов, не должна вести к самодовольству и зазнайству. Отмечая рост квалификации научных сотрудников, он предупредил, что в связи с интенсификацией работы некоторым придется уйти из института в агрономы. Другой существенный недостаток — разобщенность отделов, как он выразился, жизнь по «хуторской системе». Сейчас уровень решения задач иной, чем прежде: «Нужно концентрировать усилия на главных направлениях, организовывать группы по решению определенных проблем. Нужно создать Программу по разработке теоретических вопросов селекции. Сотрудники еще не почувствовали, что уже работает фитотрон. Но он внесет изменения в нашу жизнь [...]. Мало публикаций, а имеющиеся далеко не качественные. Монографий нет и не предвидится, хотя возможности для их написания неограниченные [...]. Надо усилить работу по иммунитету. Исследования в этом плане становятся одними из важнейших. Наши сорта будут сходиться с арены, если будут появляться более иммунные сорта».

Академика Гаркавого тревожило состояние дела с семеноводством. В элитсемхозе «Дачная» 300 га земли, но поля там засорены, а урожай зерновых позорно малый — 12,8 ц/га. А ведь семена — это лицо наших сортов, нашего института, сокрушался он. Затем продолжил: «Плохо обстоит дело с размножением и очисткой наших сортов на перспективу и с районированием. Снижается качество семян, снижается их всхожесть. Элита ячменя дает до 30 ц/га, а новые сорта — наше будущее — только 8-9 ц/га» [55. 3 — 8, 43 — 47].

Фитотрон, о котором упомянул Созинов, начал строиться в 1967 г., а спустя десять лет сдан в эксплуатацию, хотя его официальное открытие было перенесено на осень 1978 г., когда

все морозильные камеры будут полностью загружены экспериментальным материалом. Комплекс состоял из трех частей: лабораторного корпуса, технического блока с оранжереями и блока климатических камер. Построенный по оригинальному проекту, комплекс предназначался для проведения генетико-селекционных исследований в широком диапазоне температур и имел 14 морозильных камер [57. 137 – 143]. Уже 10 января 1978 г. ученый совет обсудил и утвердил программу исследований на фитотроне. При ее составлении был применен опыт ученых Франции в области физиологических исследований растений на фитотроне, Австралии – на засухоустойчивость и Японии – на репродуцирование [57. 27].

Вообще говоря, в 1970-е годы территория ВСГИ быстро застраивалась. В мае 1977 г. на ученом совете был утвержден новый генплан строительства института. Селекционные отделы предполагалось вынести на Дачную, так как в связи с расширением городской черты по землям института намечалось пустить скоростную дорогу, метро и другие объекты. Уже тогда было ясно, что город мешает расти институту, а институт – городу. Впрочем, все утряслось само собой, так как из утопического плана местной власти ничего не вышло. Но планирование продолжалось: президиум АН УССР принял решение, в котором говорилось, что «принцип биохимической генетики должен стать теоретической основой селекции». В связи с этим институту выделили дополнительно 4 млн. руб. для завершения корпуса молекулярной биологии. Кроме того, следовало быстрее закончить строительство грунтовой теплицы [55. 72 – 77, 138].

Реализации больших планов расширения СГИ помешали не только известные объективные препятствия, но и смена его руководства. Еще 21 июня 1978 г. ученый совет института выдвинул А.А.Созинова в действительные члены ВАСХ-НИИ. К этому времени он стал хорошо известен в стране и мире как выдающийся ученый-генетик и организатор науки, избран действительным членом Академии наук УССР по спе-

циальности «генетика», награжден высшими орденами — Ленина (1973), Октябрьской революции (1977), Трудового Красного Знамени (1971). В представлении института говорилось: «А.А.Созинов широко известен своим вкладом в разработку генетики белкового комплекса зерновых культур. С 1958 г. ведет большую работу по проблеме улучшения качества зерна. С 1971 г. директор Всесоюзного селекционно-генетического института. За последние годы вывел свыше 30 новых сортов, которые выращиваются на площади более 10 млн. га, чистая прибыль 588 млн. руб.». К этой цифре добавлена еще одна — благодаря внедрению в производство выведенных Созиновым сортов страна дополнительно получила 7201,1 тыс. тонн зерна [58; 59. 62 — 64]. Сегодня трудно избавиться от подозрения, что последние цифры — лукавые: подобные же мнимые прибавки давали стране агротехнические приемы и сорта прежних агробиологических кумиров.

Как бы то ни было, Созинов был избран в сельскохозяйственную академию, а вскоре Одесса с ним рассталась. На заседании ученого совета института 20 октября 1978 г. директор сообщил, что назначен вице-президентом ВАСХНИЛ и уезжает в Москву. Одновременно он возглавил лабораторию биохимической генетики Института общей генетики в главной академии страны — АН СССР. Так высоко прежде взлетал лишь один одесский селекционер и генетик — Т.Д. Лысенко, его научный антипод. На прощании Созинов поблагодарил коллектив института за поддержку и особенно сердечно — своего учителя академика Гаркавого, которому только что исполнилось 70 лет.

Так в конце 1978 г. закончилась недолгая, но яркая и плодотворная «созиновская эпоха» в истории одесской генетики. Уехавший директор оставил мощный многофункциональный научный центр с налаженным процессом фундаментальных и прикладных исследований, современной материально-технической базой, хорошим кадровым потенциалом. На момент ухода Созинова в Селекционно-генетическом институте трудились 722

чел., из них 148 научных сотрудников, среди которых было 5 академиков и членов-корреспондентов ВАСХНИЛ, 12 докторов и 90 кандидатов наук [61. 67]. Нелишне вспомнить и о том, что за последние пять лет его директорства многое было сделано в социальной сфере; так, около 120 семей сотрудников улучшили свои жилищные условия [55. 155].

Новый руководитель института Л.К.Сечняк, бывший при Созинове его заместителем, продолжал курс своего предшественника, хотя без прежней энергии и успехов. Он постепенно терял чувство реальности и самокритичности. Его выступление на пленуме обкома партии, обсуждавшего доклад Л.И. Брежнева «О Продовольственной программе», звучало как победная реляция: «В Селекционно-генетическом институте выведены новые сорта пшеницы Одесская полукарликовая, Обрий, Парус, среднеспелый гибрид кукурузы Геркулес, высоколизинговый сорт ячменя Одесский-84Л, который по питательным качествам не уступает стандартным комбикормам, а также скороспелый и высококачественный гибрид подсолнечника Одесский-91».

Первый секретарь обкома Н.К.Кириченко сообщил, что на XII пятилетку (1986 – 1990 гг.) поставлена задача довести урожайность зерновых по области до 34-35 ц/га [60]. И это при том, что несмотря на внедрение новых сортов зерновых, в том числе и одесских, урожайность в стране оставалась низкой: по данным ФАО, в 1980 г. она составляла всего 14,9 ц/га. Валовое же производство зерна в СССР уже в течение 25 лет пребывало в состоянии стагнации, без выраженной тенденции к росту или снижению, в то время как душевое постоянно снижалось [61].

Состояние застоя, охватившее все сферы жизнедеятельности страны, пришло и в лаборатории, на опытные делянки, в кабинеты руководителей СГИ. И хотя о его директоре местная пресса печатала хвалебные, необъективные статьи [62], обстановка в институте менялась в худшую сторону. Элементы волюнтаризма и авторитаризма в поведении, синдром «звездной

болезни» наблюдались и у Созинова, но эти недостатки смягчались широтой его натуры, горением на работе, обширными знаниями и успехами в науке. Короче, он обладал *харизмой*. О Сечняке этого сказать нельзя: серый как личность, исполнительный чиновник, он справлялся хорошо на вторых ролях.

Единственный вопрос, который был при нем решен полностью и окончательно, это демонтаж последних остатков лысенковщины. Теперь, в начале 1980-х гг., лишь Долгушин в одиночку продолжал вести круговую оборону «мичуринского учения» как последний самурай, которому забыли сообщить, что война давно проиграна. Его упорство в отстаивании лженауки вызывает у современных неосталинистов восхищение, прямо ведущее к фальсификации истории. Так, широкое распространение получила легенда о смелой речи Долгушина на его 80-летнем юбилее, отмеченном на заседании ученого совета института. Доктор наук П.Ф.Кононков пишет в Интернете: Долгушин в заключительном слове, отвечая на поздравления, будто сказал, что своими успехами в селекции всецело обязан теории стадияльного развития и другим теоретическим разработкам академика Т.Д.Лысенко. При этих словах сидевший в президиуме первый секретарь обкома партии Кириченко зло зыркнул на директора института Созинова и что-то сердито ему сказал [63]. Долгушин якобы был представлен к званию героя труда, а теперь за еретическую речь его лишили награды. Эта же басня повторена дословно в малограмотном опусе еще одного фальсификатора истории [64. 32]. Кого из них вдобавок считать плагиатором, пусть они выясняют между собой.

Что на самом деле происходило на юбилейном заседании ученого совета, позволяет установить его протокол, сохранившийся в архиве. Заседание состоялось 28 октября 1983 г. и на нем не было ни Кириченко, ни Созинова (уже пять лет как он в Москве), заседание вел заместитель директора С.В.Бирюков. Обком партии и облисполком представлял секретарь обкома по сельскому хозяйству М.Г.Галич. Он поздравил юби-

ляра, вручил ему почетную грамоту. Затем были многочисленные выступления коллег и учеников, зачитаны приветственные адреса. В заключение Долгушин поблагодарил обком и всех присутствующих за приветствия в его адрес и всех, кто прислал ему поздравления. На этом юбилейное заседание было закрыто [65. 79 – 80]. Вот так перед лицом документальных источников рассыпаются в прах все лживые выдумки.

В том же году, когда отмечался этот юбилей, ученый совет института обсудил работу отдела селекции и семеноводства кукурузы (зав. П.Ф.Ключко). Отмечалось, что отдел ведет исследования по 12 научным темам, имеющим теоретическое и практическое значение. С 1976 г. передано на госсортоиспытание 19 гибридов, кроме того, только что районирован высоколизинговый гибрид Геркулес. Но эти частные успехи не могли скрыть наметившегося отставания отдела от требований дня. Среди тревожных явлений названы следующие: площадь под районированными одесскими сортами уменьшается, некоторые гибриды не пошли в производство. А сорт Геркулес, заявил директор института, получен за счет провала других участков работы. План по семеноводству не только по этому отделу, а и по всему институту не выполнен [66. 70 – 76].

Начавшаяся в стране перестройка обнаружила немало узких мест в работе СГИ, как и всей сельскохозяйственной отрасли. Ложное благополучие, мнимые достижения, приписки и очковтирательство, бюрократический стиль руководства и, наконец, различные злоупотребления враз оказались под огнем справедливой критики. В этом отношении показательным стало партсобрание в январе 1987 г., обсуждавшее итоги пленума ЦК КПУ, где прозвучала резкая критика Одесской области за отставание по сельскому хозяйству. Докладчик, зам.директора по науке В.Г.Чайка, привел удручающие цифры падения как валового сбора зерна, так и средней урожайности. Особую тревогу вызвала пшеница: если в X пятилетке (1976 – 1980 г.) ее урожайность достигла 30,1 ц/га, то в следующей пятилетке снизилась до 27,4 ц/га. Производство

зерна в республике сократилось соответственно с 21,4 млн. т до 18,8 млн. т. Качество зерна — невысокое. Наибольшее падение показала Одесская область — на 18% (почти на 0,5 млн. т). Затем докладчик привел малоприятные данные по Селекционно-генетическому институту; в частности, площадь под сортами института постоянно уменьшается, в Одесской области доминирует сорт Эритроспермум-127. В докладе самокритично признается: «Нашим сортам не хватает морозостойкости и засухостойкости, устойчивости к ряду наиболее опасных заболеваний, качества сильной пшеницы [...] Новые сорта (всего 8) по морозостойкости все уступают старому сорту Одесская-51». Впервые поименно названы маститые селекционеры, повинные в этих упущениях, — Литвиненко, Долгушин, Лыфенко. Затем докладчик продолжил: «По кукурузе нет успехов [...]. Труженики села пока сеют высокоурожайные гибриды иностранной селекции, и это повторяется не один год». Позорным является такой факт, который привел зам. директора: за отделом кукурузы закреплен участок в 7га, урожай на нем собрали аж по 11 ц/га.

На этом собрании впервые в полный голос было сказано то, что скрывали от народа десятилетия, — страна не обеспечивает себя зерном. Чайка во всеулышание заявил: «Украина себя зерном не обеспечивает [...]. Зерно завозим из-за границы». Другие ораторы сосредоточили свое внимание на делах институтских, которые также были далеко не блестящими. Один сказал: «За 15 лет мы скатились с позиций, которые занимали. Площадь под нашими посевами сократилась с 9,1 млн. га в 1974 г. до 6,5 млн. га в 1985 г. Хотя израсходовали за эти годы 19 млн.руб.». Другой добавил: «Сорт два-три года побудет на производстве — и уходит». Третий встревожен: «Соорудили фитотрон — мощную станцию, но фактически от этого СГИ мало что имеет» [67. 9 — 16, 33 — 34].

О неблагополучии в институте речь шла и на заседаниях ученого совета в предыдущем году. Весь 1986 год постоянно звучала критика в адрес директора и трех его заместителей.

Достаточно привести несколько цитат из речей выступающих. С.Ф.Лыфенко: «Состояние агротехники в наших базовых хозяйствах плохое: недостаток рабочей силы, техника используется непроизводительно [...]. Все это не дает возможности получить достоверные данные даже в опытах [...]». В.В.Бурлов: «Многие наши сорта снимаются с районирования, так как плохо организовано семеноводство, плохое качество семян». Критики указывают на интегральный показатель глубокого кризиса селекции и семеноводства в СГИ: даже в Одесской области все новые интенсивные сорта института (Обрий, Южная Заря, Одесская полукарликовая) занимают всего 17% посевных площадей. И далее: «Наши ученые мало используют зарубежный опыт, мало знакомятся с научными публикациями по законченным совместным проектам». Когда вернувшегося со стажировки в Японии Симоненко спросили о впечатлениях от оснащенности тамошних лабораторий, он ответил одним словом: «Потрясающее». Затем добавил: «Развита компьютеризация во всех сферах деятельности, в том числе научной» [68, 3-18, 78, 142].

Последняя комплексная проверка института со стороны ВАСХНИЛ состоялась осенью 1986 г., ее возглавлял акад. В.С.Шевелуха. Акт комиссии, подписанный 27 октября, представляет собой солидный научный трактат в 57 стр. и охватывает все сферы деятельности СГИ за 1981 – 1985 г.г. Он был, если сказать кратко, достаточно сбалансированным, но основное внимание проверяющие уделили недостаткам и мерам по их устранению. Рекомендации собраны в 12 пунктах, ими заканчивается справка, которая обсуждалась ученым советом месяц спустя [69. 1 – 57; 70. 146 – 153].

Ответственность за кризисное состояние института пала на его директора Сечняка, стиль руководства которого вызывал все большее недовольство подчиненных. Для выяснения отношения коллектива к дирекции и принятия соответствующих мер по инициативе партийного бюро весной 1987 г. было проведено анонимное анкетирование. Его результаты обсуж-

дались остро и неліцеприятно на партійному зборанні с повесткой дня «О задачах партійной організації по углубленію перестройки» 9 июня 1987 г. Анкетирование, которое охватило все группы работающих в СГИ, как научных работников и технико-лаборантский состав, так и рабочих, всего 657 чел., показало недоверие коллектива к директору и его заместителю по производству. Деятельность Сечняка на посту директора одобрили лишь 16% голосовавших. Главное ему обвинение таково — «подрывает веру людей в перестройку. Вернувшись с XXVII съезда КПСС, он заявил: «Наш институт не нуждается в перестройке». Весь зал буквально онемел. Примечательно, что в своем неприятии перемен Сечняк нашел поддержку в лице прежнего оппонента Долгушина.

С осуждением порочного стиля руководства директора, его злоупотреблений на зборанні смело и убедительно выступил Ю.М.Сиволап. Его речь так искренна, содержит такие глубокие, продуманные мысли, что ее невозможно читать без волнения. Приведем ряд положений, имеющих непреходящую ценность: «В институте буйным цветом, как сорняк на обочине широкого шоссе, расцвел формально-бюрократический способ руководства [...]. Бюрократизм есть наиболее изощренная форма злоупотребления властью, порождающая и специфический тип управленца, главными чертами которого является конформизм, ориентация не на содержательные цели своей деятельности, а на выполнение формальных предписаний, на сохранение и упрочение своего должностного положения и связанных с ним привилегий». Директор боится коллектива, говорит оратор, не общается с людьми, «[...] ведет себя как на временно оккупированной территории». В научной работе института, продолжает Сиволап, возник и углубляется разрыв между теоретическими результатами в физиологии, биохимии, молекулярной биологии, генетике и селекционными программами. Селекционные отделы не получают существенной помощи от теоретиков».

Затем откровенно сказано о непрофессионализме дирек-

тора при решении важной государственной задачи в области биотехнологии. Сиволап спрашивает присутствующих: «Разве может Сечняк, не имеющий серьезных знаний в области генетики, физиологии, биохимии и других отраслей биологии, руководить биотехнологией — детищем генной инженерии и клеточной и тканевой культуры? Приписывание своей фамилии к чужим трудам не дает права на руководство научным направлением [...]. До тех пор, пока сечняки будут управлять научными подразделениями, наша экономика не будет эффективной». Свою страстную речь Сиволап закончил предложением демократизировать ученый совет, сделать его выборным исполнителем «коллективной воли и разума коллектива».

Выразить Сечняку недоверие и снять с директорского поста предложили и другие выступавшие. В краткой, невыразительной речи Сечняк пытался оправдаться. Он сообщил, что еще до собрания подал заявление о переходе на пенсию. Собрание приняло решение создать комиссию по проверке высказанных критических замечаний и одновременно признать невозможным пребывание Л.К.Сечняка в должности директора СГИ [67. 54 — 60].

Пока авторитетная комиссия из работников института и ученых-биологов Одессы, во главе которой стал ответственный сотрудник обкома партии, вела свою работу, масло в огонь конфликта подлила местная газета. В августе она опубликовала цикл статей своего корреспондента Б.Кердман под заглавием «Письма из Селекционно-генетического института». Не разобравшись в ситуации, журналистка безапелляционным тоном пытается взять под защиту уволенного директора и поддержать консервативные, антиперестроечные силы в СГИ. Она демагогически, вопреки фактам, утверждает, что институт всегда держался на «трех китах» (Долгушин, Кириченко, Гаркавий), а теперь-де подросли «китята» (Лыфенко, Линчевский, Литвиненко) и они понесут эстафету дальше, к новым достижениям. С пренебрежением она отзывается о генетиках, занятых фундаментальными разработками, неодно-

ратно упоминает Ю.М.Сиволапа, пытаясь опорочить его и бросить тень на репутацию [70].

Вскоре, однако, комиссия обкома партии представила свои выводы, которые подтвердили большинство обвинений в адрес Сечняка [67. 123 – 135]. Демократические силы, поддержавшие перестройку, одержали таким образом победу, но не смогли ее закрепить – добиться избрания ученого совета и директора путем всеобщего прямого голосования. Вскоре вышел закон о создании советов трудового коллектива, которые получили право избирать руководителей предприятий. Поэтому следующий директор СГИ был избран двухстепенным голосованием через новый орган. Им стал бывший заместитель директора С.В.Бирюков, приступивший к работе 25 декабря 1987 г.

Новый руководитель сразу окупился в решение хозяйственно-финансовых вопросов, так как институт перешел на хозрасчет и самофинансирование. Пришло время строго согласовывать расходы с доходами и считать каждую копейку. Теперь институт должен был иметь прибыль, иначе он не сможет существовать и развиваться. Для этого первым делом была пересмотрена его организационная структура. При прежнем руководстве вопрос не решался, хотя проверяющие неоднократно отмечали ее громоздкость: в институте насчитывалось 17 самостоятельных отделов и 9 лабораторий, кроме тех 16 лабораторий, что входили в состав отделов. Следствием было распыление научных сил и дублирование разрабатываемых тем: селекцией озимой мягкой пшеницы занимались три самостоятельных подразделения, селекцией яровой и озимого ячменя – три, селекцией подсолнечника – два. План по упрощению организационной структуры подготовил новый заместитель директора по науке А.Ф. Стельмах. Отныне существовали 18 укрупненных отделов с общей тематикой, а 5 самостоятельных подразделений ликвидировали. Наконец, провели аттестацию сотрудников в количестве 436 чел., в том числе 146 научных сотрудников в условиях гласности; с целью демократизации процесса управления состоялись выборы совета трудового коллектива и ученого со-

вета института [67. 127; 71. 6; 72. 27]. Короче говоря, многое было сделано в правильном и нужном направлении.

1989 год — последний в истории СГИ, который обеспечен документальными источниками, так как все бумаги как администрации, так и партийной организации имеются в архиве и доступны исследователям. Их изучение позволяет сделать вывод, что несмотря на возрастание объективных трудностей и политическую нестабильность в стране, коллектив ученых продолжал свою благородную деятельность. Годовой план по НИР был выполнен: на основе завершённых разработок на госсортоиспытание переданы 21 сорт, в том числе 3 — пшеницы, 7 — ячменя и 5 — гибридов кукурузы. По результатам государственных и производственных испытаний районированы 7 сортов института, в том числе озимая пшеница Ольвия, Южная Одесская, яровой ячмень Эней. Теоретические отделы продолжали изучение глиадина и глютенина пшеницы, гордеина ячменя, амилаз пшеницы и ячменя, зеина и глютамина кукурузы. Проведена работа по обеспечению предпосылок создания математической модели подбора родительских пар для скрещивания. И многое другое [73. 21 — 27]. На ученом совете заслушаны отчеты заведующих отделами генной инженерии (Сиволап), генетики и цитологии растений (Симоненко), генетических основ селекции (Попереля). Есть достижения, есть нерешенные проблемы, идет принципиальная дискуссия [74. 37 — 52].

Однако социально-политическая обстановка в стране, составной частицей которой являлся СГИ, ухудшалась с каждым днем. Советский политический строй, основанный на монополии КПСС на власть, оказался настолько жестким и внутренне слабым, что попытка его реформирования повлекла за собой потерю управляемости, цепную реакцию распада, хаос в центре и на местах. Эти деструктивные явления хорошо видны на примере СГИ. Вот что говорят участники событий: «В настоящее время старый севооборот нарушен, новый непригоден для семеноводческих целей. В 1988 г. пар зарос до такой степени, что никакой культиватор не поможет. С

500 га не убрали ни одного килограмма зерна». Другой говорит: «Дисциплина на рабочих местах ужасная. Людей на рабочих местах невозможно найти, а наши ученые вообще не ходят на работу, читают лекции в вузах» [72. 27]. На ученом совете Ф.А.Попереля возмутился: «Качество нашего семеноводства никуда не годится. Линии наши засорены, типичность их на самом низком уровне. Мы теряем урожай в производстве по этой причине» [74. 23].

Политические события 1991 г., как известно, привели к распаду СССР и возникновению на его территории ряда суверенных государств. Образование независимой Украины сотрудницы Селекционно-генетического института, в огромном большинстве дети и внуки украинских крестьян встретили с надеждой. Об этом свидетельствуют имеющиеся документы [75. 34 – 38]. На референдуме 1 декабря 1991 г. они поддержали Акт о независимости Украины. С этого момента в истории одесской генетики начинается новый период.

Литература:

1. Чазов Е.И. Здоровье и власть: Воспоминания кремлевского врача. – М., 1992.
2. Государственный архив Одесской области (ГАОО). – Ф.Р-7881. – Оп.1. – Д.270.
3. ГАОО – Ф.П.-3139. – Оп.1. – Д. 56.
4. ГАОО – Ф.Р.- 7881. – Оп.1. – Д. 272.
5. ГАОО – Ф.П.-3139. – Оп.1. – Д. 59.
6. ГАОО – Ф.Р.- 7881. – Оп.1. – Д. 271.
7. Созинов А.А. Пивоваренный ячмень на юге Украины / Автореф. дисс...канд.с/х.наук. – Одесса, 1959.
8. Автор статьи беседовал с бывшим председателем колхоза из Березовского района и тот, спустя почти 50 лет, вспомнил Созинова по этим двум словам: «Органика, органика».
9. ГАОО – Ф.Р.- 7881. – Оп.1. – Д. 278. О создании этой лаборатории см. воспоминания ее первого заведующего [30, 70].
10. Там же. – Д. 285.
11. ГАОО – Ф.П.- 3139. – Оп.1. – Д. 58.
12. Порто-Франко. – 2008. – 11 июля.

13. ГАОО – Ф.П.– 3139. – Оп.1. – Д. 61.
14. ГАОО – Ф.Р.– 7881. – Оп.1. – Д. 292.
15. ГАОО – Ф.П.– 90. – Оп.1. – Д. 316.
16. ГАОО – Ф.Р.– 1438. – Оп.12. – Д. 730.
17. Там же. – Д. 732.
18. Там же. – Д. 746.
19. ГАОО – Ф.П.– 90. – Оп.1. – Д. 395.
20. ГАОО – Ф.Р.– 7881. – Оп.1. – Д. 369. Биографию Ю.М.-Сиволопа см. [Электронный ресурс] www.slovo.odessa.ua/862/1.5html
21. Там же. – Д. 365.
22. Там же. – Д. 406.
23. Там же. – Д. 294.
24. ГАОО – Ф.П.– 3139. – Оп.1. – Д.59.
25. Там же. – Д. 61.
26. Там же. – Д. 64.
27. ГАОО – Ф.Р. – 7881. – Оп.1. – Д. 454.
28. Там же. – Д. 676.
29. ГАОО – Ф.П.– 3139. – Оп.1. – Д. 97.
30. Лифенко С.П. Селекційно-генетичний інститут: 100 років. 1912-2012: Нариси з історії. – Одеса, 2012.
31. ГАОО – Ф.П.– 3139. – Оп.1. – Д. 65.
32. Там же. – Д. 68.
33. ГАОО – Ф.Р.– 7881. – Оп.1. – Д. 454. Следует учесть, что авторство сорта Оксамит в одних документах отдано Гаркавому, в других Созинову. Скорее всего, они соавторы.
34. Знамя коммунизма. – 1974. – 6 апреля.
35. ГАОО – Ф.Р.– 7881. – Оп.1. – Д. 651.
36. Там же. – Д. 450.
37. ГАОО – Ф.П.– 8491. – Оп.1. – Д. 27.
38. Чешко В.Ф. Наука и государство: Методологический анализ социальной истории науки (генетика и селекция в России и Украине в советский период). – Х., 1997.
39. Рабинович С.В., Гурьева И.А. Н.И.Вавилов и ученые Харьковщины // «От убеждений своих не откажемся...» – Х., 1989.
40. Дубинин Н.П. Вечное движение. Изд. 3. – М., 1989.
41. Воспоминания академика РАН В.К.Шумного [Электронный ресурс] www.sibai.ru
42. ГАОО – Ф.Р.– 4727. – Оп.3. – Д. 52.
43. Там же. – Д. 69.

44. Там же. – Д. 211.
45. Там же. – Д. 141.
46. ГАОО – Ф.П.– 8491. – Оп.1. – Д. 259.
47. Знамя коммунизма. – 1982. – 17 января.
48. ГАОО – Ф.Р.– 4727. – Оп.3. – Д. 1345.
49. ГАОО – Ф.П.– 90. – Оп.1. – Д. 481.
50. Бельковский М. Фальсификация науки под флагом мичуринского учения // Бюллетень Московского общества испытателей природы. Отд. биолог. – 1956. – Т. 61, вып. 2.
51. ГАОО – Ф.П.– 7881. – Оп.1. – Д. 452.
52. Черноморська комуна. – 1976. – 26 листопада.
53. Дерев'янок Б. Долю обираєш сам // Дніпро. – 1976. – № 3.
54. ГАОО – Ф.Р.– 7881. – Оп. 1. – Д. 612.
55. Там же. – Д. 607.
56. Там же. – Д. 614.
57. Там же. – Д. 650.
58. Алексей Алексеевич Созинов [Электронный ресурс] www.enshb.ru/akdit/akad
59. ГАОО – Ф.Р.– 7881. – Оп. 1. – Д. 651.
60. Знамя коммунизма. – 1982. – 1 июля.
61. [Электронный ресурс] <http://apps.fao.org/database/collections>
62. Кердман Б. Наш современник // Знамя коммунизма. – 1985. – 3 декабря.
63. П.Ф.Кононков об академике АН СССР Трофиме Денисовиче Лысенко [Электронный ресурс] lysenkoism.narod.ru/kononkov.htm
64. Миронин С.С. Дело генетиков. – М., 2008.
65. ГАОО – Ф.Р.– 7881. – Оп. 1. – Д. 899.
66. Там же. – Д. 898.
67. ГАОО – Ф.Р.– 3139. – Оп. 1. – Д. 96.
68. ГАОО – Ф.Р.– 7881. – Оп. 1. – Д. 1005.
69. Там же. – Д. 1011.
70. Вечерняя Одесса. – 1987. – 3, 4, 5, 6, 7 августа.
71. ГАОО – Ф.П.– 3139. – Оп. 1. – Д. 98.
72. Там же. – Д. 99.
73. ГАОО – Ф.Р.– 7881. – Оп. 1. – Д. 1099.
74. Там же. – Д. 1095.
75. Там же. – Ф.П.– 3139. – Оп. 1. – Д. 98.

Артем Филипенко,
*директор Регионального филиала
Национального института стратегических
исследований в г. Одессе*

**ОДЕССКАЯ ОБЛАСТЬ
НА РУБЕЖЕ XX-XXI СТОЛЕТИЙ.**

**ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ. «РЕГИОНАЛЬНАЯ ИНИЦИАТИВА»:
КУЛЬТУРНОЕ РАЗВИТИЕ ОБЛАСТИ**

Еще одним шагом на пути реализации основных положений программы «Региональная инициатива» стало принятие «Программы развития культуры Одесской области на 2002-2004 годы», которая была утверждена решением сессии областного совета в июле 2002 года. Программа определила стратегию и практические мероприятия по решению основных проблем функционирования и развития культуры и искусств в Одесской области.

Одной из проблем, возникших на пути реализации программы, стала так называемая «формульная методика». В соответствии с Бюджетным Кодексом Украины финансовый норматив на одного жителя Украины, утвержденный в соответствии с формульной методикой формирования бюджета, не учитывал фактическое количество учреждений культуры в регионе и не соответствовал минимальным потребностям на содержание отрасли. В то же время, сеть театрально-зрелищных учреждений Одесской области занимает второе место после Киева, регион является наиболее многонациональным среди областей Украины, практически все здания объектов культуры являются памятниками архитектуры, что требовало дополнительных средств на их содержание. В связи с этим председатель Одесской облгосадминистрации Сергей Гриневецкий неоднократно обращался в Министерство финансов с предложением пересмотреть формульную методику, а вопросы фи-

нансової підтримки культурної галузі вирішувалися шляхом об'єднання можливостей обласного бюджету і альтернативних джерел фінансування.

Так, за 2003-2004 рік в межах програми «Регіональна ініціатива» були прийняті наступні заходи:

– встановлено 50-відсоткова надбавка до основного тарифного окладу артистів і художественно-керівного складу театрів і обласної філармонії, на що з обласного бюджету було виділено додатково майже 3 млн. грн. (як сказати, ця надбавка була скасована після так званої «оранжевої революції»);

– придбані комп'ютери і факси для всіх центральних районних і міських бібліотек області;

– придбані автомобілі «Газель» для 33-х відділів культури райдержадміністрації і горисполкомів [1. 28].

Були також введені дві щорічні стипендії ім. М.Огреніча для молодих виконавців, були взяті під опіку ветерани галузі і члени творчих союзів, в 2003-2005 роках отримували 15 щорічних стипендій облдержадміністрації [1. 28].

Одним з основних напрямків реалізації програми «Регіональна ініціатива» стало збереження культурної спадщини Одеської області, зокрема, її історико-архитектурної спадщини. Варто зазначити, що на державному рахунок знаходиться більше 5 тисяч пам'яток культури і архітектури, і знову ж, за кількістю об'єктів культурної спадщини Одеська область знаходиться на другому місці після Києва.

За час реалізації програми «Регіональна ініціатива» були завершені ремонтно-реставраційні роботи будівлі Одеського російського драматичного театру. В театрі музикальної комедії ім.М.Водяного встановлено автономний опалювальний комплекс, відремонтовано глядацький зал і адміністративно-господарський комплекс, відреставрована прилеглою до театру територія.

Однак найбільшим успіхом в реалізації програми

стало начало реконструкции Одесского академического театра оперы и балета, здание которого по праву считается одним из символов Одессы. Благодаря соглашению, подписанному председателем Одесской обгосадминистрации Сергеем Гриневецким и министром транспорта и связи Украины Георгием Кирпой, были выделены необходимые средства для начала реконструкционных работ.

Стоит отметить, что реализация программы «Региональная инициатива» содействовала сохранению централизованного комплектования библиотек. На данные цели в 2002-2004 гг. выделялось 900 тыс. грн, что позволило значительно пополнить и усовершенствовать фонды массовых библиотек, особенно сельских. За счет средств областного бюджета осуществлялась подписка на комплекс основных периодических изданий для всех районных и сельских городских библиотек, на что целевым назначением выделялись из областного бюджета средства в размере 750 тыс. грн [1. 30].

Значительное внимание уделялось внедрению в работу библиотек новейших технологий. Так, на реализацию «Программы информатизации библиотек Одесской области на 2000-2005 гг». в 2003 году из областного бюджета было выделено 190,3 тыс. грн, за счет которых была приобретена компьютерная техника для всех централизованных библиотечных систем области, создан центр региональной информации и региональный информационный портал на базе областной универсальной научной библиотеки им. М.Грушевского.

С целью создания благоприятных условий для расширения доступности обучения в школах эстетического воспитания и учебных заведениях искусств были освобождены от оплаты и обучения дети-сироты, дети-инвалиды, дети из малообеспеченных или неполных семей. Более 100 талантливых детей обучалось в начальных учебных культурных заведениях за счет районных и местных бюджетов. Перечисленные меры привели к тому, что на протяжении четырех лет контингент учеников школ эстетического воспитания оставался стабильным.

На выполнение Программы была введена практика установления 10 ежемесячных стипендий одаренным детям.

Межрегиональные связи

2002-2004 годы стали периодом настоящего прорыва в развитии межрегиональных связей Одесской области и расширении ее участия в международных организациях.

Одесская область первой из областей Украины стала членом Ассамблеи Европейских регионов (АЕР), организации, которую по праву называют голосом регионов Европы. В нее входит около 300 регионов Европы. Если первоначально работа в рамках АЕР сводилась преимущественно к ознакомлению с европейским опытом региональной политики, дискуссий, знакомства европейских партнеров с потенциалом региона, то с 2004 года эта работа обрела новое качество. В июне 2004 года под эгидой и при участии Ассамблеи Европейских регионов в Одессе прошел 1-й международный форум инноваций и инвестиций [2. 9].

В 2003 году Одесская область стала членом Ассоциации приграничных регионов Европы (АЕПР). Можно назвать несколько основных направлений, по которым работает Ассоциация. Это, в частности, представление общих интересов регионов перед национальными и международными парламентами и другими организациями, инициирование, поддержка и координация общих мероприятий при участии регионов по всей Европе, обмен информацией и опытом для определения общих интересов в сфере реализации трансграничных возможностей и решения трансграничных проблем, а также с целью сотрудничества и определения путей, выходя из проблемных ситуаций.

И наконец, в 2004 году регион стал членом сразу двух международных организаций — Конференции Приморских регионов Европы и Ассамблея винодельческих регионов Европы.

Участие в работе вышеперечисленных международных организаций способствовало повышению авторитета Одесской области и Украины в целом, привлечению в регион иностран-

ных инвесторов.

В международной активности Одесской области существенное место отводилось и межрегиональным связям. На протяжении 1998 – 2004 гг. Одесская область заключила соглашения о сотрудничестве с регионами Румынии, Болгарии, Польши, России, Турции, Туркменистана, Китая. Безусловно, что развитие отношений с различными регионами стран складывалось по-разному. Наиболее продуктивным являлось сотрудничество с воеводствами Польши, которая является членом ЕС, а именно с Поморским, Подкарпатским, Лодзинским и Люблинским воеводствами.

Сотрудничество с Поморским воеводством началось в 2002 году в рамках проекта PAUCI (польско-американско-украинская инициатива) «Одеса-Гданськ: межрегиональное сотрудничество». Результатом сотрудничества стало подписание 14 марта 2003 года во время визита делегации Одесской области в г.Гданськ соглашений между законодательными и исполнительными органами регионов и создание совместной рабочей группы. Характерно, что в рамках подписанных соглашений впервые начало развиваться сотрудничество между территориальными общинами на районном и городском уровнях, в частности, между городами Белгород-Днестровский и Староград Гданьский, Овидиопольским районом и Тчевским уездом.

Сотрудничество с регионами носило разнообразный характер, начиная от взаимных визитов с целью ознакомления с потенциалом регионов, культурным сотрудничеством и заканчивая участием в международных выставках (в качестве примера можно привести презентацию Одесской области на ярмарке Св.Доминика в г.Гданське в 2004 году).

Наряду с участием в международных организациях и непосредственным сотрудничеством с регионами зарубежных стран Одесская область как приграничная активно развивала сотрудничество с соседними регионами Молдовы и Румынии в рамках Еврорегиона «Нижний Дунай». Еврорегион «Нижний Дунай» был создан в августе 1998 года. Кроме Одесской обла-

сти, в него вошли румынские уезды Галац, Брэила и Тулча и три молдавских уезда (число молдавских участников Еврорегиона изменялось в результате проведения административно-территориальной реформы).

Создание Еврорегиона было крайне важно для Одесской области с учетом специфики Приднуавья. Во-первых, входящие в него регионы объединяют совместные проблемы – социальные, экономические и экологические. Во-вторых, Приднуавье – это многонациональный край. Почти 5% населения Одесской области составляют молдаване, которые проживают как раз в приграничной зоне. В Молдове и Румынии также проживает украинская община.

Очевидно, что именно поэтому наиболее эффективные мероприятия в рамках Еврорегиона проходили именно в гуманитарной сфере. В частности, особую популярность приобрели интерэтнические форумы, которые проходили в каждой из стран, регионы которых входят в Еврорегион, совместные выставки в сфере культуры и искусств, фестивали, концерты, обмен творческими коллективами. Определенный прогресс был достигнут и в сотрудничестве в сфере охраны окружающей среды.

В период, когда Одесская область председательствовала в Еврорегионе «Нижний Дунай» (2002-2004 гг.), он был отмечен наградой Ассоциации приграничных регионов Европы «Парус Папенбурга» как наиболее динамично развивающийся еврорегион.

В 2004 году состоялась презентация Одесской области в столице Бельгии Брюсселе в мае 2004 года и имела несомненный успех. На основании этого опыта в сентябре того же года была проведена более широкая презентация в столице Франции – Париже. Тогда же была начата работа по заключению соглашения о сотрудничестве с французской провинцией Аквитань [2. 10]. В ходе визита были запланированы встречи С. Гриневецкого с председателем общества дружбы «Франция – Украина» Сената Франции Патрисом Желаром, вице-президентом парижской торгово-промышленной палаты по вопро-

сам международного сотрудничества Филипом Венере, заместителем председателя регионального совета Иль-де-Франс по вопросам международного и европейского сотрудничества Жанин Аддад, президентом Французской ассоциации международного развития предприятий (UBIFRANCE) Жан-Пьером Тротиньоном, генеральным директором Национального офиса зерновых — директором Ассоциации развития и международных связей в пищевой и сельскохозяйственной отраслях (ADEPTA) Даниелем Переном.

22 сентября в рамках презентации прошел украинско-французский бизнес-форум при участии представителей деловых кругов Франции. Форум организован при поддержке Ассоциации французских промышленников MEDEF International. В работе форума и на двусторонних встречах с украинскими представителями приняли участие свыше 30 французских предприятий, заинтересованных в сотрудничестве с Одесским регионом.

Заседания «круглых столов» прошли по следующим направлениям: «Агропромышленный комплекс», «Транспорт и логистика», «Промышленность и высокие технологии», «Банки», «Наука и образование».

Также впервые в одном из магазинов Франции «Lavinia», который специализируется на продаже наилучших вин мира, состоялась презентация вин, произведенных в Одесском регионе.

В последний день презентации в посольстве отмечался День Украины и состоялся прием по случаю 13-й годовщины независимости Украины [3].

Отдельным направлением в межрегиональном сотрудничестве Одесской области стояло развитие отношений с регионами России. В мае 2003 года именно в Одессе состоялась встреча руководителей украинских и российских регионов, итогом которой стало соглашение о создании Постоянно Действующего Совещания глав регионов Украины и России «Содружество регионов». Сопредседателями этого Совещания стали руководители Одесской и Орловской областей Сергей Гриневецкий и Егор Строев. За 2003-2004 годы к соглашению при-

соединились руководители более 40 российских регионов, начали прорабатываться проекты в области информационного и научно-технического сотрудничества. Именно Одесса стала местом проведения двух украинско-российских деловых форумов в 2003 и 2004 годах.

Литература:

1. Виконання програми «Реіональна ініціатива». Звіт // Особистий архів С. Р. Гриневецького – Спр. 20.
2. Одесика. Південний Захід – № 1 – 2006.
3. Порто-франко. – Одесса, – 2004 – 1 февраля.

ЛИЦА ЗЕМЛЯКОВ

*Олена Бачинська,
доктор історичних наук,
професор історичного факультету
ОНУ ім. І. І. Мечнікова*

**ОДЕСЬКИЙ ПЕРІОД
ФЕДОРА АНДРІЙОВИЧА ЩЕРБИНИ**
(за матеріалами Державного архіву Одеської області)

Федір Андрійович Щербина – видатний історик, статистик, економіст, соціолог, громадський діяч. Про нього, його громадську діяльність та наукову творчість написано безліч статей та дисертаційних робіт, як в Україні, так і в Росії. Ранній період його творчості менше висвітлений в історіографії. Ми пропонуємо до уваги читачеві декілька листів Ф. Щербини та його близьких, що зберігаються в Державному архіві Одеської області. Частина з них пов'язана з виданням першої роботи Ф.

Щербини «Очерки южнорусских артелей и общинно-артельных форм», матеріал для якої він збирав в Одесі. Ці листи дають можливість також з'ясувати й інші питання життя та діяльності відомого вченого, як в Одесі, так під час перебування у Вологодській губернії під наглядом поліції.

Народився 13 (25) лютого 1849 р. в станиці Новодерев'янківській Кубанського козацького війська у сім'ї священика. У 1866 р. закінчив Черноморське (Військове) духовне училище (Катеринодар), потім Кавказьку (Ставропольську) духовну семінарію. Разом з товаришами створив у ст. Бриньківській одну із перших у Російській імперії землеробську артіль (1869-

1871). У 1872 р. вступив до Петровсько-Розумовської сільсько-господарської і лісової академії (Москва). В Одесу Ф. Щербина відправився після того, як через участь у протесті молоді проти порядків у Петровсько-Розумовській академії, він мав залишити цей навчальний заклад.

Одеський період Ф. Щербини насичений різноплановими подіями. В Одесі він вступив до Новоросійського університету, де навчався два курси на природничому відділенні фізико-математичного факультету з вересня 1874 р. до вересня 1877 р. В цей час на факультеті читали лекції видатні вчені – І. І. Мечников, А. О. Ковалевський, О. А. Веріго та інші. Під час навчання був стипендіатом Кубанського козацького війська. Навчаючись в Одесі – Федір очолював український гурток «кубанців» і підтримував зв'язки з керівниками Одеської «Громади» [1]. Листування Ф. Щербини із заслання засвідчує книгообмін з лідером «Громади» Л. Смоленським, серед таких книг «История Запорожской Сечи», «Статистика Новороссийского края» (ймовірно, А. Скальковського), «Брошура о запорожцах князя Мышцецкого» (див. в кінці статті док.-лист №4). Студентом він піддавав критиці існуючі порядки під прізвисьмом Чуприни або Щербиніна, вів пропаганду серед робітників, а після їх арештів клопотався про допомогу їхнім родинам з громадської каси. Дослідники вважають, що Ф. Щербина входив до одеського гуртка «башенців» лаврістського напрямку, разом зі студентами Новоросійського університету – Г. Попко, І. Волошенко та ін. був пов'язаний з гуртком Є. Заславського або, навіть, створив власний гурток [3]. Ф. Щербина був заарештований у лютому 1876 р. і залучений до розгляду справи про діяльність «Південноросійського союзу робітників». Зокрема «дело было о распространении преступной пропаганды среди рабочих Одессы... выяснялась между прочим крайняя политическая неблагонадежность студента Новороссийского университета» [4.1; 5.16]. Незабаром він був звільнений під заставу в 2000 крб., що він є тесть С. Шаповалов, і запроку одеського міського архітектора [Д....хса]. Обвинувачення

зі Ф. Щербини зняли, але він отримав «адміністративне заслання». Ф. Щербина разом з Г. Попко, І. Волошенко та ін. був заарештований ще раз у вересні 1876 р. за підозрою в участі у вбивстві міщанина Тавлєєва, який викрив діяльність Ф. Щербини та його товаришів поліції. Проте за жодною зі справ Ф. Щербину не засудили, але вислали наказом міністра внутрішніх справ від 23 березня 1877 р. під нагляд поліції у Вологодську губернію [5.3-5], у м. Сольвичегодськ і Кадніков. Сам Ф. Щербина у своїх спогадах в імміграції зауважив, що, перебуваючи в Новоросійському університеті, захоплювався науковими та літературними творами М. Чернишевського, був знайомий з народниками М. Флоренко, А. Желябовим, С. Перовською, але пізніше відійшов від революційного народництва.

З лютого 1880 р. під наглядом поліції перебувала і дружина Ф. Щербини – Ксенія [5.16-18], яка була з ним, і через неї велось його листування з друзями, колегами, близькими (див. док.-лист №1). Згодом самого вченого та його дружину звільнили від нагляду поліції. Ф. Щербині заборонялось жити в «столицях, столичних, Таврійської та Херсонської губерніях містах» (згодом знято), але з правом продовжувати освіту, дружина ж була звільнена без обмежень [5.18-19].

Дружина Федора Андрійовича – це дочка землевласника Ксенія Семенівна Шаповалова з с. Лозоватки Одеського повіту. Вона мала в селі 425 дес. землі [7.12-13]. Як зауважував сам Ф. Щербина, при розмові зі справниками та іншими чиновниками на засланні – це мало дуже важливе значення: «то, что я женат и жена «имеет имение», доставляет мне прочное и почтенное положение в глазах других» ([6.75-89]; див. в кінці статті док.-лист №4). 30 січня 1878 р. в Одеському повіті – с. Барановому – народився син Ф. Щербини – Григорій. «Хрещеними батьками» Григорія стали П-ї гільдії купецький син Олексій Семенович Шаповалов (ймовірно, брат Ксенії) і дружина військового старшини Домнікія Курганська. Саме під час народження сина Федір знов перебував в

Одесі з січня по лютий 1878 р. Зауважимо, що згодом Г. Щербина, слідом за батьком, «міг виявляти достатні успіхи в науках» і також навчався в Новоросійському університеті: з 1898 – вісім семестрів на математичному відділенні фізико-математичного факультету, а з 1914 – на медичному факультеті [7. 23, 24, 28, 33; 8].

Наукову діяльність Ф. Щербина розпочав з досліджень життя робітників Одеси, опублікованих як «Очерки южно-русских артелей и общинно-артельных форм». Книга завершувалась ним на засланні, але виданням її в Одесі опікувався тесть вченого – Семен Пилипович Шаповалов (див. в кінці статті док.-листи №5, №6). Сам автор писав, що «Издание своей книги я хотел бы устроить таким образом, чтобы, конечно, рукописи вышли совершенно чистыми из под цензурского карандаша. Книга, разумеется, сама по себе безвиннейшая, но ведь всякие цензоры бывают, и если цензору вздумается выбросить или существенно попортить главу VIII... тогда, по-моему мнению, и совсем не надо издавать книги в Одессе... Тогда лучше будет издать книгу в Петербурге без всякой цензуры или в другом каком-нибудь городе...» (див. в кінці статті док.-лист №5). Цей лист Ф. Щербини, знайдений поліцією, викликав спочатку заборону друку книги, але пізніше вона вийшла в повному обсязі в Одесі в 1881 р. Ця робота стала класикою у вивченні економічних традицій в Україні.

Згодом Ф. Щербина стає відомим завдяки своїм статистичним роботам та працям з історії Кубанського козацького війська. Він став член-кореспондентом С.-Петербурзької Академії наук, професором Північнокавказького політехнічного інституту (Ростов-на-Дону), Кубанського політехнічного інституту. Переїхавши у 1921 р. до Праги, був обраний професором, деканом факультету права та суспільних наук, а згодом і ректором Українського вільного університету, професором Української господарчої академії, членом Наукового товариства ім. Т. Шевченка. В імміграції вченим написані «Законы эволюции и русский большевизм» (1921) – робота, що при-

свячена проблемам розвитку економіки суспільно-політичного устрою Росії та Кубані, в ній пояснювалась діяльність та мотивація імміграції вченого після 1917 р.; рукопис чотирьох томів спогадів «Пережитое, передуманное и осуществленное» [2.122-129; 9].

У публікації листів збережено особливості мови, стилю та пунктуації оригіналу. Орфографію скориговано згідно з нормами сучасної російської мови. Підкреслення в тексті листів зроблені Ф. Щербинюю. Непрочитані слова позначені трьома крапками у квадратних дужках. Необхідні роз'яснення від автора статті позначені посиланнями (в оригінальному тексті листів відсутні).

Документ №1. Лист Ксенії Щербини до Ани Шаповаловой¹. 2 вересня 1878 р. Сольвичегодськ Вологодської губернії. Оригінал.

Милая мамочка!

Стараюсь сдержать свое слово, т.е. пишу вам каждую неделю. Не знаю, исправно ли вы получаете письма? Если до сих пор получали исправно, то на будущее время, т. е. осенью, вероятно будет не то. Не беспокойтесь, если долго не будете получать писем, т.к. вскоре у нас дороги попортятся. Уже с 1го сентября начались дожди, которые вероятно и будут литься целую осень.

Получили ли вы адрес по кот. выслать посылку, а также [бурки]. Напишите, как вам удастся отослать посылку, как вы это устраивали и пр.

Нам теперь жить веселее, т.к. к нам в Сольвичегодск прислали товарища. Это Франжоли² из Херсона. Скоро по всей вероятности нашлют сюда еще из ваших мест.

Пишите, как поживаете и что поделяете? Скоро ли вы напишете письмо уже сами? Мой совет вам писать побольше и читать, у вас ведь теперь больше свободного времени, чем в деревне. Да, получше поправляйтесь. Кланяйтесь дома всем. Что Елена вышла уже замуж? Если да, то поздравляйте ее от

меня. Где она живет? В Барановке? Кончаю письмо, т.к. наш знакомый идет на почту и занесет это письмо.

Кланяется вам Федор.

Целую вас

Вас любящая дочь Саша³.

Прошлую почту я писала Папаше, вам и Саше. Получили? Перебрались вы на квартиру? Пусть Саша напишет адрес.

Документ №2. Лист Федора Щербини до Ани Шаповаловой. 27 жовтня 1878 р. м. Сольвичегодськ Вологодської губернії. Оригінал.

Милая маменька!

Прошение это⁴ пусть перепишет Алексей Семенович⁵, а если его нет, то найдите такого человека, который бы переписал хорошо, грамотно, без ошибок. К прошению – надо будет приложить две гербовые марки в 40 коп. каждую – одну наклеить, а другую так вложить. Переписать можно на большой лист почтовой бумаге, только так, чтобы [было так], как у меня. Посылать нужно заказным письмом по такому адресу: В г. Санкт-Петербург, Его Высокопревосходительству г. Шефу Жандармов и Начальнику III^{го} отделения. Сделайте все это скорее, потому что чем скорее вы пошлете прошение, тем лучше будет.

Живем мы по прежнему. Посылку до сих пор еще, то есть, до 28 октября, не получали да я и сомневаюсь, чтобы мы скоро получили. Хозяйничать стали на пропалую. В то время, когда я пишу, Саша подметает самым усердным образом комнаты и что-то там делает на кухне. Сейчас несем это письмо на почту и Саша намерена затащить меня в лавку и купить фланели мне на близу на свои собственные деньги, которые она вчера получила за уроки музыки в количестве 10 рублей. Этим она хочет увековечить свой первый заработок. Разумеется, я этим очень горжусь.

Любящий Вас сын Ф.Щербина

27 октября

На наше счастье очень у нас прекрасная погода — сухая теплая; нет ни дождя, ни снега, ни морозов, ни льду...

Документ № 3. Клопотання г. Шефу жандармів від Ани Шаповалової про переведення Федора Щербини до Одеського повіту. Листопад 1878 р. Чернетка.

Его высокопревосходительству Г.шефе Жандармов

Жены землевладельца Анны Шаповаловой

Прошение

Около двух лет тому назад зять мой бывший студент Императорского Новороссийского Университета Федор Щербина был выслан административным порядком в г. Сольвычегодск Вологодской губернии, где и находится до настоящего времени. Обстоятельство это отражается крайне плачевным образом как на моем, так и на его, зятя, семействе, породив излишние расходы, необходимость держать здесь, на юге, ребенка моего зятя по причине его болезненной организации, не позволяющей ему жить при отце и матери на севере и положительную, при моем постоянном болезненном состоянии, невозможность пользоваться попечением моей единственной взрослой дочери, принужденной постоянно жить при своем муже, человеке также очень больном, а главное внося в наши общие семейные отношения тот нравственный раздор, который тяжелым гнетом ежедневно ложиться на душу при такой разорванной и неопределенной моей собственной жизни и жизни моих детей.

В виду всего этого я покорнейше прошу Ваше Высокопревосходительство войти в мое несчастное семейное положение и способствовать переводу моего зятя в мое имение — Лозоватку, находящееся в Одесском уезде, тем более, что тут же находится часть земли моей дочери. 1878 года, ноября 9 дня.

Землевладелица Анна Шаповалова

Постоянное местожительство имею

в своем имении Лозоватке Одесского уезда Херсонской

губернии.

Документ №4. Лист Федора Щербини до Олексія Шаповалова. 31 травня 1879 р. м. Сольвичегодськ Вологодської губернії. Оригінал.

Пишу Вам, Алексей Семенович, заказным и посылаю на Ваше имя посылку потому, что может быть Папаша не будет в это время в Одессе, а книги же очень настоятельно требует Смоленский. Значит, не сердитесь, если отвлеку Вас от хозяйства.

В посылке Вы найдете три части «Истории Запорожской Сечи», два тома «Статистики Новороссийского края» и брошюру о запорожцах князя Мышецкого. Все эти книги передайте, как можно скорее, Смоленскому. Затем рукописи мои передайте Папаше.

Издание своей книги я хотел бы ускорить таким образом, что бы, конечно, рукописи вышли совершенно чистыми из под цензорского карандаша. Книга, разумеется, сама по себе безвиннейшая, но ведь всякие цензоры бывают, и если цензору вздумается выбросить или существенно попортить главу VIII в первом очерке «Южнорусские артели и общинно-артельные формы», тогда, по-моему мнению, и совсем не надо издавать книги в Одессе. Одним словом, я предаю существенную значение этой главе, так что остальные очерки служат только уяснением ее и, значит, поступиться ею никак нельзя. Тогда лучше будет издать книгу в Петербурге без всякой цензуры или в другом каком-нибудь городе с более подходящим цензором. Книгу, по-моему, можно выпустить в количестве тысячи экземпляров. Цену назначить по возможности дешевле в 1 р. или максимум в 1 р. 50 к. за экземпляр. Впрочем, пусть Папаша сделает то, как сам знает ему будет это виднее. Не забудьте только передать ему относительно важного значения VIII гл. в первом очерке для меня, а то лучше сохраните и передайте это письмо.

Прилагаемое письмо пошлите Саше, да не забудьте поскорее передать адрес того места, где будет лечиться Мамень-

ка. Посылка с вещами уже прислана. Я сейчас узнал, что она на почте, и поэтому, иду получать ее.

Кланяйтесь там всем.

Пишите, если не поленитесь

31 мая Ваш Ф. Щербина

Документ №5. Лист Федора Щербини до Семена Шاپовалова. 24 червня 1879 р. м. Кадніков Вологодської губернії. Оригінал.

Пишу Вам настоящее письмо уже из нового своего местожительства, то есть из Кадникова. Проездом прожил четыре дня в Вологде и был у губернатора⁶. Он принял меня весьма любезно и обещал перевести в самую Вологду. Завел речь между прочим о переводе на юг. Я сказал, что хлопотали о переводе собственно Вы и что переводиться при настоящих условиях в Одесский уезд вряд ли резонно, с чем, кажется согласен и он. Это общее, впрочем, мнение. У нас жить здесь гораздо спокойнее, чем у Вас, людям отмеченным.

Я просил также губернатора доставить мне возможность для собиранія сведений по общинному землевладению и вообще обычному праву. Он обещал мне написать об этом здешнему предводителю дворянства⁷, с которым на днях я намерен познакомиться. Редактору “Вологодских Ведомостей” губернатор поручил переговорить со мною относительно участия моего в “Ведомостях”, которые предполагается поставить на более широкую ногу. Я принял, конечно, предложение редактора с удовольствием и уже засел за статью специально для “Вологодских Ведомостей”.

Вообще положение мое значительно улучшилось и я располагаю на одно из двух: или на окончательное освобождение, или же на перевод на юг, но только не в Одессу. Хорошо было бы, если бы у Вас нашлась неделька две свободных — и Вы приехали сюда, чтобы побывать у Губернатора и переговорить непосредственно со мною относительно всех этих вещей.

Еще в Сольвычегодске Губернатор, осведомляясь о моих

научных работах, узнал, что я издаю книгу. Поспешите ее издать скорее.

Если Саша приехала из-за границы, — отошлите поскорее ее ко мне. Меня сильно беспокоит, что я ничего не получаю от нее уже две слишком недели. Напишите или заставьте ее написать о себе. Губернатор разрешил мне, в случае ее приезда, встретить ее в Вологде, куда я и отправляюсь.

Пишите, как идут дела в имении?

Как отразилась заграничная поездка на Маменьке?

Как поживает наш Гриша и здоров ли он?

Кадников мне понравился, хотя жить здесь и дороже, чем в Сольвычегодске. Ссылных много. Стеснений меньше, чем в других городах. Осведомляясь о том, люблю ли я прогулки вне города, местный исправник просил дать ему честное слово относительно того, чтобы я не убежал. Я, конечно, только улыбнулся и заметил, что мне нечего бежать «от земли в 1800 десятин, принадлежащих моей жене и находящихся в близи Одессы». Исправник видно остался доволен таким ответом да и вообще то, что я женат и жена «имение имеет», доставляет мне прочное и почтенное положение в глазах других.

Пишите мне в Кадников Вол.губ.

Кланяйтесь там всем.

24 июля 1879 г. Ваш Ф.Щербина

г.Кадников.

Документ №6. Лист Федора Щербини до Семена Шаповалова. 01 грудня 1879 р. м. Кадніков Вологодської губернії. Оригінал.

Вчера мы получили посылку. Она доставлена нам в полной исправности. Получил также посланные Вами три листа прокорректированной уже книги. Бумага хороша, оттиск тоже очень порядочный, буквы вышли ясно, опечаток всего нашел четыре, и хотя ни одна из них не принадлежит к таким которых не мог бы исправить сам читатель, значит, не особенно грубые, но две опечатки, кажется оказываются те же самые, которые я описывал уже в корректурном листе. По-крайней

мере мне хорошо помнится, что в корректурном листе на странице 8 в 8 строке снизу я подправил уже раз слово: нароодни и, не смотря на это, оно снова явилось неисправленным, т.е., нароодни вместо народной. Впрочем все это пустяки, главное, чтобы Ульрих⁸ поспешил выслать скорее листы. Я получаю в неделю по одному листу. До сих пор прокорректировал только всего шесть листов, а сего дня первое декабря. Правду ли говорит Ульрих, что у него мало шрифту? Сколько мне помнится одним и тем же шрифтом можно печатать не более 2-3 тысяч экземпляров или вообще раз, а далее, при наборе его в другой раз, он выходит уже неясным. Если книга не будет окончена к половине декабря или в крайнем случае к концу этого месяца, то ее разоидется значительно меньше, чем сколько бы разошлось ее, будь она готова к 1 декабря или даже к означенному времени. Дело в том, что весьма важно было бы появление рецензий и объявлений в такие месяцы, как [...], что и есть время собственно самой оживленной распродажи книг. Я до сих пор не списывался также с Сувориним⁹ относительно продажи книги. Он берется продавать из 30% и при этом помещает объявления на свой счет. Книги он может продавать в Москве и Петербурге. Значит, в Харькове и Киеве нужно будет еще списаться с какими-нибудь книгопродавцами. Я положительно не знаю, кто там больше в моде и на кого можно положиться. Впрочем, и относительно этого я спишусь также с Сувориним. Может быть, он укажет или возьмется сам устроить.

Напишите, возможно скорее, какую цену нужно будет выставить за книгу. По моему, можно назначить не более 2 рублей, а впрочем, как знаете сами, так и делайте в этом отношении, Вам виднее там по расходам. Только надо будет избегать мелочи в роде 10 или 15 коп., потому что это неудобно при пересылке. Я потому главным образом и не писал до сих пор Суворину, что не знаю, какую назначить цену. Суворинские условия я вышлю Вам.

У нас сменили губернатора¹⁰. Ждем другого, но кто он —

еще не известно.

Кланяйтесь всем домашним.

1879 г. Декабрь 1^е. Ваш Ф. Щербина

Кадников

ДАОО, ф.5., оп.1, спр.122а, арк.75-97.

1. Ана Шаповалова – мати Ксенії Семенівни – дружини Ф. Щербини.

2. Франжоли – мова йде про А. А. Франжолі, революціонера-народника, засудженого і виправданого за “справою 193-х”, висланого у Сольвичегодськ Вологодської губернії.

3. Саша – ймовірно, так близькі родичі називали дружину Ф. Щербини Ксенію.

4. Мова йде про клопотання Ани Шаповалової про переведення Ф. Щербини до Одеського повіту. Чернетку цього клопотання вона надсилає йому на виправлення. Один з варіантів чернетки поданий в документі № 3 даної статті.

5. Алексей Семенович Шаповалов – брат Ксенії Семенівни – дружини Ф. Щербини.

6. Губернатором Вологодської губернії з 30.07.1878 р. по 30.11.1879 р. був дійсний статський радник М. П. Дараган.

7. Предводителем дворянства Вологодської губернії з 30.10.1878 по 31.01.1892 був відставний поручик Волоцький Дмитро Володимирович.

8. Ульрих – видавець, мав друкарню в Одесі «Типографія Ульриха и Шульца».

9. Суворін О. С. – журналіст, публіцист, видавець і редактор однієї з найпопулярніших в кін. XIX – поч. XX ст. газети «Новое время».

10. З 10 лютого 1880 р. виконуючим обов'язки губернатора Вологодської губернії став генерал-майор Л. І. Черкасов.

Література:

1. Болдирев О. Одеська громада: істор. нарис про українське національне відродження в Одесі у 70-ті рр. XIX – почат. XX ст. – Одеса, 1994.

2. Галутво Л. М. Общественная и профессиональная деятельность Ф. А. Щербины в эмиграции (1920–1936 гг.) //Культурная миссия Российского Зарубежья. История и современность. – М., 1999. – С.122–129.

3. Галутво Л. М. Ф. А. Щербина об артелях в пореформенной России// Кубанский сборник.– №1(22). -2006.

4. Державний архів Одеської області (далі – ДАОО), -Ф. 2, Оп.2, Спр. 1557 за 1877 р.

5. ДАОО. – Ф. 2, Оп. 2, Спр. 1543 за 1877 р.

6. ДАОО. – Ф. 5, Оп. 1, Спр. 122а, Арк. 75-97.

7. ДАОО. – Ф. 45, Оп. 18, Спр. 3773.

8. ДАОО. – Ф. 45, -Оп. 4, Спр. 4082, 4104.

9. Пукіш В. Чеські спогади «кубанського діда» Щербина Федор Андреевич. Собрание сочинений. Серия I. Неизданные сочинения: в 6 т. –Т. 1. Пережитое, передуманное и осуществленное: в 4 т. – Т. 1., Каневская; Краснодар; Москва, 2008// Український журнал – 2009. – №1.

Александр Музыка,

кандидат исторических наук,

доцент кафедры истории Украины исторического факультета ОНУ им. И. И. Мечникова

***ОДЕССКИЙ ПЕРИОД КАРЬЕРЫ ПРОФЕССОРА
ИВАНА ИВАНОВИЧА ИВАНОВА: КОНСЕРВАТОР
ПРОТИВ РЕВОЛЮЦИОННОГО ХАОСА***

В историю Новороссийского университета вписан ряд знаковых личностей, которые благодаря долгому и успешному преподаванию в этом заведении, внесли большой вклад в развитие науки и образования Одессы (например, И. Мечников, В. Григорович, Ф. Успенский, И. Линниченко). Наряду с ними в университете преподавали люди, которые лишь «промелькнули» в Одессе, однако являлись известными и уважаемыми учеными и педагогами, оставили хотя

и неглубокий, но все же след, в истории Одессы (например, Б. Богишич, О. Грушевский, П. Иванов). Стремясь всесторонне реконструировать историю главного центра высшего образования Южной Украины, нельзя игнорировать и такие «второплановые» фигуры, а именно это характерно для общих работ по истории Одесского университета.

Целью статьи является реконструкция недолгого одесского периода деятельности профессора Ивана Ивановича Иванова (1862 – 1929), главным образом связанной с преподаванием на кафедре всеобщей истории Новороссийского университета. И. Иванов известен прежде всего как представитель московской научной школы, 1913-1917 гг. профессор Московского университета, историк культуры и литературы,

а в украинском контексте — как директор в 1907 — 1913 гг. Нежинского историко-филологического института (на этом основании местные историки включают профессора в рамки «Нежинской школы историков», хотя мы считаем, что эту школу адекватнее определять понятием «центр» (укр. — «осередок») [1]. Несмотря на упоминания в литературе об одесском эпизоде биографии профессора, более конкретной информации авторы не предоставляют. Раскрыть обстоятельства деятельности И. Иванова в Новороссийском университете, недолгую, но довольно яркую и поучительную, позволяют прежде всего уникальные архивные мемуарные документы, опубликованные в этой статье. Крайнюю субъективность этих источников компенсирует их своеобразная диалогичность, что обеспечивает нам более объективное восприятие событий начала XX века. Свою автобиографию И. Иванов написал в январе 1914 г. по горячим следам своего «одесского опыта» для своего недавнего одесского коллеги, а в то время по-прежнему одесского профессора А. Доброклонского, который собирался их использовать, а возможно и опубликовать, в истории университета, подготовленной к 50-летию вуза. Одесский период является центральной частью воспоминаний, хотя вначале автор осветил годы становления своей личности, упомянул о большом влиянии религии, о «любезном» профессоре-учителе в Московском университете Н. Стороженко. Обрываются воспоминания на момент переезда автора в Нежин. Один из студентов И. Иванова, преподаватель, известный литературовед-пушкинист Лев Коган написал свои воспоминания о 1906 учебном году в 1950-х гг. Воспоминания охватывают весь период обучения Л. Когана в Новороссийском университете, подробно характеризуют преподавательский состав [2]. Собственно достаточно подробное описание очень краткого периода преподавания И. Иванова свидетельствует о яркости этого эпизода, резонансности в студенческой среде, о чем и повествует мемуарист. Оба мемуарных текста мало известны исследователям, даже биографам И. Иванова.

Избрание И. Иванова ординарным профессором кафедры общей истории историко-филологического факультета в мае 1905 г. было обусловлено укреплением в одесском заведении позиций московской школы историков и филологов. Этому способствовало и издание в 1898 г. Министерством народного просвещения, обеспокоенного «нерусскостью» преподавательского состава университета «нерусского» города, тайного циркуляра об обеспечении притока русской профессуры. Так в университете появились Е. Щепкин, П. Ардашев, В. Истрин, А. Доброклонский и едва не появился Н. Рожков, но это дело закончилось скандалом, вызванным противодействием И. Линниченко. Определенным реваншем в этой ситуации оказалось приглашение И. Иванова при содействии Е. Щепкина. К тому времени И. Иванов уже зарекомендовал себя как приват-доцент Московского университета (читал лекции по истории культуры XVIII и XIX вв.), театральный критик, автор многих статей в энциклопедиях и журналах (интересы ученого были такими широкими, что незадолго до приезда в Одессу он опубликовал популярные брошюры о древних восточных народах и религиях), а главное — монографий, защищенных соответственно как магистерская и докторская диссертации: «Политическая роль французского театра в связи с философией XVIII века (Москва, 1895)» и «Сен-Симон и Сен-Симонизм» (1901). За магистерскую диссертацию в 1897 г. Академия наук удостоила И. Иванова почетного отзыва премии митрополита Макария.

Именно эти диссертации проанализировал Е. Щепкин в своем отзыве об ученой деятельности своего коллеги, протезируя его избрание на одесскую кафедру. Впрочем, отзывы Е. Щепкина далеко не хвалебны, а строго аналитические. Он отметил, что под влиянием увлечения своей темой Иванов несомненно преувеличивает и слишком односторонне выдвигает значение театра в деле пропаганды идеалов философии XVIII века». По его мнению, сам театр подвергнулся влияниям общества. Книга, по его мнению, носила следы несколько спеш-

ной работы. Однако, «если историко-литературный анализ работы не безупречен, то все-таки она имеет научное значение своей историко-литературной стороной. Благодаря обширной начитанности в подлинниках автор внимательно и подробно проследил, как отразились идеалы философов в драматических произведениях эпох. Поскольку театр и театральная литература входят в общую культуру народа, то труд Иванова может быть отнесен к области культурной истории в духе Буркхардта». Характеризуя докторскую диссертацию, Е. Щепкин отметил, что эта работа также относится к истории идей, т.е. истории культуры, «но автор изучает исключительно по приемам историко-литературным, то есть стремится установить последовательность, в которой возникали отдельные звенья в цепи идей известной системы, прослеживает обмен идеями и взаимные влияния при общении нескольких мыслителей. Но Иванов впадает в некоторую крайность, желая представить деятельность Сен-Симона. В систематизированном виде исторические цели отодвинуты на задний план и страдают пробелами». Также Е. Щепкин считал, что социально-экономические статьи французского мыслителя следовало рассмотреть в связи с сильным развитием индустрии во Франции в первые два десятилетия XIX века [3].

Эти замечания не воспрепятствовали успешному избранию И. Иванова, хотя он приступил к исполнению своих обязанностей только в 1906 г. Преподавал он в университете студентам-историкам только один, осенний, семестр курс новой истории 4 лекции в неделю и 2 часа практических занятий. Объявленные в 1907 – 1908 гг. курсы средней и новой всеобщей истории с практическими занятиями и занятия по истории английской конституции 2 часа в неделю для студентов старших семестров так и не состоялись [4]. Также историк преподавал на только что основанных Одесских высших женских курсах. Кроме того, он успел побыть в роли научного руководителя профессорского стипендиата Ивана Бондаренко, бывшего подопечного уволенного за политическую де-

тельность Е. Щепкина.

14 апреля 1907 г. И. Иванов подготовил отзыв об отчете И. Бондаренко за 1906 г. Профессор отмечал, что И. Бондаренко изучил социальный строй времен конца Римской империи, вопрос о происхождении и сущности колоната, однако, ограничился многими цитатами из сочинений историков, но не первоисточниками, из которых изучил не все. Но в целом отчет был признан удовлетворительным [5. 40-41].

Коллеги избрали И. Иванова членом ведущих одесских научных обществ — Истории и древностей и Историко-Филологического при Новороссийском университете. Осенью 1906 — в январе 1907 г. И. Иванов принял участие в основании «Библиографического кружка при Императорском Новороссийском университете». Вместе с В. Лазурским, М. Попруженко и П. Шестериковым его избрали в подготовительный комитет, которому удалось добиться у Правления ассигнования средств для обустройства отдельной комнаты в здании университета для библиотеки кружка. Однако, в остальном И. Иванов был инертный как член одесских научных обществ. Вероятно, сказалась не только краткосрочность пребывания в городе, но и то, что в это время профессор был занят изданием в Москве популярных книг «Будда и буддизм» (1907) и второго выпуска «Индусы» (1905 — 1907), т.е. темами, далекими от направленности работы этих обществ.

Нормальному течению педагогической и научной деятельности мешала вовлеченность университета в общественно-политическое движение эпохи революции. Так, коллега И. Иванова, профессор кафедры русской истории И. Линниченко сообщал нежинскому историку М. Бережкову в 1905 г.: «Общее настроение слишком нервное для правильной работы» [6. 1]. Консервативные убеждения, ярко выраженные И. Ивановым в автобиографии, включили его в группу консервативных профессоров университета, которые пребывали в перманентном конфликте с левыми и либералами.

Это осложняло и без того напряженные отношения в про-

фессорской среде. Мемуары отражали неоднозначное отношение одесских современников к профессору. Так, его коллега, приват-доцент кафедры истории зарубежной литературы В. Лазурский вспоминал об И. Иванове как о красноречивом, хотя и несколько картавом, самолюбивом до высокомерия человеке [7. 116]. Такое восприятие подтверждает другой одесский ученый, этнограф и литературовед В. Данилов, представитель внеуниверситетской среды. В письме 1909 года к Д. Яворницкому он упоминал об И. Иванове как о «человеке своенравном, анархисте-индивидуалисте в мундире чиновника V класса. Иван в кубе, как называют его в Одессе» [8. 152]. Подобные сложные отношения сложились у И. Иванова с нежинскими коллегами. Профессор эпатировал спартанскими условиями своей жизни, которые усиливались его холостяцтвом [9. 142]. Такой образ в целом совпадает с мемуарами Л. Когана. В автобиографии И. Иванов связывал сложные обстоятельства своей работы в Одессе с общим «духом» города Одессы, «нерусского», некультурного населения. Специальные инвективы были обращены на евреев. Претензии И. Иванова никоим образом не уникальны, о чем свидетельствуют многие мемуары и переписка его коллег (например, декана историко-филологического факультета А. Деревницкого), причем, не только из консервативного лагеря [10]. Отметим, что до недавнего времени, а часто и сегодня по инерции, историки обращают основное внимание на представителей либеральной группы и часто смотрят на сложные события через призму их взглядов. В частности, поэтому консерваторов, боровшихся за справедливый лозунг «университет – для науки», помещают в «непрогрессивное», «ретроградное», а поэтому и неправое поле. Автобиография И. Иванова восполняет этот пробел, давая дополнительную возможность для исследователей воспринимать события с более многогранной, а поэтому и адекватной перспективой. Думается, идеи консерваторов являются очень актуальными в наше время поиска идеала гражданского общества.

Тезисы И. Иванова о мотивах и особенностях его деятельности как члена профессорской корпорации подтверждаются актовыми материалами — протоколами заседаний Совета профессоров Новороссийского университета 1906 года. Из них следует, что И. Иванов ездил в Санкт-Петербург для улучшения положения университета в министерстве. В частности, во время заседания 27 ноября 1906 г. И. Иванов при поддержке А. Доброклонского призвал установить гармонию между профессорами и студентами, для чего устранить распри в среде самих профессоров и студентов путем поднятия морального чувства долга, взаимодоверия, так как политика не может служить таким цементом в связи с ее ненадежностью и изменчивостью. 28 ноября И. Иванов полемизировал с либералом Н. Ланге по поводу предложения И. Иванова опубликовать воззвание к студентам. Н. Ланге возражал, что это только раздражит студентов [11. 8, 11-12]. В целом, позиция и предложения И. Иванова старались примирить противоборствующие стороны, найти компромиссные решения, что наиболее ярко проявилось во время дела о конфликте между деканом медицинского факультета А. Медведевым и его коллегами в феврале-марте 1906 года. И. Иванов предложил Совету выразить поддержку А. Медведеву, но, учитывая патовость ситуации, призвать его подать в отставку. Впрочем это предложение не нашло отклика у ректора и многих профессоров. Л. Коган свидетельствует о большом авторитете И. Иванова на факультете, хотя естественно как студент он не мог быть очевидцем всех профессорских перипетий. Но в целом протоколы действительно создают впечатление о «весе» И. Иванова, во всяком случае среди консерваторов.

В автобиографии И. Иванов высказывал полное удовлетворение своей преподавательской деятельностью, в установлении гармонии со студентами, даже левого направления. Как видим, Л. Коган совсем иначе изображал события, отмечая факт быстрой эволюции статуса профессора от популярного к непопулярному, причем на первый план выставляя не рас-

хождения с политическими взглядами, а сугубо педагогический критерий. Думается все же, что принадлежность Л. Когана именно к левому студенчеству наложила отпечаток на его впечатления от профессора, что не укрылось и в мемуарах. Консервативная часть студенчества могла воспринимать лектора иначе. Но в связи с отсутствием других одесских студенческих воспоминаний об И. Иванове, приходится в целом доверять Л. Когану. Впрочем, студенты-нежинцы изображали И. Иванова в похожей манере [9. 142].

Таким образом, научная деятельность И. Иванова в Одессе является одной из страниц развития востоковедения в Одессе, хотя и не самая яркая, а педагогическая принадлежала деятельности консервативной профессуры, отстаивавшей лучшие традиции развития университета как научного центра. Перекрестное знакомство с воспоминаниями И. Иванова и его студента-слушателя Л. Когана дает возможность «увидеть» быт корпорации Новороссийского университета через призму восприятия представителей двух ее основных субъектов, что далеко не часто встречается в исследовательской практике.

Документы

Автобиография И.И. Иванова

Державний архів Одеської області. — Ф. 157. — Оп. 1. — Д. 98. — Л. 42 — 49.

«В мае того же года [1905 — О.М.] Совет Новороссийского университета единогласно избрал меня профессором всеобщей истории, в октябре последовало назначение, а в сентябре следующего 1906 года я получил ординатуру. Пребывание мое в Одессе совпало со смутным временем в России, особенно русских университетов и едва ли не больше всего Новороссийского. Помимо общей смуты этому университету пришлось пережить по своей мере крайне обостренный, по местным условиям, национальный вопрос. Иностранческий, особенно еврейский воздух, до той поры весьма равнодушный к самому существованию университета, теперь нахлынул бешеными

волнами и захватил людей, по своей русской природе и по своему книжно-ученому простодушию менее всего способных выдержать внешний натиск и не растеряться пред оглушительной шумихой благородных «лозунгов» — свобода, терпимость, равноправие.

Именно крайняя неподготовленность университета к практической борьбе и полнейшая неразборчивость в средствах борьбы со стороны города, точнее улицы и газет, создали поистине трагическое положение одесских профессоров. Раньше, чем они успели разобраться в простейших вопросах «политики» и «тактики», наглая смута начала играть ими, как метательными снарядами, запугивать «общественным судом», пороть и линчевать с тем неприглядным бесстыдством, какое впервые в русском печатном слове проявила еврейская печать. Я больше всех моих новых товарищей по университету был знаком с газетами и журналами, но то, что я встретил на юге — сначала в Одессе, позже в Киеве, — на первых порах ставило меня в тупик: такой мерзости запустения в человеческой совести я не представлял даже отвлеченно после основательного знакомства с самыми «поразительными типами» русской сатиры. Мне нелегко было бы выразить всю тяжесть и горечь чувства, с какими я увидел впервые, как лично благородные люди и превосходные ученые шли в подлый капкан и не замечали собственных увечий, сидя в ловушке и негодуя на тех, кто не хотел делить их участи. Мое положение становилось тем затруднительнее, что передо мной были люди, единогласно, несмотря на свои личные и партийные раздоры, голосовавшие за мое избрание и для меня только, едва на пятом десятке лет, выбившегося в профессора, их речи о свободе и справедливости являлись не только отвлеченной, но и лично премилой правдой.

С самого начала я принял заметное участие в делах Совета. Цели мои определились с первых же заседаний: 1) освободить по возможности от политической накипи академические вопросы университета; 2) все вопросы, возбуждаемые в Совете

те, проводить на принципиальной основе, устраняя личную и партийную окраску их; 3) проводить, как правило, не допускающие ни малейших уклонений, независимость Совета от внешних веяний, — студенческих и городских; 4) оградить администрацию университета от партийных давлений и направленных внушений, хотя бы для этой цели пришлось образовать группу из профессоров, пока еще не поработанных и не запуганных «освободительным движением».

Эти цели не могли, разумеется, рассчитывать на полный успех, но не остались без сочувствия со стороны враждующих партий. Вполне решительно я выступил против так называемого «Центрального органа», — международной и «междуведомственной» освободительной организации, выразившей притязания управлять жизнью Университета. В заседании Совета 10 декабря я произнес пространную речь. Изобразив угнетенное положение университета, готового попасть во власть совершенно посторонних ему сил, менее всего культурных и свободных, я предложил учредить комиссию своего рода «комитет университетского сплочения» для ограждения свободы научных занятий, для выполнения постановлений совета во всей их неприкосновенности, например, какие дали бы студентам возможность находить удовлетворение своим идейным запросам без ущерба правильному ходу университетской жизни. Большинство отклонило учреждение комиссии и обращение к студентам от имени Совета и избрало комиссию для пересмотра инструкции проректору в составе ректора, проректора и трех профессоров, в числе их и меня.

Я рассчитывал путем инструкции обеспечить независимость университетской администрации и Совета от студенческих и иных организаций — и явился в заседание Комиссии с соответствующим написанным проектом. Я остался в меньшинстве комиссии, и самая Комиссия оказалась мертворожденной. В ноябре Совет командировал меня вместе с ректором в Петербург для выяснения положения Университета, немало терпевшего в то время не только от давления слева но

и от жестоких нападков справа. Чисто одесская темпераментная борьба не миновала и противоеврейскую печать, — и Университет оказывался одинаково и красных, и черных волн. И все-таки занятия шли. Я лично получал полное удовлетворение не только от лекций, всегда собиравших полную аудиторию, но и от практических занятий. Я читал со студентами англо-саксонские акты и Великую хартию. Семинарий посещался усердно и рефераты писались добросовестно. На женских курсах пришлось читать два курса — основной и параллельный в виду громадного наплыва слушательниц. Студенческая и женская аудитории перетерпели даже отрицательную оценку марксистских учений, какою я начал свои лекции и часто возвращался к ней. Но радость работы безпрестанно отравлялась сознанием, что порядок этой работы зависит от силы, посторонней университету, по существу более презрительно-равнодушной к нему, как научному учреждению. Многие профессора несли на себе всю тяжесть подневольного положения, подвергались ожесточенной травле в печати. Всякий день можно было ожидать личного опозореванья того или другого «черносотенца», «лозунга» — не посещать его лекций, не подавать ему руки, не служить с ним. Мне безпрестанно приходила мысль, что самое основание Университета на одесской почве было недоразумением. Сменилось немало поколений профессоров и студентов, а кругом не научились уважать университет как просветительное учреждение и беречь его во имя его магистрального назначения. Кругом него, господствующий тип общества и его [слово нерозб. — О.М.], оставался менее всего культурным, даже просто интеллигентным. На каждом шагу вспоминались дикари и варвары, едва со вчерашнего дня переодетые в европейское платье и еще не научившиеся даже внешним приемам европейца, — спокойствию движений, упорядоченности и благородству речи, — кое-какому уважению к чужой личности.

И нравственная дикость среды казалась [слово нерозб. — О.М.], так как в основе ее лежала расовая неприязнь, не

истребимая никакой культурой. Часто хотелось подальше уйти от этого восточного базара, волею русских насмешливых судеб водворившегося на лучшей русской земле, среди красоты и блеска приморского юга. Когда мне стало известно о вакансии в Нежинском институте, я не прочь был перейти на кафедру в этот Институт. Но в том же Институте освобождалось место директора и оно было предложено мне в феврале 1907 года. Я принял предложение, 2 октября последовало назначение...»

Мемуары Л. Р. Когана

Отдел рукописей Российской национальной библиотеки.
— Ф. 1035. — Оп. 1. — Д. 42. — Л. 86. — 88.

«В зловещей тишине начались занятия. Как никогда приглушенно звучали голоса профессоров, скукой и схематизмом веяло от лекций. Исключение составил один Иван Иванович Иванов. Слушать его первую лекцию собралось множество студентов. Ходил слух, что он очень хороший лектор. Слух этот вполне оправдался: у Иванова был прекрасно подвешен язык и орудовал как профессор превосходно. Иванов держал себя на кафедре очень непринужденно и выглядел картинно. На бледном лице невольно привлекала внимание острая борода, сужающейся полоской тянувшаяся почти до мочки ушей. Длинные волосы, зачесанные назад, курчавились на затылке. Живые глаза контрастировали с общей как будто усталой фигурой. Иванов почти не пользовался жестом, он захватывал слушателей превосходной дикцией и богатством интонаций. Поразил он слушателей не только своей лекционной манерой, но и смелым полетом мысли, размахом содержания. Он умудрился в течении двух часов дать обзор взглядов на содержание исторической науки от Геродота до Моммсена. Имена сыпались как из рога изобилия, характеристика каждому давалась в нескольких словах с применением ярких эпитетов и сравнений.

Такая широта содержания, оригинальность формы и изящество изложения произвели на слушателей большое впечат-

ление, и Иванов окончил лекцию под сильные аплодисменты.

Через несколько дней Иванову пришлось читать вторую лекцию в самой большой аудитории, столько набралось народу. Его появление на кафедре встретили аплодисментами — случай редкий в университете. Он и на этот раз взял темой научную проблему развития философии истории и совершил рейс по столетиям, но в обратном направлении: от Эдуарда Майера к Аристотелю. Успех был огромный.

Эрудиция лектора казалась слушателям безграничной.

- Таких лекций мы еще не слышали....
- И умно, и красиво... Кабы все так читали....
- Непременно прослушаю весь курс....

Такие возгласы раздавались в оживленной толпе студентов, расходившихся после лекции.

Жалели лишь о том, что не могли записать лекцию, так как поглощены были слушанием....

После этой второй лекции я, Розенталь и Малинин обменялись впечатлениями.

— Вы что-нибудь записали? — спросил Малинин.

Оказалось, что мы все трое так-таки ничего не записали.

— Почему же? — недоуменно сказал Малинин.

Розенталь ответил очень решительно:

— Потому что записывать нечего было. Вы какой-нибудь вывод из этих вступительных лекций сделали? Точку зрения самого Иванова уловили?

И я и Малинин ответили отрицательно.

— Вот в том то и дело! — усмехнулся Розенталь. — У него и нет своей точки зрения. Он артист, что и говорить! Да только болтун. Вот и все.

Мы оба признали, что Розенталь прав.

Действительно, как только Иванов перешел к изложению конкретных исторических фактов, начиная с французской революции 1789 года, его лекции становились все жиже и жиже по содержанию, и он все более обыгрывался на красноречии. «Мода» на Иванова столь же быстро упала, как воз-

ника. О революциях во Франции Иванов отзывался довольно иронически, хотя и старался придать своим словам внешнюю объективность. У прямодушного буржуазного историка Кареева в его огромном труде все-таки чувствовалась некоторая доза прогрессивности, Иванов же красивыми словами прикрывал реакционную мысль. Мы это уловили очень быстро, и ореол Иванова исчез, мы невзлюбили его. А на факультете он, действительно, приобрел большое влияние. Только два человека мешали его диктатуре: фон Штерн и Линниченко».

Литература:

1. Венгеров С.А. Источники словаря русских писателей и ученых. — Т. 2. — СПб, 1910. — С. 464; Энциклопедический словарь Гранат: В 58 т. — М., 1910-1948. — Т. 21. — С. 394 — 395; Литературная энциклопедия — 1930. — Т. 4; Большая Советская энциклопедия: В 30 т. — 3-е изд. — Т. 10. — С. 12; Гребцова И. С. Иванов И.И. // Профессори Одеського (Новоросійського) університету. Біографічний словник. — Т. 2. — Одеса, 2005. — С. 479-480; Моціяк П.П. Иванов И.И. // Моціяк П. П. Ніжинський історико-філологічний інститут князя Безбородька у портретах його директорів. — Ніжин, 2011. — С. 125-153.
2. Музичко О.Є. Мемуари Лева Когана як джерело для вивчення розвитку Історико-Філологічного факультету Одеського Новоросійського університету // Записки історичного факультету ОНУ ім. І. Мечникова. — Вип. 19. — Одеса, 2008. — С. 381-399.
3. Щепкин Е. Отзыв о диссертациях приват-доцента И.И. Иванова — Одесса, 1905. — 3 с.
4. Обозрение преподавания в Императорском Новороссийском университете на 1906 — 1907 уч. год. — 30 с.; Обозрение преподавания в Императорском Новороссийском университете на 1907 — 08 уч. год. — 31 с.
5. Державний архів Одеської області (ДАОО). — Ф. 45. — Оп. 4. — Спр. 1130.
6. Інститут рукопису Національної бібліотеки України ім. В.І. Вернадського. — Ф. XXIII. — Д. 901.
7. Лазурекій В. Історія моєї життя [рукопись]. — Одеса, 1934. — 248 л.

8. Епістолярна спадщина академіка Д.І. Яворницького. – Вип. 1: Листи вчених до Д.І. Яворницького /Упоряд.: С.В. Абросимова, А.І. Перкова, О.В. Піцик, Н.Г. Чередник. – Дніпропетровськ, 1997. – 886 с.

9. Моцяка П.П. Ніжинський історико-філологічний інститут князя Безбородька у портретах його директорів. – Ніжин, 2011. – 312 с.

10. Музичко О. Є. Між славою та знеславленням: образи Одеси в національних інтелектуальних традиціях XIX – перших десятиліттях XX ст. // Пам'ять століть. – 2011. – № 3-4. – С. 103-113.

11. ДАОО. – Ф. 157. – Оп. 1. – Д. 170.

Юрий Синюгин,
историк

РОДСТВО И СВОЙСТВО «КОЗЬМЫ ПРУТКОВА»

*Ольга Николаевна Волкова —
создатель русского народного ансамбля
«Русская песня» в Одессе.
К 75-летию со дня рождения.*

Выражаю благодарность за помощь в подготовке статьи
В.С. Остапенко, Е.Ю.Морозовой

Несмотря на то, что литературный герой Козьма Прутков живо вошел в нашу жизнь своими афоризмами и сентенциями, тем не менее мы обладаем очень малыми сведениями о его «родителях» и еще меньшими — о реальных потомках этих родителей. В этой статье хочется рассказать читателям об одном из потомков Льва Михайловича Жемчужникова [1].

Мало кто знает, что популяризацией в Украине и за рубежом русской и украинской песни, которые так любил выдающийся русский живописец, занималась его праправнучка Ольга Николаевна Волкова. К сожалению, в Одессе сохранилось мало свидетельств о ее деятельности, поскольку она была человеком скромным, не наделенным тщеславием и по сути — бессребреником. Между тем, в судьбе многих одесситов она сыграла важную роль, навсегда изменив их жизнь и став, своего рода, крестной мамой их нового, творческого начала.

Родилась Ольга Николаевна Волкова в семье потомственных дворян Николая Павловича Волкова и Татьяны Анатольевны, урожденной Карпенко в Пятигорске. Отца своего она помнила плохо. Память сохранила лишь отдельные отрывки из его биографии и образ красивого блондина с карими глазами. Вскоре, после рождения дочери, родители развелись.

Среди предков Ольги Николаевны были генералы, крупные политические, общественные и государственные деятели,

сенаторы, губернаторы, министры, писатели, поэты, художники... Далекими ее предками были графы Разумовские и Перовские. История возвышения рода Разумовских со времен императрицы Елизаветы Петровны широко известна не только историкам [2]. Отметим лишь, что сын Григория Розума и Натальи Стрешенцовой — последний гетман Украины граф Кирилл Разумовский — приходился Ольге Николаевне прямым предком в 7 колене [3].

Своим богатством и карьерой Кирилл был обязан старшему брату Алексею, который в 1742 г. стал фаворитом, а после и морганатическим супругом императрицы Елизаветы Петровны. После путешествия по Италии и Франции, посещения лекций в Геттингенском университете, Кирилл Григорьевич с сентября 1743 г. по июль 1744 г. жил в доме великого Эйлера, который учил его математике. В 16 лет он возвращается в Петербург, имея графский титул и чин действительного камергера, а в 18 лет становится президентом С.-Петербургской Академии наук. Благоклонная к нему императрица подобрала ему в жены свою троюродную сестру, красавицу Екатерину Ивановну, урожденную Нарышкину [4], за которой было дано колоссальное приданое. Кирилл Григорьевич сделался одним из самых богатых людей страны, а в числе предков Ольги Николаевны появился Кирилл Полуэктович Нарышкин — отец царицы Натальи Кирилловны, матери Петра I [5].

Разумовские получили обширные земли и на Украине с городами Батурин, Почеп, Глухов. Сын гетмана граф Алексей Кириллович с 1810 г. становится министром народного просвещения [6]. В 25 лет он женился на графине Варваре Петровне Шереметевой, второй дочери генерал-аншефа графа П. Б. Шереметева. Однако брак не принес ему успокоения и счастья. Единственным человеком, который оказывал на Разумовского воздействие и по сути властвовал им, была его вторая, гражданская жена, Мария Михайловна, урожденная Соболевская, которая родила ему десятерых детей (от В. П. Шереметевой у графа было пятеро детей) [7]. Все они полу-

чили сначала статус воспитанников, а со временем признаны законнорожденными. Они получили фамилию Перовских — по названию родового имения Перово (ныне — район современной Москвы) [8].

Жемчужников М. Н.

В 1816 г. в имени графа Разумовского, возвращаясь из Парижа после войны 1812 года, остановился молодой артиллерист Михаил Николаевич Жемчужников [9]. Он был пленен младшей дочерью графа, Ольгой Алексеевной, и задержался в Почепе на долгих два года. В конце 1818 г. состоялось венчание Михаила Николаевича и Ольги Алексеевны. Так, в числе предков Ольги Николаевны Волковой появились представители замечательного рода, давшего ав-

торов «Сочинений Козьмы Прутков».

Семейная память хранит легенду, по которой Жемчужниковы происходят от принца Джема, брата султана Сулеймана Великолепного, который спасаясь от преследований брата, укрылся при дворе московского князя. По другим сведениям, род выехал на Русь из Воложского государства и здесь ассимилировался. Как бы там ни было — род Жемчужниковых был древним, знатным, внесенным в 6-ю часть дворянской родословной книги и первые свидетельства о его представителях встречаются еще при дворе царя Федора Ивановича. По воспоминаниям Анны Ильиничны Золотухиной, при Федоре Ивановиче от Жемчужниковых произошла еще одна фамилия, младшая ветвь — Золотухины [10].

Ольга Алексеевна родила девятирех детей, в числе которых был и прапрадед Ольги Николаевны — Лев Михайлович Жемчужников [11]. Однако, простудившись на балу в 1833 г., Ольга Алексеевна скончалась, оставив безутешного мужа и детей. В роду Ольги Николаевны практически все женщины Ольги — бабушка, прабабушка, прапрабабушка, прапрапра-

бабушка... и все выходили замуж по любви. Так и Лев Михайлович, гостя в Пирятинском уезде в имении графов де Бальмен (Линовице), влюбился в горничную графини — Ольгу Степановну Кабанову. Лев Михайлович выкрал Ольгу из имения де Бальменов и, заранее подготовив заграничные паспорта, вывез ее в Париж. Михаил Николаевич Жемчужников был против данного брака, но склонился к компромиссу — было принято решение отправить Льва Михайловича в путешествие, оставив Ольгу в Париже. В итоге отец сдался и благословил этот союз. Сыновья Льва Михайловича умерли во младенчестве и потомство этой линии рода продолжалось по его женским линиям.

В 1889 г. средняя дочь Льва Михайловича Ольга Львовна вышла замуж за представителя древнего польско-литовского дворянского рода — Александра Сигизмундовича Мерхелевича [12]. Мерхелевичи обладали колоссальным состоянием, доставшимся им от брака отца Александра Сигизмундовича, Сигизмунда Венедиктовича [13], с Софьей Александровной Дубовицкой [14]. Род Дубовицких древний, известен с ХУ в., и в числе его представителей П. А. Дубовицкий [15] — знаменитый русский хирург, работы которого до сих пор изучаются в медицинских вузах страны. В начале XIX в. отец С. А. и П. А. Дубовицких Александр Петрович [16] стал основателем секты «хлыстов» в Рязанской губернии, о которой подробно писал в своих произведениях П. И. Мельников-Печерский [17]. Дубовицкие, будучи людьми предприимчивыми, построили в конце ХУІІІ в. в одном из своих родовых имений, Стенькино Рязанской губернии, великолепных дом дворцового типа, богадельню для бедных, разбили великолепный парк с каскадом 4-х прудов, церковь. К 1800 г. Стенькино приобрело свой законченный вид и стало приобретать известность как центр вольнодумства, религиозного сектантства. Еще дед Софьи и Петра — П. Н. Дубовицкий [18] — соорудил дом как ковчег, со множеством подземных ходов, переходов, тайных комнат. Потайные переходы проходили не только под домом,

но и за стенами дворца — тайные лестницы предназначались прежде для прислуги, но ими часто пользовались и высокие гости имения в случае, если хотели покинуть дом незамеченными, недосягаемыми для полиции.

Дубовицкие и Мерхелевичи много путешествовали и из Германии, Швейцарии, Австрии и Франции привозили живописные полотна, бюсты, предметы искусства. Сестра Софьи Александровны, Надежда [19], была талантливым живописцем, а Софья Александровна великолепно играла, была ученицей Ференца Листа [20]. Ее внутренний мир и красота (домочадцы звали ее «Авророй») в 1830 г. вдохновили французского художника Робийера написать ее портрет [21].

Дубовицкие были масонами, породнившимися с влиятельными родами Российской империи: Берами, Лансере, Бенуа, Озеровыми, Медвецами. С семьей тесно связаны имена таких людей, как художники Боровиковский, Робийер, Маковские (младшая дочь Л. М. Жемчужникова вышла замуж за сына художника Владимира Егоровича Маковского — Александра [22], Бейдеманом [23]), писателями: А. К. Толстым, Я. П. Полонским, И. С. Тургеневым, А. М. Жемчужниковым, А. Некрасовым. В усадьбе подолгу гостили представители знаменитых фамилий — Баратынские, Тютчевы, Оболенские, Арцимовичи, Воцинины. Были здесь и видные общественные деятели — критик А. Н. Амосов, основатель Российского археологического общества и Исторического Музея в Москве и двоюродный брат Л. М. Жемчужникова граф А. С. Уваров, В. А. Арцимович, женатый на сестре Л. М. Жемчужникова, Анне.

Когда грянула революция 1905 — 1907 гг. многие дворяне, боясь разграбления своих родовых гнезд и усадеб, стремились наиболее ценные вещи определить в государственные музеи или галереи. Именно так и поступила прабабушка Ольги Николаевны, Ольга Львовна Мерхелевич, определив в Третьяковскую Галерею несколько портретов. Остальные 4 портрета были отданы на хранение в разное время В. Е. Маковскому, в том числе и коллекция работ художника Боклевского.

Уже после 1917 г. эти портреты, вместе с остальными работами, экспропрированными из имения, были распределены в разные государственные музеи страны, в том числе и в Рязанский Художественный музей.

А. К. Разумовский

А. П. Дубовицкий

А. С. Мерхелевич

Прадед Ольги Николаевны, Александр Сигизмундович Мерхелевич, унаследовал от своей матери один из крупнейших конных заводов империи и был в то время крупным рязанским коннозаводчиком, а его владения сравнивали с небольшим герцогством.

Ольга Александровна была крестницей русского поэта Алексея Михайловича Жемчужникова и его любимицей. Семья готовила ей выгодную брачную партию, под стать положению богатой наследницы. Ольга Александровна, как и ее сестра Елена Александровна, обладала редкой красотой, она вдохновила художника А. В. Маковского написать в 1909 г. в Стенькино ее портрет, который ныне хранится в запасниках Рязанского художественного музея. Детский ум очень избирателен и, оставляя без внимания одно, цепко удерживает другое. Так, и у юной Ольги Александровны Мерхелевич, бабушки Ольги Николаевны, память фиксировала все, что касалось лошадей. Селекция, уход, выездка... Когда умер ее отец в 1900 г., мать определила дочь в Московский Николаевский Сиротский институт — привилегированное закрытое женское учебное заведение ведомства императрицы Марии. По выходе

из Института, для укрепления полученных знаний, для Ольги Александровны в дом был приглашен гувернером молодой человек, сыгравший в ее жизни роковую роль. Ольга Александровна влюбилась... В семье разразился грандиозный скандал. Ольге было отказано от дома, и только ее брат Алексей подерживал с Карпенко связь. Рождение дочери Татьяны в 1909 г. примирило обе стороны.

А. А. Карпенко

Т. А. Карпенко

О.А. Карпенко и
Т.А. Карпенко

Анатолий Аристархович Карпенко [25], так звали ее будущего мужа, происходил из обедневшей дворянской семьи. Отец его, Аристарх Иванович, занимал ответственную должность чиновника по особым поручениям при генерал-губернаторе Москвы великом князе Сергее Александровиче, был редактором неофициальной части «Московских Губернских Ведомостей». Как вспоминал его внук, «...когда после катастрофы Русско-Японской войны прокатилась в 1905 году волна бунтов и восстаний, Сергея Александровича убили. Моего деда... это убийство потрясло. Он скончался от инфаркта... Трагична судьба его жены — моей бабушки... Умерла она в Мытищинской наркологической больнице...» [26]. Карпенко жили в доме Гиришмана в Москве, где сейчас отель «Марриот Гранд». Именно после этих трагических событий Анатолий Аристархович начал преподавать в доме Мерхелевичей.

Октябрьский переворот 1917 г. поставил дворянство перед выбором — либо уехать, стараясь выжить на чужбине, либо остаться на Родине, пытаясь приспособиться к новым условиям жизни. Семья Карпенко осталась, хотя отрезвление пришло быстро. Как кадровый военный Анатолий Аристархович служил на должностях командного состава Красной Армии. В русско-польскую войну 1918 — 1920 гг. А. Карпенко был в командном составе 3-й Туркестанской кавалерийской дивизии, в которой с 18.04.1921 г. по 15.05.1921 г. исполнял обязанности начальника дивизии. А с 1.04.1920 г. по 03.06.1921 г. был начальником Штаба 3-го кавалерийского корпуса Г. Д. Гая в составе этой же дивизии. После тяжелейших боев 3-й Кавалерийский корпус был разбит и он был интернирован в Германию. Ольга Александровна с дочерью попала в плен под Цеханувым и почти два года находилась в лагере для военнопленных. Возвращались они на родину, не зная о судьбах друг друга. Анатолию Аристарховичу сообщили, что семья погибла, Ольге Александровне тоже самое сообщили о муже. Тем не менее, по прибытии в Москву в 1922 г., она предпринимает настойчивые попытки получить документальное подтверждение смерти Анатолия Аристарховича и случайно узнает, что А. Карпенко в начале 1921 г., как специалист, направлен в Грузию, в Тифлис, для восстановления государственного коннозаводства. Ольга Александровна направляется в Тифлис и уже никогда не расстается с мужем.

Управляющий в то время Коннозаводством Туркестана Я. Савицкий писал Командующему 3-й кавалерийской дивизии в Андижан: «В виду крайнего некомплекта служащих по Государственному Коннозаводству, состоящих на основании приказов Туркфронта от 05 июня 1920 г. № 334 и от 8 — го марта 1920 г. № 92 военнообязанными и формирования новых коннозаводских учреждений, прошу не отказать в согласии на перевод по Государственному Коннозаводству состоящего в Вашем распоряжении А. А. Карпенко как специалиста по конному делу для назначения его на одну из высших ко-

мандных должностей Государственного Коннозаводства» [27]. В апреле 1921 г. Анатолий Аристархович прибыл в Грузию и приступил к решению вопросов, связанных с восстановлением племенного коневодства. В 1922 г. Главноуправляющий государственным Коннозаводством и Коневодством Туркестанской республики Я. Савицкий писал А. Карпенко: «...лестные отзывы о Вас, приехавшего в Ташкент Грузинского Представительства, вновь подтвердили мне, что я не ошибся в выборе — рекомендуя Вас в качестве ответственного сотрудника по возрождению Грузинского Коннозаводства, а все это вместе вернуло мне то оптимистическое настроение, которое одно время было потеряно вследствие рассказов вернувшихся из Тифлиса красноармейцев во главе с Начхозом Березовским. Поздравляю Вас с высоким назначением и думаю, что в недалеком будущем, благодаря своей энергии и тонкому пониманию поставленной задачи, Вы сумеете установить между двумя Федерациями по Коннозаводскому вопросу ту преемственную связь, которая явится началом в успешном продолжении задуманного Нами дела...» [28].

С середины 1922 г. А. Карпенко назначается на должность Помощника Управляющего Государственным Коннозаводством Грузии В. Цулунидзе. Имея большой опыт по восстановлению Джизакского рассадника (после Искандерского Конного Завода под Ташкентом) и строительству Ипподрома в Ташкенте, Анатолий Аристархович приступает к решению проблемы восстановления утерянного племенного чистокровного материала, к восстановлению Тифлисского ипподрома. После Грузии семья постоянно переезжала в те города, где требовались специалисты по конному делу. В конце 1920 гг. — в Баку, в начале 1930-х — в Пятигорск.

Здесь А. Карпенко работал начальником ковки и кузни, а Ольга Александровна — тренером по конному спорту. Здесь же у их дочери Татьяны родилась внучка, Ольга Николаевна Волкова. Рождение ее тоже было, своего рода, чудом. Татьяне Анатольевне нельзя было рожать из-за перитонита. Врачи,

ставя ей диагноз, строго настрого запретили рожать. Она перенесла тяжелую операцию, которая по своей сложности вошла в анналы медицинских учебников, где на примере этой операции под именем «большая К...» студентам рассказывали о болезни и методах ее лечения. Тем не менее, рискуя своей жизнью, Татьяна Анатольевна приняла решение и 04.10.1937 года произвела на свет дочь.

В августе 1942 г. семья эвакуируется из Пятигорска в Азербайджан в Кіровобад. Незадолго до войны Татьяна Анатольевна устроилась работать бухгалтером на Центральный аптечный склад Пятигорска и когда началась война, она выписывала эвакуационные листки всем беженцам, уезжающим из города. Потерять в войну эваколисток — было равносильно смерти. Он заменял не только паспорт, он давал право на работу и на получение продовольственного пайка. Но во время транспортировки были утеряны ее эваколистки и по прибытии в Кіровобад семья оказалась на грани смерти. От голода в 1942 г. умер сначала Анатолий Аристархович, а через месяц и Ольга Александровна. От истощения на грани смерти была и Ольга Николаевна. Татьяна Анатольевна бралась за любую работу и до 1944 г. работала на трех работах, чтобы как-то прокормить себя и дочь. Ольга Николаевна вспоминала эти голодные годы, когда они с мамой выходили на поле, чтобы накопать промерзлой и сгнившей, несобранной картошки: «Мама приносила эту гнилую картошку домой, отделяла гниль от более-менее целых частей, промывала в большом количестве сменной воды, и потом из оставшейся массы готовила «тошнотики» — это такие оладушки картофельные. «Тошнотики» их звали потому, что часто после них нам было плохо, но это была хоть какая-то еда. Мы жили в бывшей душевой — высокой кирпичной комнате с маленьким окошком под крышей. Площадь ее была метров десять и посередине комнаты был слив для воды». В 1944 г. ситуация немного улучшилась и Татьяна Анатольевна устроилась в Центральный аптечный склад бухгалтером и делопроизводителем. Там

же, в Кировобаде, Ольга Николаевна и пошла в школу.

В 1946 г. у семьи появилась возможность вернуться в Москву. Однако переезд был маловозможен, если из столицы не приходил вызов кого-либо из родни или близких друзей. К счастью, такой вызов пришел от друзей (родственные связи были прерваны в связи с войной), и в 1947 г. Татьяна Анатольевна переезжает поближе к Москве. В столице ей устроится не удалось, и она оказалась под Тарусой, в деревне Барятино, где устроилась работать в лесхоз. Здесь, в лесу, прошло взросление Ольги Николаевны. Она научилась верховой езде, была пастухом, доила коров и коз, научилась собирать грибы и разбираться в них и деревьях. Слушая подолгу русские песни, которые пели вечерами крестьяне, навсегда полюбила фольклор и прониклась красотой народного звучания. Когда в 1950-е гг. встал вопрос о выборе профессионального пути — сомнений не было — только культура. От природы Ольга Николаевна обладала красивым редким голосом — детским контральто. Развивала его в Барятино, слушая пластинки на старом патефоне. Когда мама привезла ее в Калугу для поступления в Калужский институт культуры, преподаватели ухватились за талантливую девочку. Уговаривали Татьяну Анатольевну отдать им «чудо-ребенка», ибо из нее они сделают прекрасную певицу. Но и здесь неумный характер Ольги Николаевны сыграл свою роль. Ей не понравился педагог, которая настаивала на поступлении и проводила слушания. Татьяна Анатольевна ничего не могла поделать с упрямством дочери. Возвращаясь с мамой обратно из Калуги домой, Ольга Николаевна увидела афишу о приеме в Калужское культпросвет училище. Пришлось Татьяне Анатольевне пойти на попятную и в 1952 г. определить дочь в Калужское культпросвет училище.

Жизнь в училище раскрыла все таланты и способности молодой Ольги. Она участвовала практически во всех проектах и студиях, которые были в училище: увлеклась фотоделом и долгие годы выезжала на экспедиции, фотографируя людей и пейзажи (это увлечение она пронесла через всю свою жизнь и

великолепно разбиралась в вопросах перспективы, композиции и света); студия народных танцев, в которой приобретенные знания и навыки сделали ее одной из ведущих участниц танцевальной группы Орского русского народного хора; драм-студия после позволила ей с успехом ставить в Польше три сезона подряд спектакль-комедию «Поручик, граф Лавровский». Прыжки с парашютом стали ее настоящей страстью. На счету Ольги Николаевны 18 прыжков с крыла самолета «У-2» («По-2»). Но именно хоровое пение стало делом всей ее жизни. По окончании училища Ольга Николаевна некоторое время работала в Домах культуры Калужской области, в частности в Тарусе. Но в конце 1950-х, увлеченная идеями великих строек коммунизма, переезжает в город Орск Оренбургской области, где устраивается работать на металлургический завод.

В те годы широкую популярность в Советском Союзе получило движение самодеятельности и народного творчества. Развитие самодеятельного искусства в советский период имело большое значение в организации отдыха и культурного досуга населения. Оно отличалась глубоким политическим содержанием, разнообразием жанров, многонациональным характером. Самодеятельные коллективы возникали при клубах, домах (дворцах) культуры, фабриках, заводах, учебных заведениях, воинских частях, колхозах, совхозах, на транспорте. В результате тщательной подготовки спектаклей, концертных номеров, всесторонне поставленной учебно-воспитательной работы лучшие коллективы стали приближаться по своему уровню к профессиональным. Они имели постоянную труппу, сложившийся репертуар, систематически выступали перед зрителями. Для опощрения высокого уровня самодеятельных коллективов, лучшим из них стали присваивать звание «народный». Звание это присваивалось министерствами культуры союзных республик и один раз в три года должно было подтверждаться. При металлургическом заводе в Орске был создан русский народный хор, куда и пригласили Ольгу Николаевну. Она заняла там место солистки хора, солистки танцевальной группы и ведущей кон-

церов. Руководителем хора был Е. Спичаков, а концертмейстером был приглашен Г. Дерюгин. Этот коллектив выступал во многих городах СССР, давал концерты и в Москве — в Кремлевском Дворце съездов, на ВДНХ, в Колонном зале Дома союзов, выезжал за границу. Вплоть до 1965 г. Ольга Николаевна выступала вместе с хором и выезжала с ним на гастроли. В 1965 г. ее заметила художественный руководитель Оренбургского русского народного хора Людмила Райкова, которая стала уговаривать Ольгу Николаевну перейти в профессиональный коллектив и продолжить карьеру в Оренбурге. Л. Райкова написала ей партитуру нескольких русских народных песен, которые навсегда вошли в репертуар коллективов Ольги Николаевны.

В 1964 г. Ольга Николаевна подписала контракт на работу в Польше и готовилась к отъезду из страны. Работа в коллективе была невозможна, более того ей пришлось отказаться и от зарубежных гастролей Орского хора в связи с выездом в Польшу. С 1965 г. по 1971 г. Ольга Николаевна Волкова активно занимается созданием русского песенного коллектива в Польше и пропагандой русской народной песни. Она жила в Шпротаве, под Легницей, и создала там самодеятельный ансамбль, в котором пели жены советских офицеров. Ее коллектив знали на всей территории СГВ (Северной группы войск). Постепенно, приобретая популярность, Ольга Николаевна, при поддержке своего мужа, Юрия Николаевича Синюгина, смогла создать сводный хор, куда входили не только женщины, но и мужчины, служащие в Польше. Там же, в Легнице, Ольга Николаевна применила свои знания, полученные в драматической студии Калужского культпросвет училища, и с успехом поставила спектакль «Поручик, граф Лавровский», который шел на сцене Дома офицеров три года.

В 1971 г. она с мужем возвращается в СССР, в Одессу, и устраивается работать служащей на Завод «Центролит». В 1975 г. ей предложили создать на заводе «Центролит» самодеятельный коллектив при Клубе культуры завода. Это идея

была встречена с большим энтузиазмом и при поддержке профкома завода в 1975 г. в Одессе на заводе «Центролит» был создан ансамбль «Русская Песня». Все свои профессиональные знания, собранные песни, культуру сцены, знание народного костюма, навыки в фотоделе Ольга Николаевна отдала, создавая этот прославленный коллектив.

Сначала дело шло тяжело. Новое начинание никому не известного специалиста лишь вызывало поощрение, очень далекое от материальной поддержки. Но на счастье, в судьбе Ольги Николаевны всегда было много не только энтузиастов, но и ценителей ее таланта, которые со всей страстью к общему делу стали оказывать ей помощь в общении с руководителями завода, города и области. Прежде всего такую поддержку и помощь оказывал директор клуба Владимир Викторович Петренко. Он сразу и по достоинству оценил талант нового руководителя и вплоть до 1989 г., когда Ольга Николаевна по болезни ушла с поста руководителя ансамбля, оказывал ей всестороннюю поддержку.

Сначала коллектив был небольшим. Двенадцать талантливых девушек с великолепными, данными от природы голосами выступали на площадках завода, в мероприятиях района. Отсутствие финансирования не смущало участников. Своими руками, под руководством Ольги Николаевны, они шили костюмы, расшивали сарафаны и кокошники. Уже через год слава о коллективе распространилась по всей Одесской области. Его стали приглашать на все крупные концерты городского и областного значения. Коллектив стал выезжать на гастроли в другие города, в отдаленные районы области и на посевные, давая концерты перед жителями сел с импровизированной сцены, сооруженной в кузове грузовой машины. В 1977 и 1978 гг. коллектив стал лауреатом 1-го и 2-го Всесоюзных фестивалей самодеятельного творчества «Солнечные кларнеты», которые проходили в Черкассах и в Одессе. Именно с этого момента начинается финансирование ансамбля, выделяются деньги на костюмы, аксессуары, музыкальные инст-

рументы, декорации. В коллективе обновляется репертуар и появляется много новых русских и украинских, казачьих песен — хороводных, акапельных, колыбельных. Постепенно коллектив увеличивается. В нем появляется мужской состав, танцевальная группа. На заводе участники ансамбля получают негласный привилегированный статус и коллектив расширяет регионы своих гастрольных поездок: Киев, Николаев, Бендеры. В 1977 и 1978 г. киевское телевидение снимает ряд телевизионных программ об ансамбле, и Одесское телевидение подхватывает эту инициативу и снимает с Ольгой Николаевной несколько интервью. Ни одно значимое мероприятие в городе и области теперь не проходит без участия коллектива. В 1977 г. ансамбль «Русская песня» защищает звание «народного» и с этого времени именуется «Народный ансамбль русской песни». Современники вспоминали, что даже в больших концертных залах участникам не требовались микрофоны, настолько хорошими и сильными были их голоса. Специалисты всегда отмечали высокий уровень исполнения, культуры пения и сцены, подчеркивались костюмы, которые были на уровне государственных коллективов.

В 1978 г. ансамбль удостоился права представлять Одессу и УССР на гастролях во Франции. Отбор коллективов и участников в эту поездку со стороны руководства области был жестким, гастролы прошли очень успешно в Париже, где коллектив дал несколько концертов. После них последовали поездки в Болгарию. Особенным был цикл выступлений ансамбля на паромной переправе «Одесса-Варна», который постепенно перерос в «дружбу» — проводились вечера встречи не только на паромах, но и на самом заводе, инициаторами которых выступали руководители предприятия и города. Слава коллектива облетела всю Украину и была известна далеко за ее пределами.

С 1978 по 1984 гг. Ольга Николаевна находится вместе с мужем в Германии (ГСВГ). Здесь она создает большой сводных хор на 120 человек. Хор вел концертную программу и выступал в городах Германии. Однако она не переставала

Ольга Николаевна Волкова

руководить в Одессе ансамблем. Конечно, в связи с отсутствием руководителя в те годы нависла угроза распада коллектива, однако благодаря поддержке Владимира Викторовича Петренко и художественного руководителя клуба Валентины Семеновны Остапенко ансамбль удалось сохранить.

В 1985 г. Указом ВЦСПС Ольга Николаевна была награждена почетным знаком ВЦСПС «За достижения в самодеятельном искусстве». Руководство клуба представило документы на награждение и званием «заслуженный деятель искусств УССР», однако в связи с роспуском коллектива Ольга Николаевна так и не успела его получить. С середины 1980-х народное творчество стало все меньше интересовать руководителей завода и областных структур, финансирование сворачивалось, гастрольные поездки отменялись. В 1989 г. ансамбль был распущен. Осталось много нереализованных проектов, неспетых песен, расхищались костюмы, музыкальные инструменты. Ольга Николаевна тяжело переживала прекращение деятельности коллектива. Все свою жизнь она посвятила пропаганде народной русской, украинской и казацкой песни.

Последние годы Ольга Николаевна жила под Москвой, в Сергиевом Посаде, со своей семьей. Она много молилась и читала духовную литературу.

Найдя отдохновение в своих сыновьях и в книгах, она мирно и тихо, во сне, ушла из жизни 21 сентября 2009 г. в День рождения Пресвятой Богородицы, который, как и ее душа, выдался светлым, теплым и ясным.

Литература и примечания:

1. О семье Жемчужниковых и Л.М. Жемчужникове см. Жемчужников Л.М. Мои воспоминания из прошлого. — М., 2009.

2. Васильчиков А.А. Семейство Разумовских. Т. 1-5. — СПб., 1880-1894.

3. Граф (с 1744) Кирилл Григорьевич Разумовский (при рождении Ромзум; 18 (29) марта 1728, с. Лемешы Козелецкой сотни Киевского полка (ныне Козелецкий рай. Черниговской обл.) — 9 (21) января 1803, г. Батурин) — последний гетман Войска Запорожского (1750—1764), генерал-фельдмаршал (1764), президент Российской академии наук (1746 — 1798). Основатель графского и княжеского рода Разумовских.

4. Графиня Екатерина Ивановна Разумовская (урождённая Нарышкина; 11 мая 1729 — 22 июля 1771, С.-Петербург) — фрейлина, статс-дама, кавалерственная дама, жена К. Разумовского.

5. Кирилл Полуэктович (Полуектович) Нарышкин (1623 — 10 мая (30 апреля) 1691) — боярин, окольныйчий, участник подавления восстания С. Разина, отец царицы Натальи Кирилловны и дед Петра Великого.

6. Граф Алексей Кириллович Разумовский (1748—1822) — действительный камергер, тайный советник, сенатор, министр народного просвещения. Родоначальник дворян Перовских: отец Антония Погорьевского, дед А. К. Толстого, прадед Софьи Перовской.

7. Мария Михайловна Соболевская — дочь берейтора. Прожили в фактическом браке с К. Разумовским более 35 лет.

8. Перовский Николай Иванович — (1785 — 22 апреля 1858) действительный статский советник, губернатор Таврической губернии, феодосийский градоначальник, старший сын графа Алексея Разумовского, дед Софьи Перовской; Алексей Алексеевич Перовский (1787, Москва — 9 [21] июля 1836, Варшава) — писатель Антоний Пого-

рельский, один из крупнейших прозаиков первой пол. XIX в. Член Российской академии (1829). Воспитатель гр. А. К. Толстого; Граф Лев Алексеевич Перомвский (20 сентября 1792 — 21 ноября 1856) — министр внутренних дел и уделов, управляющий Кабинетом Его Величества; граф Василий Алексеевич Перовский (1794, Почеп—1857) — генерал от кавалерии, генерал-адъютант, генерал-губернатор Оренбургский и Самарский, наместник Оренбургского края; Анна Алексеевна Перовская (1796—1857), замужем за графом К. П. Толстым (1779—1870), мать писателя и поэта гр. А. К. Толстого (1817—1875); Софья Алексеевна Перовская (1811—1883) — жена князя В. В. Львова (1804—1856), писателя, цензора; граф Борис Алексеевич Перовский (1815—1881) — генерал от кавалерии, генерал-адъютант, воспитатель наследника престола при Александре II; Ольга Алексеевна Перовская (1798—1833), замужем за М. Н. Жемчужниковым; Мария Алексеевна Перовская (1748 — 1922), писательница, переводчик; Елизавета Алексеевна Перовская, замужем за директором типографии Московского университета П. А. Курбатовым.

9. Михаил Николаевич Жемчужников (11 [20] ноября 1788 года — 3 [15] сентября 1865 года) — сенатор, действительный тайный советник, губернатор Костромской губ. (1832—1833), С.-Петербургской губернии (1835—1840).

10. В журнале «Русский Архив» за 1890 г. были опубликованы «Записки Анны Ильиничны Золотухиной», в замужестве Линберг, в которых, рассказывая об истории рода Золотухиных и своем отце, Анна Ильинична приводит семейную легенду, по которой: «...о фамилии Золотухиных известно следующее: прежде фамилия их была Жемчужниковы, но при Федоре Ивановиче два брата поссорились за место при царском столе (еще до уничтожения местничества); один уехал в деревню, но по приказу царя и начал называться Золотухиным. Все его потомки пишутся Золотухиными в 6 части дворянской книги Тульской губернии...». В семье Жемчужниковых данная легенда тоже передавалась из уст в уста. Нина Ивановна Жемчужникова рассказывала, что в ее семье хранится легенда о том, что «еще при Иване Васильевиче Грозном жили 2 брата. Точную фамилию их предание не сохранило, но вроде бы звались они Золотовыми (кстати, такая фамилия существовала в XVI-XVII вв.). Однажды, на пиру у царя, между братьями завязался спор, кому сидеть справа от царя. Шумная их перепалка привела к вмешательству в спор царя. Первого спорщика он, как менее агрессивного, посадил справа от себя и приказал именоваться

впредь Золотовым, а второго, зачинщика, посадил слева, указав именоваться Жемчужниковым. Так и возникла фамилия».

11. Лев Михайлович Жемчужников (1828—1912) — гравёр и живописец.

12. Александр Сигизмундович Мерхелевич (13.09.1850, СПб. — 1.08.1900) — титулярный советник. Председатель Рязанской уезд. земской управы (1899). В мае 1872 окончил курс Училища правоведения в СПб., получив при выпуске чин титулярного советника. 21.05.1872 определен в Департамент Министерства Юстиции. 10.06.1872 назначен кандидатом на судебные должности при Рязанском Округ. Суде. 18.10.1872 переведен кандидатом на судебные должности при С.-Петербургском Округ. Суде. 24.02.1873 командирован в помощь следователю 1-го уч. СПб. 30.04.1875 командирован во 2-й следственный уч. Петергофского уезда. 7.09.1875 — уволен со службы по болезни с чином титулярного советника. Избирался почетным мировым судьей Рязанского уезд., председателем Съезда мировых судей (с 1888), гласным Рязанского губ. Земского Собрания, членом Уездного Училищного Совета. Имел 2500 дес. земли в с. Стенькино Рязанского уезд., 1000 дес. в с. Рыбкино Михайловского уезд., 400 дес. в с. Дубикене Шавельского уезд. Ковенской губ.

13. Сигизмунд Венедиктович Мерхилевич (Мерхелевич) (28.10.1800 — 9.02.1872, Москва) — генерал-адъютант, генерал от артиллерии, начальник артиллерии отд. гвардейского корпуса, член Военного совета. Георгиевский кавалер. Получил домашнее воспитание и образование. Ему принадлежало 300 дес. земли в Дубикине (Добикиня) Шавельского уезд. Ковенской губ.

14. Софья Александровна Дубовицкая (26.06.1821 — 14.04.1883). Дочь масона и основателя секты духовных скопцов «Возрождение» в Рязанской губ. Александра Петровича Дубовицкого (06.01.1872 — 06.09.1848) и Марии Ивановны, урожд. Озеровой (11.07.1821). 15. Петр Александрович Дубовицкий (18.02.1815 — 30.03.1868) — тайный советник, доктор медицины, президент медико-хирургической академии

16. Александр Петрович Дубовицкий (1782-1848) — российский масон, основатель религиозной секты «Возрождение» или «Духовные скопцы» хлыстовского толка. Родился в 1782 г. в семье помещика Петра Николаевича Дубовицкого и его супруги Надежды Ивановны Медведской, служил в лейб-гвардии Преображенском полку, в 1809 г. уволен в отставку «без мундира» с чином подполковника. До 1816 г. проживал вместе с семьёй в родительском имении Стенькино, своей

масонской деятельностью и организацией секты «Внутренних поклонников господних» вызвал немилость властей и в 1824 г. был сослан в Кирилло-Белозерский монастырь. В 1826 г. его мать обратилась к государю с просьбой «оказать милосердие к сиротствующим внукам и её преклонному восьмидесятилетнему возрасту и освободить сына», 8 марта 1826 г. прошение было доложено императору Николаю I, который поручил князю А. Н. Голицыну передать вдове, «чтобы она взяла терпение». Однако, последняя добилась своего, обратившись за помощью к митрополиту Серафиму — 7 августа 1826 г. Александр Петрович был выпущен из монастыря. Но в 1839 — 1842 гг. вновь находился в ссылке. Портрет Александра Петровича, написанный в 1809 г. В. Боровиковским, является достоянием Третьяковской галереи.

17. Павел Иванович Мельников (псевдоним: Андрей Печерский, также известен как Мельников-Печерский; 1818 — 1883) — русский писатель, этнограф-беллетрист.

18. П. Н. Дубовицкий (1753—1825) — масон, вольнодумец, оставил заметный след в духовной жизни России. Первый владелец Стенькино. Портрет Александра Петровича, написанный в 1804 г. В. Боровиковским, является достоянием Третьяковской галереи.

19. Надежда Александровна Дубовицкая (1817 — 1893) — живописец, была одной из немногих женщин XIX в., профессионально занимавшихся изобразительным искусством. Н. Дубовицкая обучалась живописному мастерству у профессора Академии художеств М. Воробьева, много времени уделяла копированию картин в Эрмитаже. В 1842 г. совершила поездку в Италию. Большинство работ Н. Дубовицкой — пейзажи («Вид в Сарове», «Вид на город за рекой», «Водопад», «Вид Неаполя с новой дороги Позиллинской», «Вид при выходе из Ливорнского порта», «Вид острова Эльбы», «В усадьбе», «Жатва»). Значительный отрезок жизни Н. Дубовицкой связан с Рязанью. В местном художественном музее находится наибольшая коллекция ее работ.

20. Ипполит Ипполитович Робийяр (1804 — 1888) — живописец, портретист, фотограф.

21. Портрет С. А. Дубовицкой, работы И. Робийяра, находится в частном собрании.

22. Александр Владимирович Маковский — живописец, график, член Товарищества передвижных художественных выставок, академик и профессор Импер. Академии художеств. Сын знаменитого живописца Владимира Егоровича Маковского, племянник художников Кон-

стантина и Николая Егоровича Маковского.

23. Александр Егорович Бейдеман (1816 – 1869), академик, профессор исторической живописи.

24. Речь идет о портретах П. Н. и А. П. Дубовицких

25. Анатолий Аристархович Карпенко (1881, Москва – 1942, Кировабад), чиновник по особым поручениям при Смоленском генерал-губернаторе, кавалерист, в 1918-1921, начальник штаба 3-й кав. бригады в 3-й Туркестанской кав. дивизии, врид. начальника 3-й Туркестанской кав. дивизии в 1920 – 1921. С 1921 по 1924 год занимается восстановлением племенного коноводства в Тифлисе, Ташкенте, работал на Искандерском Конном Заводе под Ташкентом, занимался строительством Ипподрома в Ташкенте, Комендант Ташкента.

26. Письма И. И. Флоринского к О. Н. Волковой. Частный архив Синюгина Ю. Ю.

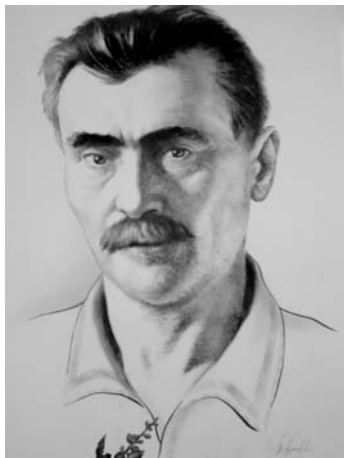
27. Письмо Управляющего Коннозаводством Туркестана Я. Савицкого Командующему 3-й Кавалерийской дивизии. 1921. Частный архив Синюгина Ю. Ю.

28. Письмо Управляющего Коннозаводством Туркестана Я. Савицкого А. А. Карпенко. 1922. Частный архив Синюгина Ю. Ю.

29. Геннадий Дерюгин – Заслуженный работник культуры РФ, в настоящее время он один из ведущих специалистов Орского колледжа искусств. Концертмейстер с 1961 по 1969 гг.

*Марина Верховецька,
старший науковий працівник
Одеського художнього музею*

ВАСИЛЬ ГРИГОРОВИЧ КРИЧЕВСЬКИЙ В ОДЕСІ
До 140-річчя від дня народження

Родина Кричевських належить до славетних родин українського мистецтва, чий творчий доробок увійшов до скарбниці вітчизняного та світового мистецтва ХХ сторіччя. Мистецька діяльність В. Г. Кричевського обіймає понад півстоліття (1897-1952 рр.), припадаючи на період бурхливого розвитку української культури. До цього розвитку спрочинився у великій мірі він сам, працюючи в найрізноманітніших ділянках образотворчого мистецтва [1].

22 березня 1918 р., на замовлення голови Центральної Ради М. Грушевського, В. Кричевський виконав Великий і Малий герби України, ескізи печатки і заставки для офіційних документів Української Народної Республіки і Центральна Рада затвердила їх. Герб, розроблений В. Кричевським на основі Володимирського тризуба, затверджений в якості Малого герба незалежної України.

У травні 1940 р. художник одержав звання заслуженого діяча Української РСР. А у листопаді 1940 р. в Києві відбулася його перша велика персональна виставка, яка пройшла надзвичайно виразно та масштабно [2]. Експонувалось більше 1000 творів живопису, графіки і декоративно-ужиткового мистецтва, були показані також архітектурні проекти та ескізи до кінофільмів. Виставку відвідало багато людей, вона мала і широкий резонанс

у пресі. У Києві у Державному музеї українського мистецтва відвідувачі виставки, художники не раз відмічали схожість творчої манери одеського митця О. Шовкуненко та В. Кричевського. Про неї писали у книзі видруків: «В искусстве Кричевского восхищает обилие солнечного радостного света. Эта вера в жизнь действует заряжающе. Много удовольствия мне доставили лирические зарисовки Украины. Как хороша она в небольших акварельных работах. Передачей воздуха, света, тона художник владеет с необычайным мастерством. Замечательны работы художника по изучению народного искусства Украины». Запам'ятав художник ці щирі визнання, як і слова свого давнього приятеля Максима Рильського: «Спасибі прекрасному, вдумливому і талановитому художникові В. Г. Кричевському, його виставка справляє велике враження. Вона освіжає душу» [3].

Василь Григорович, який вперше показав свої широкі здібності майстра в малярстві (акварель, олія), архітектурі і ряді інших галузей мистецтва в 90-х роках XIX ст. — на початку минулого XX ст., був тим працівником української художньої культури, що черпав натхнення з народного мистецтва, працював над ним і виконував роботу подібну тій, яку проробила плеяда українських діячів того часу в інших галузях мистецтва: Лисенко — в музиці, Карпенко-Карий, Заньковецька, Саксаганський та Садовський — в театрі.

Син міського фельдшера, він виріс в селі Ворожба на Харківщині, де змалку ввібрав у себе душу і властивості народної творчості, красу і силу природи, що так реально відчувається в його творах. Ще в початковій школі Василь Кричевський багато малював, головним чином, аквареллю, а коли він вчився вже в залізнично-технічній школі, то з захопленням копіював гравюри та малюнки фасадів, окремі фрагменти будівель, архітектурні деталі. Провчившись два роки в залізнично-технічній школі, В. Кричевський закінчив на цьому шкільне навчання і почав своє трудове життя та самоосвіту. З 15 років він став на роботу техника Харківської міської управи, де зробив ряд проектів та оформлень будинків.

Поруч з цією роботою він продовжував свої архітектурні замальовки й писав акварельні пейзажі. На нього звернули увагу харківські архітектори і він переходить на роботу до інженера-архітектора С. Загоскіна (1889 – 1891), де одержав художньо-архітектурну освіту, користуючись цінною бібліотекою архітектора. знайомством і стосунками з художниками Г. М. М'ясоєдовим, М. О. Врубелем, з українським краєзнавцем А. Шнайдером, з архітекторами, письменниками, музикантами тодішнього Харкова. Тут, в атмосфері живих культурних та мистецьких інтересів, Василь Кричевський здобув те, чого йому бракувало в загальній освіті.

Історію матеріальної культури та історію мистецтв він вивчав в харківському університеті, відвідуючи лекції професорів Редіна та Багалія, працюючи під їх керівництвом в університетській бібліотеці. Після роботи в С. І. Загоскіна Кричевський працював помічником міського архітектора (1892 р.), потім в будівельному відділі залізниці (1893-1898 рр.) і одночасно, вечорами, в майстерні архітектора О.М. Бекетова (1893-1903 рр.), де брав участь в проектуванні та будівництві цілого ряду громадських будівель Харкова. Допомагаючи в проектуванні та будівництві, він пройшов хорошу практичну школу зодчого.

Поступово втягуючись в мистецьке життя, відвідуючи публічні лекції, бібліотеки, виставки, він ближче познайомився з харківськими художниками: М.М. Уваровим, К.К. Первухіним та пейзажистом-маріністом М.С. Ткаченком [3]. Пильно придивляючись і вивчаючи роботи місцевих художників та «передвижників», що відвідували Харків, Василь Григорович разом з тим намагався знайти свій власний творчий шлях. 1897 р. він вперше виставляє свої акварельні етюди на художній виставці в Харкові, які дуже тепло зустріла публіка і критика. Прихильно поставились до молодого таланту також місцеві художники.

Олійними фарбами Василь Григорович почав писати в 1898 р. В 1899 р. Кричевський виставляє свої роботи в Петербурзі

в «Товаристві акварелістів», має там успіх і стає постійним учасником виставок даного «Товариства». На жаль, на виставці було показано лише частину його робіт раннього періоду, оскільки основна маса їх — пейзажі, картини, збірка матеріалів по народному мистецтву, замальовки, архітектурні проекти, композиції тощо — згоріла під час в пожежі будинку, де він жив у 1918 році.

З величезною любов'ю та енергією вивчав Василь Григорович у цей час народне мистецтво, робив безліч замальовок, обмірів, склав чудову збірку зразків народної творчості. Невипадково в 1901 р. археологічний з'їзд доручив йому зробити для Виставки українську хату, що він виконує з любов'ю і великим знанням усіх властивостей народної архітектури [4].

Маючи великі знання з українського народного мистецтва і певний досвід роботи, В. Г. Кричевський 1902 р. зробив на конкурс проект будинку Полтавського земства (нині Краснавчій Музей у Полтаві), де широко використовує ці свої знання. Вміло і майстерно черпаючи основні архітектурні і мистецькі мотиви з скарбниці народної творчості, він разом з тим розвивав та збагачував їх своїм художнім талантом. Проект тоді одержав першу премію і Кричевському було доручено розробити його та керувати будівництвом у той час.

Не зважаючи на ряд несприятливих умов, які були створені земцями навколо проекту в незвичному для них стилі, Василь Григорович з виключною енергією та любов'ю взявся за розробку робочих рисунків і підготовку до будівництва. Як архітектор-художник В. Г. Кричевський ясно розумів, що пряме перенесення народних орнаментів на стіни будинку було б механічним і не пов'язувалось з архітектурою, тому він провадив глибоку дослідну роботу. Детально вивчав народну творчість Полтавщини, Чернігівщини, Харківщини, зробив багато архітектурних замальовок з метою встановити взаємозв'язок між матеріалом та формою в народному будівельному мистецтві, що й дало змогу створити цільний архітектурний образ, органічно поєднати орнамент з архітектурою.

На будівництві Василь Григорович брав безпосередню участь, і жодна деталь не проходить поза його увагою. Лише в кінці деякі деталі були опрацьовані не ним і без його участі, що й позначилось на певному переобтяженні окремих місць внутрішнього оформлення. Поряд з роботою в архітектурі Кричевський завжди брав жваву участь і в інших галузях мистецтва, вносячи всюду властивий йому талант, свіжість думки і творче захоплення.

1907-1909 рр. він оформляє ряд вистав Театру М. Садовського, вводячи і в мистецтво театру те нове, що нищило рутину «малоросійщини». Його перхід у театр збігся з добою поширення у мистецтві тенденцій сецесії і символізму, що, як і перші спроби кубізму і конструктивізму, активно заявили про себе на європейських виставках, широко проникали і на сцену. Після спорудження земства, яке зробило його авторитетним, він значно розширив круг знайомих. У Києві серед його знайомих були В. Антонович, М. Грушевський, С. Єфремов, П. Саксаганський. Він багато знайшов близького з митцями Г. Дяченко, К. Бахтіним, І Іжакевичем, К. Крижицьким, С. Светославським, М. Бурачком. Зі Львова він разом з Грушевським у 1911 р. поїхав на Всесвітню Архітектурну виставку до Риму. Пізніше побував у Флоренції. Незабаром після повернення з закордону він працював у килимській майстерні Варвари Ханенко. У 1913-1915 рр. він працював художнім керівником ткацької майстерні в селі Оленівці, де за його ескізами виготовлялись килими та вибійки. На Всеросійській кустарній виставці 1913 р. ці вироби одержали золоту медаль (панно-килим «Ілля Муромець» придбано музеєм Соляного мистецтва в Санкт-Петербурзі, багато інших закуплено для Парижу та Берліну).

Після революції Василь Григорович став професором художніх вузів, невпинно працюючи в цій галузі. І тоді він керував кафедрою художніх дисциплін, безпосередньо керував майстернею малювання на архітектурному факультеті Київського художнього інституту. Одночасно він брав жваву участь

і в громадсько-художньому житті міста, працюючи в різних Комісіях, Спілці радянських архітекторів, Спілці радянських художників України тощо.

З 1925 р. його увагу привертає до себе новий вид мистецтва — кіно, яке на той час починає набувати великої ваги. Він оформив ряд фільмів, фото та ескізи яких широко були показані на данній виставці. Найвизначніше місце серед них посідає перший кольоровий український фільм «Сорочинський ярмарок». І в цю нову галузь роботи Кричевський вносить свій хист і свої особливості. Працюючи над фільмом певної доби, Василь Григорович показує її не в натуралістичних формах, а в реалістично узагальнених, дає тон і колорит того часу всілому. В окремих орнаментах та вишивках до фільму він не повторює цілком старовинних зразків, а відтворює лише суть форми, стиль зображуваної доби, що надає такому оформленню особливої свіжості та барвистості.

В Києві не було кінофабрики десь до 1929 р., тому на Одеській кінофабриці ВУФКУ В. Г. Кричевський займався у 1925 -1926 рр. художньо-історичним оформленням фільмів «Тарас Шевченко», «Тарас Трясило», «Борислав сміється» за твором І. Франко. У 1927 року він зняв фільм «Людина з лісу», «Леся», «За стеной», займався у цьому ж році художнім оформленням фільму О. Довженко «Звенігора». До нашого міста Кричевський повернувся ще у 1936 році для художньо-історичного оформлення фільму «Назар Стодоля» за пєсою Т.Г. Шевченка.

Починаючи з 1925 р. Василь Григорович дає ряд внутрішніх оформлень і кілька архітектурних проєктів: проєкт будинку «Роліт», збудованого в 1931-1934 рр., проєкт та оформлення меморіального Музею на могилі Т. Г. Шевченка в Каневі (1936 — 1938 рр.) та інші. В 1934 р. Василь Григорович зробив шкіц-проєкт розміщення урядових будинків у Києві, де висунув цікаву ідею з`єднання віадуком Володимирської гірки з Пролетарським садом. Він був одним з тих небагатьох самоуків, які одержали високе звання, не маючи, по суті, фахової та загальношкільної освіти.

Проте, це ще далеко не всі галузі мистецтва, в яких проявляв свій хист В. Г. Кричевський. Багато і плідно працював він також в графіці, давши ряд чудових оформлень окремих видань. За проектом Василя Григоровича збудовано також монументи на могилі М. Коцюбинського в Чернігові та надгробок академіку Д. Заболотному в селі Чоботарці.

Після експонування у Києві у 1940 р. виставка В. Г. Кричевського демонструвалася у вересні 1940 р. в Одесі [5]. У Державному художньому музеї (сьогодні Музей Західного та Східного мистецтва на вулиці Пушкінській, 9) було представлено 900 творів живопису, графіки та архітектурних проєктів, кіно-, театрального та декоративного мистецтва за 1898-1940 рр. Газета «Большевистское знамя» від 13 вересня тоді писала: «В Одессе в Государственном музее в нескольких залах открыта интересная выставка, посвящённая творчеству доктора искусствоведческих наук, заслуженного деятеля искусств В.Г. Кричевского. Маститый художник — замечательный мастер украинского пейзажа... Выставка пробудет в музее в течении 2 месяцев».

Професор Йосип Зейлігер, голова Одеської обласної організації спілки радянських архітекторів, який познайомився з Кричевським ще у 1925 р. під час зйомок фільму «Г. Шевченко», розповідав на відкритті виставки, як усіх вразило те, що «...человек горел каждой минутой, каждым мигом, создавая эту картину. Основной главной ценностью Василия Григорьевича является то, что его творчество уходит глубокими корнями в изучение народного искусства, но я бы сказал, что его знания ограничивались не только этим, его знания и эрудиция вообще в области истории искусства были чрезвычайно велики... он был приглашен в качестве профессора в Одесский художественный институт и здесь мы сразу почувствовали в нем исключительного педагога, человека, который подходил к воспитанию как к величайшему, серьезному процессу... Это не был преподаватель — это был Учитель, друг и товарищ. Мне приходилось много встречаться с Василием Григорьевичем и в Киеве, и в Одессе...».

Професор одеського художнього училища М. Д. Муцельмахер [6] був вражений творами М. Кричевського і величезною кількістю зробленого. Він казав: «не стареєт» цей майстер, «он остается солнечным, он солнцеклонник, он любит яркость, насыщенность украинской природы, в которой он вырос, которой он пропитался». Виступив на обговоренні і одеський художник Михайло Жук [6], колишній колега М. Кричевського по Українській академії мистецтв. «Как-то зайдя к М. Коцюбинскому в 1906 году (Жук тогда жил в Чернигове), я на стене над письменным столом у него увидел несколько маленьких этюдов... и вот как-то сразу почувствовал симпатию к этому человеку. Эта солнечность, эта даль, эта Украина почувствовались сразу, её природа, которая чётко, хорошо была передана на этих 2-3 небольших этюдах. Самого автора я ещё не знал, видел только первые этюды. Я спросил у Михаила Михайловича (Коцюбинского), кто это такой. Он говорит — это архитектор Кричевский». В статті М. Жук так описував в одеському журналі «Шквал» №7 1929 р. вигляд В. Кричевського: «Брови острішками. А під ними такі помітливі, розумні і лагідні очі. Уста хвилюються від легкого усміху, як ниви влітку. Трохи сивувата, густа чуприна і зовсім струнка, молодеча постать. Художник-мандрівник, художник-дослідник, художник у повному значенні цього слова».

Успіх виставки був настільки великим, а резонанс таким широким, що художнику запропонували через рік влаштувати ще одну персональну виставку. І він підготував таку виставку з повних творів, виконаних у 1941 році. Виставка з 204 живописних і графічних робіт була розгорнута у квітні-травні у Києві, а у червні — в Одесі, де її й застала війна.

Література:

1. Валентина Рубан-Кравченко. Василь Кричевський. — К., 2004; Павловський В. В. Г. Кричевський. Життя і творчість. — Н.— Йорк. 1974.
2. Каталог персональної виставки. В. Г. Кричевський. Виставка

творів. — К., 1940.

3. Мистецтво України. Біографічний довідник. — К., Українська енциклопедія, 1997; Каталог Третьяковської галереї. — М., 1984.

4. З'їзд 1901 р. відбувся у Харкові. Каталог 12 Археологического съезда в Харкове. — Харков, 1901.

5. Персональные и групповые выставки Советских художников 1917-1947 гг. Справочник. — М., 1985.

6. М. И. Жук (1883 — 1964) — український художник, поет. В 1925 — 1953 рр. викладав у Одес. худ. школі та інституті, професор з 1917 р.

Т. Б. Фраерман (1883 — 1957) — художник викладав в Одес. худ. інституті в 1920 -1949 рр.

М. Д. Муцельмахер (1900 — 1961) — художник викладав в Одес. худ. інституті в 1931-1942, 1945 — ?, в 1946 — 1952 рр. — секретар Одес. обл. відділення Спілки художників України.

Константин Васильев,
профессор, доктор медицинских наук,
профессор кафедры социальной медицины
Одесского национального медицинского университета.

**ЛИДЕР РУССКОЙ ГИГИЕНИЧЕСКОЙ ШКОЛЫ
ГРИГОРИЙ ВИТАЛЬЕВИЧ ХЛОПИН (1863-1929):
ОДЕССКИЙ ПЕРИОД ЖИЗНИ И ДЕЯТЕЛЬНОСТИ**

*Работа публикуется в связи
с 150-летием со дня рождения Г.В. Хлопина.*

29 августа 1949 г. на Семипалатинском полигоне была взорвана первая советская атомная бомба. В ее создании принимал участие радиохимик, директор Радиевого института, дважды лауреат Сталинской премии, академик Академии Наук СССР Виталий Григорьевич Хлопин (1890 – 1950), что было отмечено награждением его как одного из ведущих участников атомного проекта (вместе с группой ученых) званием Героя Социалистического Труда.

При крещении он получил имя в честь своего деда – священника в Пермской губернии Виталия Хлопина, а отцом его был Г. В. Хлопин – в течение более четверти столетия общепризнанный глава русской гигиенической школы. Сейчас, судя по Интернету, радиохимик Хлопин более известен, чем гигиенист Хлопин (в 3,5 раза). Поэтому считаю нужным подчеркнуть, что в данной статье речь пойдет о гигиенисте Григории Витальевиче Хлопине, жизнь и деятельность которого связа-

на с Одессой — он был организатором кафедры гигиены в Новороссийском университете, а в это время его тринадцатилетний сын — один из будущих создателей атомной бомбы — учился в одесской гимназии.

Гигиенисту Хлопину посвящена большая литература. О нем есть биографические справки в основных энциклопедиях, которые ныне вы можете найти на многочисленных сайтах в Интернете. Между тем необходимо более подробно исследовать одесский период его жизни — без него биография ученого будет неполной, так как посвященная этому вопросу краткая статья Л. И. Грабовской требует дополнения и уточнения [1].

Г. В. Хлопин родился 16 января по старому стилю (или 28 января по новому) 1863 г. на Среднем Урале в селе Добрянка (Добрянский завод) на реке Каме. Сейчас это город Добрянка с 36 тыс. жителей в 61 км к северу от Перми, а в середине XIX века в Добрянке проживало несколько тысяч человек, в центре ее находился железоделательный завод, а украшением предзаводской площади была каменная Рождества Пресвятой Богородицы церковь, где священником был его отец — Виталий Никандрович Хлопин, женатый на Анне Александровне Хлопиной. На торжественном заседании, посвященном его юбилею, профессор Г. В. Хлопин скажет, что от отца он унаследовал трудолюбие, любовь к знаниям и уважение к его представителям, а от матери — свободолобивый и сильный характер.

Первоначальное образование Григорий Хлопин получил в духовном училище в Перми, где проучился четыре года, а затем учился в Пермской духовной семинарии. В училище и в семинарии он, как сын священнослужителя, обучался бесплатно. Поэтому, собственно говоря, его и отдали на воспитание в эти духовные учебные заведения. Однако способный юноша мечтал стать не священником, а продолжить образование в университете. Для этого необходимо было иметь аттестат зрелости классической гимназии. В 1881 г., пройдя курс общеобразовательных наук в семинарии (четыре класса), он из семинарии поступил в Пермскую гимназию, в последний — восьмой

— класс, но предварительно сдал экзамены за семь классов [2].

В своих воспоминаниях Г. В. Хлопин напишет, что из вне-школьной программы на него оказал влияние кружок из интеллигентных служащих, образовавшейся около В. Г. Короленко, который в качестве поднадзорного ссыльного проживал в Перми. В его маленькой комнатке, в облаках табачного дыма, велись шумные и бесконечные либеральные беседы на самые разнообразные темы — общественные, религиозные, политические. В числе немногих учащихся на этих беседах присутствовал и Григорий Хлопин, проникнутый величайшим пиететом к писателю [3].

В 1882 г. Г. В. Хлопин окончил гимназию с золотой медалью. В этом же году он был принят на естественное отделение физико-математического факультета Императорского С.-Петербургского университета, где окончил курс со степенью кандидата естественных наук в 1886 г. Будучи студентом, в течение 1885/1886 учебного года Г. В. Хлопин работал в физиологической лаборатории профессора Ивана Михайловича Сеченова над изучением белковых тел. Уже будучи пожилым профессором, Г. В. Хлопин напишет: «До сих пор с особенным удовольствием вспоминаю я о времени, проведенном в лаборатории И. М. Сеченова, и благодарю судьбу за то, что с первых же шагов моих в области научных исследований она послала мне такого замечательного руководителя» [3, 123].

Студенты-естественники имели возможность посещать лекции преподавателей и других факультетов. Так собирал полную аудиторию слушателей всех факультетов на лекциях с ярко демократическим направлением знаменитый историк русского крестьянства Василий Иванович Семевский. Чтобы дать ответы на вопросы, которыми его забрасывала молодежь после лекций, В. И. Семевский назначал у себя на квартире специальные часы по вторникам вечером. Среди тех, кто приходил к нему в его заставленный книгами домашний кабинет, был студент Г. Хлопин. Именно В. Семевский ввел Г. Хлопина на журфиксы известного педагога Василия Ивановича Водозова, уже глубокого старика. На этих журфиксах царил

хозяйка Елизавета Николаевна Водовозова (впоследствии Водовозова-Семевская), известная писательница педагогических и научно-популярных книг по народоведению.

Попав впервые на журфику к Водовозовым («вторники Водовозовых») зимой 1883 г., студент Г. Хлопин в молчаливом созерцании просидел целый вечер, жадно наблюдая целую плеяду литераторов, которыми молодежь зачитывалась еще в провинции, которых высоко ценила, а знала только по фамилиям. Это были преимущественно писатели-народники — блестящий остроумием Н. К. Михайловский, крупный и размашистый С. Н. Южаков, молчаливый В. П. Воронцов (писал под псевдонимом «В. В.») и др. Там же, вспоминал Г. Хлопин, приходилось иногда встречать политического обозревателя из «Вестника Европы» всегда одетого с иголки Л. З. Слонимского, либерального критика А. М. Скабичевского, монументальную М. К. Цебрикову, позднее В. А. Мякотина, А. В. Пешехонова и многих других литераторов и ученых, а после амнистии — также некоторых из шлессельбуржцев, например, Г. А. Лопатина. (Надо считать, что «позднее» — Мякотин, Пешехонов, Лавров — это после 1904 г., в период профессорства Г. Хлопина в столице).

В 1927 г., то есть уже в советскую эпоху, Г. Хлопин пишет, что еще в средней школе у наиболее активных, любознательных и чутких учащихся вырабатывалось демократическое мирозозерцание, лишённое личных классовых интересов и проникнутое широким альтруизмом, желанием принести пользу рабочим и крестьянам. В университете же землячества и кружки для самообразования представляли весьма благодатную почву для революционной пропаганды, и эта критически и протестантски настроенная молодежь быстро была втянута в группировки более или менее крайней политической окраски, за которыми политическая полиция, видимо, следила с первого дня их образования. Эти группировки спешили выявить себя, прежде всего, широкими программами и уставами, после чего наступало обыкновенно затишье. Но все эти уставы и программы, пишет Г.

Хлопин, легко попадали в руки шпионов (мы бы сейчас сказали стукачей) и затем служили при жандармском дознании материалам для обвинения в принадлежности к преступному сообществу, имеющему целью ниспровержение существующего строя. За устав кружка «Корпорация», написанной его рукой (в составлении этого устава в числе других принимал участие и Г. Хлопин), кружка, который кроме этого устава не приступил ни к какой деятельности, определенной политической окраски не имел, Г. Хлопину пришлось серьезно поплатиться. Осенью 1884 г. полудист с черновиком устава, якобы, был найден во время обыска у проходящего по какому-то политическому делу одного из земляков Г. Хлопина. После этого Григорий Хлопин был заключен под стражу, а освобожден под залог только через месяц. Затем он, искусственно притянутый к политическому делу земляка, был подвергнут серьезному наказанию — высылке на два года под гласный надзор полиции в г. Чердынь, где в то время проживали его родители. К счастью для студента Г. Хлопина, дело тянулось долго и ему удалось закончить свое университетское образование, но высылка помешала ему быть оставленным при кафедре физиологии у профессора Сеченова.

В студенческие годы Г. Хлопин принимал участие и в так называемой «группе Благоева» — в одной из первых социал-демократических организаций (кружков) в Российской империи, положившей начало распространению в стране марксизма. Она была разгромлена уже после его высылки — летом 1887 г., а первые аресты «благоевцев» начались в 1885 г. Студент С.-Петербургского университета В. Харитонов дал Г. Хлопину для ознакомления и критики рукопись, заключающую в себе символ веры кружка. Рукопись представляла собой некоторый компромисс между идеологиями — народовольческой и социал-демократической. «Мне рукопись понравилась», — напишет в 1920-х годах Г. Хлопин [3, 128]. Позднее статья (В. Харитонов — руководитель группы после высылки болгарина Благоева на родину в 1885 г. в своих воспоминаниях называет эту рукопись «программой» [4]) была

отправлена за границу Г. В. Плеханову, но из-за «примеси» народовольческой идеологии им одобрена не была.

Весной 1886 г. Г. Хлопин прибыл в отчий дом в Чердыне. В маленьком городишке, расположенный на севере Пермского края, на правом берегу реки Колвы (приток р. Вишеры, впадающей в р. Каму), с 4000 жителями в 308 км. от Перми, его отец как духовное лицо был известен всем и каждому. Однако, пишет Г. Хлопин в 1927 г., никаких неприятностей по службе отец из-за него не имел, так как в то время за «противоправительственные убеждения и деятельность детей родители и родственники не преследовались» [3, 132].

Еще в С.-Петербурге Григорий Хлопин получил предложение занять место лаборанта в губернской земской санитарной лаборатории (станции) в Перми, впредь до окончания поднадзорного состояния. В конце сентября Г. Хлопин переехал в Пермь и с наслаждением погрузился в организацию новой лаборатории и в любимые им химические исследования. Туда же в Пермь, в начале ноября 1886 г., приехала из Уфимской губернии его невеста — Екатерина Александровна Кавадерова (1865 — 1945), курсистка-естественница С.-Петербургских бестужевских женских курсов. 10 ноября они повенчались, несмотря на материальную необеспеченность Г. Хлопина (его жалование составляло 600 руб. в год). Спустя некоторое время их финансовое положение значительно улучшилось, так как по предложению губернской земской управы, Г. Хлопин занял место секретаря редакции периодического издания «Сборник Пермского земства».

Работа в земской лаборатории окончательно наметила дальнейшую специальность Г. Хлопина — гигиену. В напряженной лабораторной и литературной работе прошла зима и первая половина наступившего 1887 г. В семье уже начали строить планы, как после окончания поднадзора они переедут в Москву, где Хлопин поступит на медицинский факультет и будет специализироваться по гигиене у профессора Ф. Ф. Эрисмана. Но в начале лета в их квартире был произведен

обыск, по окончании которого Г. Хлопин арестован и отвезен в Пермскую тюрьму.

На лето 1887 г. приходится окончательный разгром группы Благоева. И хотя обыск у Хлопиных не дал никаких результатов и на единственном допросе Г. Хлопин отрицал все инкриминированные ему факты, через неделю его выпустили на поруки с обязательством снова уехать в Чердынь и только поздней осенью ему разрешили возвратиться в Пермь и занять прежние должности. В начале июня 1888 г., к моменту, когда срок высылки истек, ему был объявлен приговор по второму делу — 6 месяцев тюремного одиночного заключения и по окончании его еще один год поднадзора. Наказание Г. Хлопин отбывал в той же Пермской тюрьме, а затем получил разрешение оставаться в Перми и продолжить работу в земской лаборатории и земском журнале.

К этому времени освободилось место директора санитарной лаборатории и Г. Хлопина убедили участвовать в конкурсе на вакантную должность. Незадолго до окончания ссылки он получил известие, что он выиграл конкурс. Хотя возможность занять место директора лаборатории — 2400 руб. в год — решала вопрос о материальном существовании его семьи, которая 14/26 января 1890 г. пополнилась сыном Виталием, Г. Хлопин отклонил искушение.

Летом 1890 г. — по окончании ссылки — ликвидировав свои дела в земстве, Г. Хлопин с женой и сыном прибыли в Уфу — в Уфимской губернии у родственников осталась Екатерина Хлопина с сыном, а Григорий Хлопин уехал в Москву. Как имеющий диплом естественного отделения он был принят сразу на пятый семестр медицинского факультета Императорского Московского университета. В 1890 г. студент-медик Г. Хлопин впервые переступил порог кафедры гигиены, которую возглавлял Ф. Ф. Эрисман. Он представился профессору и выразил свое желание специализироваться по гигиене под его руководством, при этом передав ему свои труды, опубликованные им в период работы в земской санитарной

лаборатории. Федор Федорович сказал, что он уже знаком по журнальным публикациям с некоторыми его работами, и охотно предоставит Г. Хлопину место в лаборатории.

В обширную гигиеническую лабораторию профессора Эрисмана стекались для санитарной подготовки врачи со всей Российской империи, и не только земские, но и военные, городские и вольнопрактикующие. В эту же лабораторию присылались со всех концов страны для исследования образцы воды и других веществ. Некоторые из работавших в лаборатории, в том числе студент Г. Хлопин, оставались на летние каникулярные месяцы, чтобы этими анализами заработать себе средства существования на предстоящую зиму, а заключения по всем этим анализам писал сам профессор Эрисман, который блестяще умел одушевлять сухие цифры анализов и индивидуализировать каждый случай [5].

Пройдя полный курс медицинского факультета, 10/22 августа 1893 г. Г. Хлопин получил выпускное свидетельство. После этого в ноябре и декабре этого же года он подвергся испытанию в медицинской испытательной комиссии при Московском университете и 19/31 декабря 1893 г. был удостоен степени лекаря с отличием. После получения диплома Г. Хлопин остается у профессора Эрисмана. По представлению медицинского факультета, с разрешения министра народного просвещения (от 29 января / 10 февраля 1894 г.) он был оставлен университетом для приготовления к профессорскому званию по кафедре гигиены [6]. 9/21 февраля 1894 г. предложением попечителя Московского учебного округа Г. Хлопин утвержден в должности сверхштатного лаборанта при гигиенической лаборатории университета, что дало ему возможность получать 800 руб. в год из сумм сбора взимаемого за лечение больных в университетских клиниках [7].

Успешно были сданы испытания на степень доктора медицины за мартовскую и сентябрьскую конференцию 1894 г. В начале 1896 г. работа над диссертацией подошла к концу. 22 января /3 февраля 1896 г. на заседании совета медицинского

факультета Московского университета было постановлено — для рассмотрения научных достоинств диссертации Г. Хлопина под заголовком «К методике определения растворенного в воде кислорода. Сравнительная оценка наиболее употребительных способов определения растворенного в воде кислорода и важнейших санитарных критериев загрязнения питьевых вод» составить комиссию из профессоров Ф. Ф. Эрисмана, Л. З. Мороховца и В. А. Тихомирова [8]. 10/22 апреля 1896 г. публичная защита диссертации прошла успешно и 4/16 мая 1896 г. определением университетского совета Г. Хлопин был утвержден в степени доктора медицины [9-10].

К этому времени освободилась должность прозектора кафедры гигиены, так как С. Ф. Бубнов, её занимавший, перешел профессором в Юрьевский университет (ныне Тартуский, Эстония). 24 апреля/ 6 мая 1896 г. предложением попечителя Московского учебного округа сверхштатный лаборант Г. Хлопин был перемещен на должность прозектора при кафедре гигиены с содержанием 1500 руб. в год. Будучи летом в отпуске с семьей в Крыму Г. Хлопин узнал из газет об отставке профессора Ф. Ф. Эрисмана. Позднее Г. Хлопин напишет, что причина увольнения Ф. Ф. Эрисмана осталась неизвестной. Эрисман не вернулся после отпуска в Москву, остался в родной Швейцарии [5].

Дружеские отношения Г. Хлопина с Ф. Ф. Эрисманом сохранились до самой смерти последнего в 1915 г. Они поддерживались как письмами, так и личными свиданиями во время частых поездок Г. Хлопина с супругой за границу, причем Хлопины всегда заезжали к Ф. Ф. Эрисману то в Цюрих, то в Гунтен на озере Тун, где Эрисманы проводили лето.

В 1896 г. профессор Бубнов возвращается из Юрьева в Москву, чтобы занять вакантную кафедру гигиены, а Г. Хлопин 15/27 ноября 1896 г. назначается сверхштатным экстраординарным профессором Юрьевского университета по кафедре государственного врачеведения (так называлась кафедра гигиены). В 1899 г. Г. Хлопин стал ordinary профессором

фессором в том же университете.

В 1900 г. в Одессе был открыт медицинский факультет при Императорском Новороссийском университете. Согласно тогдашним планам, гигиена преподавалась на 4-м курсе два семестра (7 и 8 семестры). Кафедра гигиены Новороссийского университета должна была начать свою работу с 1 сентября 1903 г., но еще до этого в Министерство народного просвещения поступили просьбы от профессора Г. Хлопина и от московского приват-доцента П. Петермана иметь их ввиду как кандидатов на вакантную одесскую кафедру. 19 сентября / 2 октября 1902 г. министерство предложило Новороссийскому университету высказать свое мнение относительно научных и преподавательских достоинств кандидатов.

Медицинский факультет Новороссийского университета при обсуждении преподавательских и научных достоинств кандидатов на кафедру гигиены, на основании отзывов профессоров М. Б. Блауберга и А. К. Медведева (на труды профессора Г. Хлопина), Б. Ф. Вериги и А. Ф. Маньковского (на труды приват-доцента П. Петермана) в собрании своем 27 марта / 8 апреля 1903 г. состоявшегося выразил свою оценку кандидатов закрытой баллотировкой, при чем оказалось, что П. Петерман не получил ни одного избирательного шара, а Г. Хлопин оказался выбранным единогласно. В сообщении от 22. 04/5. 05. 1903 г. ректору университета об этих результатах сделано следующее заключение: «Таким образом, факультет имеет честь представить кандидатом своим на кафедру гигиены ординарного профессора Г. В. Хлопина и просит ходатайства Вашего Превосходительства об утверждении г. Хлопина в том же звании профессором по кафедре гигиены в возможно скорейшем времени, дабы новый профессор успел оборудовать и приготовить лабораторию к началу учебного осеннего семестра сего 1903 года. При сем возвращаются приложения; труды же и жизнеописание избранного кандидата остались при делах факультета» (подпись декана В. В. Подвысоцкого и секретаря факультета Н. А. Батуева). [11].

20 июня / 3 июля 1903 г. последовал Высочайший приказ о переводе ординарного профессора Юрьевского университета Г. Хлопина ординарным профессором в Новороссийский университет с 3 тыс. рублей содержания в год (жалование — 2400, столовых — 300, квартирных — 300). 5/18 августа 1903 г. профессор Г. Хлопин передал имущество гигиенической лаборатории декану медицинского факультета и отбыл в Одессу. Л. М. Горовиц-Власова на торжественном заседании, посвященном памяти Г. В. Хлопина (24.01. 1930, Ленинград), так описала внешний облик своего учителя. Даже с внешней стороны, сказала она, профессор привлекал к себе внимание: «...высокий могучий рост, исполненная достоинства манера держать себя и тонкая мудрая усмешка человека, который много и много видел на своем веку и знает все оттенки великой «человеческой комедии» [12].

В нашем городе Хлопины жили на улице Надежденской (теперь Гоголя), в доме под номером 16 [13]. Семья профессора к этому времени состояла из супруги и двух детей. Виталий — старший сын (тот самый, который внесет решающий вклад в создание у нас атомной промышленности) — в Одессе продолжил среднее образование в 4-й гимназии [14]. В 1897 г. в Юрьеве родился младший сын — Николай, ставший впоследствии гистологом, академиком Академии медицинских наук СССР. В. Вернадский, учитель радиохимика В. Г. Хлопина, в некрологе его отца, Григория Витальевича Хлопина, напишет, что последний имел счастье видеть, как по его пути — пути служения науке — пошли оба его сына. [15]

Политическое прошлое Г. Хлопина заставляло политический сыск внимательно приглядывать за профессором. В 1927 г., после того как прошло десять лет как ушел в историю старый царский строй, Г. Хлопин напишет, что когда он был освобожден от тайного надзора политической полиции, он продолжал находиться под внимательным контролем полиции даже тогда, когда был уже профессором в Одессе и в С.-Петербурге. Конечно, Г. Хлопин понимал, что установивший-

ся строй является более жестким, чем прежний, и, вспоминая прежнюю, досоветскую жизнь, напишет: «Правительство никогда не ставило препятствий моим выездам за границу, куда я ездил и один, и с семьей весьма часто, оно даже неоднократно давало мне ответственные поручения по моей специальности, как за границу, так и внутри страны.» [3, 140]

Следуя традиции, профессор Г. Хлопин посвятил первую одесскую вступительную лекцию своего курса «Роли санитарных мероприятий в борьбе за долголетие». Опубликована она была им в петербургском литературном и научно-популярном журнале «Мир Божий», который пользовался популярностью среди интеллигенции. Г. Хлопин обращал внимание, что в ряде развитых странах Западной Европы в последней трети XIX века смертность населения существенно уменьшалась, а это было связано, прежде всего, с успехами борьбы с инфекционными болезнями. В этих государствах одновременно, систематически и настойчиво проводились мероприятия, направленные на оздоровление внешней среды — почвы, воздуха, воды, которые были дополнены реформами жилых помещений — распоряжения против скученности населения, а также указаниями относительно содержания меблированных комнат и других подобного рода учреждений. Борьба с заразными болезнями являлась борьбой за долголетие. В XIX веке против некоторых инфекций появились специфические средства — вакцины и сыворотки; но задачи гигиены значительно шире, а средства к охранению и улучшению здоровья разнообразнее, чем предохранительные прививки, резюмировал Г. Хлопин [16].

Необходимо сказать о Г. Хлопине как о лекторе. Уже цитируемая Л. М. Горовиц-Власова свидетельствовала, что «...как лектор он относился к своим обязанностям с совершенно исключительной добросовестностью и вниманием — достаточно указать, что, несмотря на весь свой огромный лекторский опыт, он никогда не выходил на кафедру, не подготовив предварительно лекции, не просмотрев по своим записям ее конспекта и не проверив приготовленного демонст-

рационального материала. Изложению его, может быть, не хватало той внешней живости, которая бывает часто нужна, чтобы овладеть вниманием молодой и подвижной студенческой аудитории, но более зрелые слушатели на курсах для усовершенствования врачей не могли не воздавать должное этим лекциям, исключительным по стройности плана, богатству материала и полноте освещения вопроса; немалую ценность придавало и обилие таблиц и диаграмм, демонстрация приборов для санитарных исследований, которыми он щедро иллюстрировал свое изложение» [12, 6 – 7].

Опыт работы на кафедре гигиены профессора Ф. Ф. Эрисмана и почти шестилетняя деятельность в Юрьеве в качестве заведующего кафедрой помогли Г. Хлопину создать кафедру в Одессе и оборудовать при ней современную лабораторию. Для кафедры гигиены с лабораторией было отведено все левое крыло последнего этажа здания Медицинских лабораторий (в той части корпуса, которая ближе к ул. Пастера). Ныне это главный учебный корпус Одесского национального медицинского университета – ул. Ольгиевская, 4. К началу осеннего семестра 1903 г. помещение гигиенической лаборатории состояло из голых стен, полов и потолков, поэтому внутреннее оборудование нужно было начать с мебели, приспособлений по снабжению водой, газом, электричеством и закончить лабораторными принадлежностями и приборами, необходимыми как для демонстраций на лекциях, так для практических занятий студентов, для научных работ врачей, лаборанта и профессора.

В течение одного осеннего семестра Г. Хлопину удалось оборудовать гигиеническую лабораторию не только мебелью, газом, водой, но и лабораторными принадлежностями, химической и бактериологической посудой и реактивами. Так как в осеннем семестре лаборатория не была оборудована, студентам VII семестра было начато чтение лекций по гигиене по 6 часов в неделю, вместо положенных по расписанию 4-х, с целью заполнить те два часа в неделю, которые положены для обязательных практических занятий. Последние за отсут-

ствием внутреннего устройства гигиенической лаборатории были перенесены на ближайший весенний семестр. С началом же весеннего семестра 1904 г. было начато проведение обязательных практических занятий два раза в неделю по два часа, разделив курс на две большие группы, ок. 50 человек каждая. С началом весеннего семестра гигиеническая лаборатория открыла свои двери и врачам, фармацевтам и студентам, желающим вести специальные научные исследования.

Столь быстрое приспособление лаборатории потребовало значительных единовременных расходов. На это не только была израсходована сумма в 6 тыс. руб., ассигнованная на первоначальное оборудование лаборатории, но и сверх того в счет будущих ассигнований были сделаны заказы, необходимые для дальнейшего ее обустройства. В отчете за 1903 г. Г. Хлопин посчитал необходимым отметить, что гигиеническая лаборатория Юрьевского университета при маленьком помещении, при более чем скромной учебно-вспомогательной обстановке имеет инвентарь (без стеклянной посуды и реактивов) почти в 9 тыс. руб. и годовой бюджет в 1200 – 1300 руб. Поэтому, по мнению Г. Хлопина, годовой бюджет одесской лаборатории в 1450 руб. (из них постоянная штатная сумма 650 руб. и добавочная сумма из специальных средств 600 руб.) для такого многолюдного факультета, как медицинский факультет Новороссийского университета, следует признать крайне скромным. Он утверждал, что необходимы дальнейшие ассигнования на пополнения инвентаря лаборатории приборами и инструментами.

Научные труды, выполненные в лаборатории кафедры, стали формировать выходящий под редакцией Г. Хлопина «Сборник работ гигиенической лаборатории Императорского Новороссийского университета». Г. Хлопин успел подготовить первый выпуск, который увидел свет в 1904 г.

Штат одесской кафедры состоял из профессора и одного штатного лаборанта с жалованием в 800 руб. в год, без квартиры. Г. Хлопин сравнивает со штатом кафедры гигиены Московского университета, где имелись две штатные хорошо

оплачиваемые должности — прозектора (1500 руб.) и консерватора музея (1000 руб.). Усиление штата, на основании сказанного, являлось, по мнению Г. Хлопина, насущной потребностью кафедры [17].

Лаборантом кафедры по ходатайству Г. Хлопина стал Александр Иванович Раммуль (1875 — 1949), который был сверхштатным ассистентом на юрьевской кафедре Г. Хлопина. Зная о предполагаемом переезде своего руководителя в Одессу, А. Раммуль еще 14/27 апреля 1903 г. пишет прошение в медицинский факультет Новороссийского университета о назначении его лаборантом гигиенической лаборатории и на его прошение Г. Хлопин делает приписку с просьбой поддержать его ученика. А. Раммуль был избран факультетом (10/23 сентября 1903 г.) и 10/23 ноября 1903 г. попечитель Одесского учебного округа изъявил согласие на его назначение в Одессу.

Профессор Г. Хлопин откликнулся на просьбы и предложения, высказанные в совете медицинского факультета Новороссийского университета, о проведении санитарной оценки систем центрального отопления и вентиляции в построенных факультетских зданиях — Медицинских лабораторий и факультетской хирургической клиники (II-й клинический корпус; ул. Пастера, 7). Соответствующее исследование было проведено его лаборантом А. Раммулем, а затем представлено им в качестве диссертации на степень доктора медицины. Успешная защита состоялась на медицинском факультете в Одессе в 1909 г. [18].

А. Раммуль уехал из Одессы после того, как покинул Новороссийский университет Г. Хлопин — уволен от занимаемой должности согласно прошению 22 февраля / 6 марта 1905 г. [19]. В 1915 — 1920 гг. он возглавлял кафедру гигиены в Казанском университете, а в 1920 — 1940 гг. — в Тартуском университете (в независимой Эстонии), продолжая поддерживать со своим учителем связь, обмениваясь с ним литературой.

Из Юрьева вслед за Г. Хлопиным приехал в Одессу и Константин Эрастович Добровольский (1867 — 1946). В юрьевской лаборатории Г. Хлопина он начал исследование о чув-

ствительности наиболее употребляемых в санитарной практике методах определения каменноугольных красок. В одесской лаборатории Г. Хлопина, работая без всякого вознаграждения, он закончил это исследование [20]. 23 мая/5 июня 1904 г. на публичном заседании медицинского факультета Новороссийского университета он успешно защитил диссертацию и 27 мая/9 июня 1904 г. Советом университета был утвержден в степени доктора медицины. [21]

К. Э. Добровольский последовал за Г. Хлопиным в С.-Петербург. Затем в 1910 – 1914 гг. он стал заведующим кафедры гигиены в Императорском Казанском университету, а с 1914 г. – одноименной кафедры на медицинском факультете Императорского университета Святого Владимира в Киеве.

На медицинском факультете Новороссийского университета защитил диссертацию (в 1904 г.) еще один ученик Г. Хлопина – Иван Мартынович Брикман (1874 – ?). В 1899 г. в Юрьевском университете он получил диплом провизора и с 1902 г. по предложению Г. Хлопина в его лаборатории в Юрьеве проводил исследование глиняной глазированной свинцом посуды в санитарном отношении. В связи с переездом Г. Хлопина в Одессу он завершил свою работу в Одессе, оформив ее в качестве диссертации на степень магистра фармации [22].

В одесской гигиенической лаборатории Г. Хлопина проводил исследования и питомец Юрьевского университета, провизор Эдуард Карлович Мезинг (1867 – ?). Он родился в имении Керстенгоф Лифляндской губернии (ныне Kdrstna, Эстония). С 1900 г. он работал лаборантом химической лаборатории Средне-Азиатской казенной железной дороги. Под руководством Г. Хлопина Э. Мезинг выполнил диссертационную работу на степень магистра фармации «Химическое исследование источников водоснабжения Закаспийской области», успешная защита которой состоялась в Императорской С.-Петербургской военно-медицинской академии в 1907 г. [23]. С 1911 г. Э. Мезинг был сверхштатным лаборантом кафедры фармации и фармакогнозии Новороссийского (Одесского) университета

[24], а с 1924 г. — профессором Одесского химико-фармацевтического института. В 1925 г., как видно из архивного дела, он уволился из вуза в связи с «переездом за границу» [25].

4-11 (17-24) января 1904 г. в Петербурге проходил IX-й Пироговский съезд. В досоветский период эти всероссийские съезды были наиболее представительными форумами врачебной общественности империи. Так IX-й съезд собрал 2136 делегатов со всех уголков страны и на его заседаниях было сделано 368 докладов (в 177-ми заседаниях 27-ми секций). Открылся съезд общим публичным собранием в большом зале Дома петербургского дворянства (в Дворянском собрании). На этом заседании были заслушаны две речи — московского хирурга профессора П. И. Дьяконова и профессора Г. Хлопина. Выступление Г. Хлопина «Обладает ли алкоголь питательными свойствами?» вызвало повышенный интерес, хотя профессор и рекомендовал отказаться от антисанитарной идеи предлагать алкоголь в качестве пищевого вещества [26].

В 1903 г. в Одессе, по распоряжению градоначальника, была образована комиссия по обсуждению мер по преобразованию надзора за проституцией. К работе в этой комиссии привлекался и Г. Хлопин (заседания 9/21.12.1903 г. — 20.05/2.06.1904 г.) [27]. В то время весь надзор за проституцией был в руках местной полиции и в том виде, в каком он существовал, давал неудовлетворительные результаты. Предлагалось отделение санитарной части надзора от полицейской с возложением санитарных функций на городское общественное управление, а полицейских — на полицию. Григорий Витальевич представил свои соображения относительно желательности реорганизации надзора за проституцией в Одессе [28]. Он считал, что целесообразно передать дело по надзору за проституцией всецело в ведение общественного управления, предоставив ему же выработать и самый способ такого надзора. К этому мнению профессора единогласно присоединилась комиссия.

Еще в 1897 г. в Одессе были учреждены первые семь участковых санитарных попечительств, а в дальнейшем число

их увеличилось. О настоятельной потребности иметь их в городе было сказано за год до этого в докладе комиссии Общества одесских врачей по поводу эпидемии скарлатины: «Только при сознательном и деятельном участии самого населения в выполнении разнообразных санитарных требований возможно более или менее полное проведение их в жизнь, поэтому Общество одесских врачей настоятельно рекомендует организацию постоянных санитарных попечительств во всех участках города» [29]. Попечительства наблюдали за выполнением обязательных постановлений Одесской городской думы, занимались изучением санитарных нужд своих участков. Результатом стали соответствующие ходатайства перед городским общественным управлением.

По приезде в Одессу Г. Хлопин был единогласно избран председателем Портового санитарного попечительства и состоял им до своего отъезда в столицу [30]. Деятельность санитарных органов городского общественного управления находилась под наблюдением и руководством городской исполнительной санитарной комиссии, члены которой выбирались Одесской городской думой из состава гласных. Председатели санитарных попечительств приглашались для работы в этой санитарной комиссии и Г. Хлопин, как председатель одного из участковых попечительств, также участвует в их заседаниях (2/15 октября 1903 г. – 23 сентября / 6 ноября 1904 г.) [31-32].

В ноябре 1904 г. Г. Хлопин был назначен ординарным профессором С.-Петербургского женского медицинского института и заведующим врачебно-санитарной частью ведомый департамента Министерства народного просвещения. Так закончился одесский период его жизни и деятельности и начался последний – петербургский (петроградский, ленинградский). Возможно не все было сделано, чтобы удержать профессора в Одессе, а для этого надо было создать ему здесь более благоприятные условия для научной работы. Так, в своем отчете за 1903 г. Г. Хлопин обращал внимание администрации университета на желательность улучшить обеспечение

гигиенической лаборатории и указывал, что есть настоящая необходимость увеличить штат кафедры.

В столице в 1906 г. Г. Хлопин возглавит и кафедру гигиены в Клиническом институте Великой княгини Елены Павловны, а в 1918 г. — в Военно-медицинской академии. Летом 1928 г. он отдыхал в местечке Цихисдзири около Батуми, 30 июля 1928 г. смерть застигла его за письменным столом в тот момент, когда он был занят любимой научно-литературной работой. Похоронен Григорий Витальевич в Петербурге на Смоленском кладбище.

Оценивать деятельность профессора Г. Хлопина в Одессе можно с двух позиций — чем явился для него одесский период и что дала его работа Новороссийскому университету. Для Г. Хлопина его пребывание в Одессе было ещё одной ступенькой, после Юрьевского университета, к переезду в столицу, где для него открывались новые перспективы. Хотя, как и Юрьевский университет, Новороссийский был провинциальным вузом, однако ученые с удовольствием переезжали из небольшого Юрьева в один из крупнейших городов империи, каким была Одесса, что положительно отражалось на комплектовании кадровым составом одесского вуза.

Для Новороссийского университета важно было заполучить крупнейшего отечественного гигиениста. Это тем более было важно для университета в Одессе, так как необходимо было создать кафедру гигиены с нуля и это мог сделать и блестяще осуществил Г. Хлопин. В 1915 г. Григорий Витальевич с гордостью говорил, что, конечно, по помещению, богатому оборудованию, учебно-вспомогательным пособиям и обширному штату помощников профессора гигиеническая лаборатория Московского университета является лучшей в Российской империи, но с ней, до известной степени, можно сравнить оборудованную им в 1903 — 1904 гг. обширную и гигиеническую лабораторию в Новороссийском университете [33].

* * *

В 1913 г. А. Н. Марзеев, ставший в советские годы крупным гигиенистом, специально приехал в С.-Петербург, чтобы пройти усовершенствование у Г. Хлопина. Он вспоминал: «Что поражало в Хлопине — это его универсальность. Он в совершенстве знал все разделы гигиены: коммунальной, питания, профессиональной, школьной, социальной. Поэтому-то он мог писать свои известные, до сих пор сохранившие большую познавательную ценность учебники и «Основы гигиены». Он был теоретиком, экспериментатором, блестящим лабораторным работником и в то же время он знал практическую санитарную работу. Он умел привлекать к себе учеников и сотрудников и создал в России гигиеническую школу, плеяду талантливых гигиенистов и видных санитарных деятелей» [34].

Литература:

1. Грабовская Л.И. Г.В. Хлопин в Одессе / Л.И. Грабовская // Врачебное дело. — 1955. — № 2. — С. 171-172.

2. Центральный исторический архив г. Москвы (далее ЦИАМ). — Ф. 418. — Оп. 304. — Д. 790. — 29 л. (Дело канцелярии инспектора студентов Императорского Московского университета о принятии в студенты Хлопина Григория).

3. Хлопин Г. В. Из воспоминаний студента восьмидесятых годов / Г.В. Хлопин // Юбилейный сборник Военно-медицинской академии, посвященный 10-й годовщине Октябрьской революции. — Л., 1927. — С. 117-140.

4. Харитонов В.Г. Из воспоминаний участника группы Благоева / В.Г. Харитонов // Пролетарская революция. — 1928. — № 8. — С. 152-163.

5. Хлопин Г.В. Из воспоминаний о Ф.Ф. Эрисмане / Г.В. Хлопин // Русская школа. — 1916. — № 4. — С. 24-36.

6. ЦИАМ. — Ф. 418. — Оп. 401. — Д. 62. — 12 л. (Об оставлении при университете для приготовления к профессорскому званию Григория Хлопина).

7. ЦИАМ. — Ф. 418. — Оп. 62. — Д. 385. — 47 л. (Об утверждении В.Г. Хлопина в должности сверхштатного лаборанта при гигиенической лаборатории).

8. ЦИАМ. — Ф. 418. — Оп. 403. — Д. 166. — Лл. 16-28 об.

(Журналы заседаний медицинского факультета Московского университета за 1896 г.).

9. ЦИАМ. — Ф. 418. — Оп. 65. — Д. 207. — 14 л. (О защите лекарем Григорием Хлопиным диссертации на степень доктора медицины).

10. ЦИАМ. — Ф. 418. — Оп. 403. — Д. 13. — 14 л. (Дело Совета Императорского Московского совета о диссертации Хлопина на степень доктора медицины).

11. Государственный архив Одесской области. — Ф. 45. — Оп. 4. — Д. 1723. — 31 л. (Дело о службе Г.В. Хлопина).

12. Горовиц-Власова Л.М. Памяти Григория Витальевича Хлопина / Л.М. Горовиц-Власова // Гигиена и эпидемиология. — 1930. — № 11-12. — С. 3-9.

13. Адрес-календарь Одесского градоначальства на 1904 г. — Одесса, 1904. — С. 424.

14. Вдовенко В.М. Академик В.Г. Хлопин. Научная деятельность / В.М. Вдовенко. — М., 1962. — С. 7.

15. Вернадский В.И. Памяти Г.В. Хлопина / В.И. Вернадский // Природа. — 1930. — № 1. — С. 93-96.

16. Хлопин Г.В. Роль санитарных мероприятий в борьбе за долголетие / Г.В. Хлопин // Мир божий. — 1904. — № 4. — С. 249-265.

17. Лаборатория гигиены // Отчет о состоянии и деятельности Императорского Новороссийского университета за 1903 г. Составил по поручению Совета университета проф. П.Е. Казанский. — Одесса, 1904. — С. 96-99. (Отчет лаборатории гигиены не подписан, но в предисловии проф. Казанский отметил, что отчет лаборатории представлен проф. Хлопиным).

18. Раммуль А.И. Материалы к санитарной оценке некоторых систем центрального отопления и вентиляции. Санитарное исследование центрального парового отопления и вентиляции в здании медицинских лабораторий и в хирургической клинике Новороссийского университета / А.И. Раммуль. — М., 1909. — 110 с.

19. ГА ОО. — Ф. 45. — Оп. 4. — Д. 1575. — 35 л. (Дело о службе А.И. Раммуля).

20. Добровольский К. Э. Исследование чувствительности наиболее употребительных в санитарной практике способов определения каменноугольных красок / К.Э. Добровольский. — Одесса, 1904. — 207 с.

21. ГА ОО. — Ф. 45. — Оп. 4. — Д. 1256. — 24 л. (Дело о службе К.Э. Добровольского).

22. Брикман И. М. Исследование глиняной глазированной свинцом посуды в санитарном отношении /И. М. Брикман. — Юрьев, 1904. — 59 с.
23. Мезинг Э. К. Химическое исследование источников водоснабжения Закаспийской области /Э.К. Мезинг. СПб., 1907. — 166, 20 с.
24. ГА ОО. — Ф. 45. — Оп. 4. — Д. 1435. — 22 л. (Дело о службе Э.К. Мезинга).
25. ГА ОО. — Ф. Р-1989. — Оп. 1. — Д. 20. — ЛЛ. 10 об. — 11.
26. Хлопин Г. В. Обладает ли алкоголь питательными свойствами? Речь, произнесенная на общем собрании IX Пироговского съезда в С.-Петербурге /Г.В. Хлопин. — СПб., 1906. — 20 с.
27. Протоколы заседаний комиссии по преобразованию надзора за проституцией в г. Одессе // Сведения о врачебно-санитарной организации и эпидемических заболеваниях г. Одессы. — 1904. — № 17 (185). — С. 555-607.
28. Хлопин Г.В. Замечания и соображения относительно желательности реорганизации надзора за проституцией в г. Одессе // Сведения о врачебно-санитарной организации и эпидемических заболеваниях г. Одессы. — 1904. — № 17 (185). — С. 587-599.
29. Доклад комиссии, назначенной Обществом одесских врачей по поводу господствующей в г. Одессе эпидемии скарлатины // Известия Одесской городской думы. — 1897. — № 1. — С. 92.
30. Отчет о деятельности Портового санитарного попечительства за 1903 год // Сведения о врачебно-санитарной организации и эпидемических заболеваниях г. Одессы. — 1904. — № 18 (186). — С. 638-643.
31. Протокол заседания санитарной комиссии. 2 октября 1903 г. // Сведения о врачебно-санитарной организации и эпидемических заболеваниях г. Одессы. — 1903. — № 19 (163). — С. 804-809.
32. Протокол заседания санитарной комиссии. 23 сентября 1904 г. // Сведения о врачебно-санитарной организации и эпидемических заболеваниях г. Одессы. — 1904. — № 20 (188). — С. 696-700.
33. Хлопин Г. В. Ф. Ф. Эрисман, как ученый и профессор // Речь, произнесенная в соединенном заседании всех секций Русского общества охранения народного здоровья в Петрограде 4 декабря 1915 г. — Пг., 1916. — 25 с.
34. Марзеев А. Н. Записки санитарного врача. — К., 1965. — С. 49.

КНИЖНАЯ ПОЛКА КРАЕВЕДА

Михаил Бутов,
*писатель, лауреат российской
букеровской премии 1999 г.
Заместитель главного редактора
журнала «Новый мир» (Москва).*

«ЖЕМЧУЖИНА У МОРЯ» НА ПРОСВЕТ
Отзыв на книгу В. Савченко «Неофициальная Одесса
эпохи НЭПа 1921–1929». – М., РОССПЭН. 2012 //
Московский книжный журнал. 18.10.2012.
morebo.ru/tema

Историк Виктор Савченко специализируется на истории Украины (с особым вниманием к Одессе) в революционные и соответствующие пред- и постгоды и занят своим делом плотно. Его перу принадлежат уже добрых полтора-два десятка (смотря как считать соавторство) книг, выпущенных главным образом на Украине. Данная работа вышла в серии «Истории сталинизма», хотя тема тут не вполне соответствует — строго говоря, то, что мы называем сталинским периодом, в полной мере «вступает в силу» к 1929 году, то есть история сталинизма начинается как раз там, где книга заканчивается.

Броские названия книг Савченко, стиль его презентации в Сети провоцируют априори заподозрить в нем поп-историка. К счастью, ничего подобного не обнаруживается. Более того, приемчикам болтливых поп-историков метод Савченко решительно противоположен. В советских газетах это называлось: «говорить сухим языком факта» (хотя отправлялся читатель под этим соусом как правило в реальность исключительно символическую, в пространство идеологических заклинаний). Авторский комментарий в книге Савченко играет роль лишь коротких служебных связок между прямым изложением фактов, цитатами, разнообразными статистическими данными. Собственная позиция автора и отношение к событиям

проявляются только через «настройку» информационного фильтра. Угадать это отношение, впрочем, несложно.

Это весьма серьезная историческая работа — и, судя по всему, первопроходческая (ранее Савченко выпустил в соавторстве книгу «Одесса в эпоху войн и революций. 1914-1920», выполненную в том же ключе). Используются статистика, официальные документы, газетные материалы, литературные и частные мемуары, частная переписка. Вроде бы ничего удивительного, так и положено в историческом исследовании, но именно плотность данных производит впечатление. От многого, приведенного здесь, распространяется прямо-таки аура неизвестного — такие сведения нужно именно «отрыть», а для этого немало потрудиться. И главное, с этой массой сведений автор с завидным умением справился и создал на «сухом языке» пускай и не «документальный триллер» (есть такой ярлык для рекламы нон-фикшн), но весьма связанное и довольно напряженное повествование.

Главы книги посвящены трем «подпериодам» нэпа: катастрофическому, голодному 1921-1923 годов, расцвету в 1923-1927-м, фазе свертывания в 1927-1929-м; одесскому политическому подполью и борьбе с ним ЧК-ОГПУ; пролетарским протестам; отношению власти к «бывшим» — спецам, интеллигенции, положению и составу студенчества; инспирированному властью процессу украинизации; одесской «новой элите» — коммунистам и нэпманам; отношениям власти и религии; еврейскому вопросу — сионизму, истории еврейских партий и антисемитизму в Одессе; и наконец — разумеется! — легендарной Одессе-маме: преступности и проституции. В итоге получилась полная и выразительная картина социальной жизни в городе, не опосредованная советским газетным, статистическим, историческим официозом. Конечно помимо изложенного Савченко в Одессе в те годы происходило и много других вещей, по инерции (и, возможно, не напрасно) помеченных у нас в сознании как «хорошие», «правильные», «светлые» — создавались, например, пионерские организации, или

что там еще нелюдоедского составляет легенду о ранней советской власти... Но в заглавии потому и сказано о «неофициальной» Одессе: автора интересует прежде всего то, что советская власть хотя и не могла в свое время игнорировать, но предпочитала ни тогда, ни потом широко не озвучивать, что чаще всего официально обсуждалось только на уровне соответствующих ведомств.

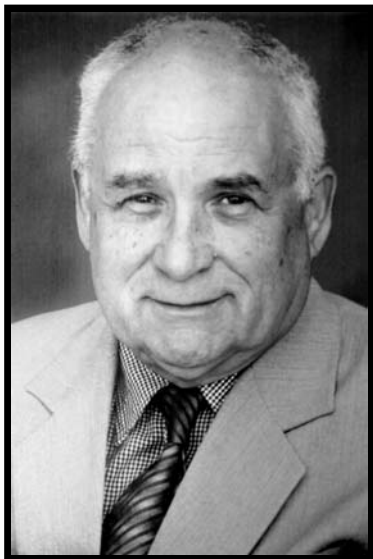
Знаменитый «одесский миф» не похож на другие — скажем, на петербургский, созданный писателями. Его никто не создавал, он не на страницах, а прямо тут, на улицах, в событиях, о которых пишет Савченко, даже в цифрах. В городе, где почти половину населения составляли евреи, создавшие свой особый быт, язык, систему общественных отношений, где в отдельные годы каждая восьмая женщина занималась проституцией, где школьники образовали «Общество советских хулиганов», а милиционеры из уголовки выпускали по ночам арестованных «на работу» — совершать ограбления, любые вроде бы общие для эпохи процессы принимали особую форму: не то чтобы утрированную, но очень индивидуализированную. Злодеи, начальники, жертвы, ловкачи и хитрецы (чаще всего их трудно разделить) здесь не просто архетипические, но каждый еще и сам по себе фигура, если и не мифические персонажи, то весьма близкие к ним. Порой кажется, что читаешь страницы из какого-то большевистского Геродота — о первых людях, первых злодействах, первых пороках новой истории. Правда, несколько не хватает первых подвигов. Нэп — время явно не для них, хотя впоследствии советская пропаганда насочиняет их немало. Здесь пока еще все во всем. Молодой милиционер, сражаясь с бандитами, как-то незаметно и сам перетекает в бандита, а затем, приговоренный к расстрелу, вместо этого таинственным образом преобразуется в достойного совгражданина, столичного журналиста и писателя — напомним, это повороты судьбы Александра Казачинского, автора знаменитой «одесской» повести «Зеленый фургон». Советская власть, справившись с очевид-

ными врагами, начинает разделяться в себе и пока еще в нерешительности, что делать с собственными порождениями. Но вскоре разберется.

Нынешнее состояние умов таково, что опять стал очень болезненным вульгарный вопрос о личной позиции историка: считает он большевиков, Сталина, советскую власть хорошими или плохими, верит, что польских офицеров в Козьих Горах расстреляли «наши» или немцы и т.д. — в блогосфере, например, чаще всего именно это в первую и обсуждается, если берутся оценивать качество и обоснованность суждений. Вдобавок историческое «рассуждение» сильно скомпрометировано фантазийными популяризаторами вроде Э. Радзинского. Книжки по отечественной истории двадцатого века, в которых фактам, документам, числам позволено говорить самим за себя, практически без авторского «поддерживающего» сопровождения, появляются все чаще (скажем, в шорт-лист премии «Просветитель» нынешнего года вошла отличная подобная книга Б. Ковалева «Повседневная жизнь населения России в период нацистской оккупации»), и за ними закрепляется статус особой убедительности. Хочется верить, что они способны сыграть свою роль в коррекции очередных нарождающихся — и постоянно возрождающихся — в общественном сознании пряничных образов «советского».

Некролог

ГОНТАР ОЛЕКСАНДР ВАСИЛЬОВИЧ
(1934 – 2012)

4 грудня 2012 р. після важкої, долготривалої хвороби пішов з життя шановний колега, відомий історик, доктор історичних наук, професор, член редакційної ради нашого альманаху від дня заснування Олександр Васильович Гонтар.

Олександр Васильович народився в Одесі в інтелігентній українській родині 21 жовтня 1934 р. Його батько — Василь Максимович Гонтар — закінчив ОІНО і викладав математику і фізику в Одеській школі міліції, після війни вчителював в одеських середніх школах, мати —

Антонина Григорівна Лавриненко-Гонтар — родичка відомого українського літературознавця Юрія Андріяновича Лавріненко*. Вона все життя викладала українську мову в одеських школах (родина мешкала в центрі міста — у Лютеранському провулку).

В 1958 р. О. В. Гонтар закінчив історичний факультет

* Ю. А. Лавріненко (псевдо — Юрій Дивнич) — (1905 — 1987) — український публіцист, есеїст, редактор. З 1944 р. — на еміграції, в США став укладачем антології «Розстріляне відродження». Автор досліджень про письменників-сучасників: М. Рильського, М. Семенка, Т. Осьмачку, Є. Маланюка, І. Сенченка, М. Бажана. П. Тичину.

Одеського державного університету ім. І. І. Мечникова (був серед кращих студентів на курсі, набув фахову підготовку з історії України під керівництвом доц. С. Ковбасюка). Ще займаючись в університеті, друкував свої замітки і статті в університетській газеті «За наукові кадри». Після одержання диплому молодий педагог два роки працював вчителем сільської школи в Одеській області.

Трудовий шлях Олександр Васильович розпочав у 1958 р. учителем історії Ліснянської середньої школи Бородинського (Тарутинського) району Одеської області. Працював молодшим співробітником – керівником музею Антарктичних китобійних флотилій «Слава» і «Радянська Україна» в Одесі (1960 – 1963), інструктором Одеської обласної ради профспілок (1963 – 1971), громадським кореспондентом журналу «Советские профсоюзи» (Москва). Але заняття історією не припиняв, і ця любов до науки привела його в аспірантури. В 1967 -1971 рр. він проходив заочну аспірантуру при кафедрі історії профспілок СРСР Московської Вищої школи профруху ВЦРПС (науковий керівник професор П. Кабанов).

В 1974 р. захистив у спецраді Одеського держуніверситету кандидатську дисертацію на тему: «Участь профспілок України в організації та управлінні соціалістичним виробництвом у відбудовчий період (1921-1925 рр.)». В 1974 – 1977 рр. він був відповідальним редактором багатотиражної газети Одеського держуніверситету ім. І. І. Мечникова «За наукові кадри».

Згодом він став викладачем кафедри історії КПРС та філософії Одеського інституту інженерів морського флоту (сьогодні – Морський університет) (1971 – 1973), старшим викладачем, доцентом, професором кафедри історії СРСР Одеського держуніверситету ім. І. І. Мечникова (1977 – 1993).

В 1991 р. в Київському університеті ім. Т. Шевченка захистив докторську дисертацію: «Міські ради України: історія становлення та розвитку (1920 – 1930-ті роки)». Незабаром він став завідуючим кафедри українознавства та культурології Одеського державного медичного університету (1993 –

1999), а з 2000 р. — професором кафедри соціально-економічних дисциплін Одеського інституту внутрішніх справ МВС України, завідуючим кафедри історії державності України — українознавства (з 2001) Одеського державного університету внутрішніх справ.

В 1993 — 2000 рр. він був членом спеціалізованої ради по захисту дисертації зі спеціальності «Політичні науки» при Одеській національній юридичній академії, з 2000 р. — член спеціалізованої ради по захисту дисертацій зі спеціальності «Історія України» при Одеському національному університеті ім. І. І. Мечникова. Олександр Васильович організовував та проводив міжнародні наукові конференції: «Відродження української державності: проблеми історії та культури» (1996), в 2005 — 2009 рр. — міжнародні конференції під загальною назвою «Революції ХХ-ХХІ ст. в Україні: співзвуччя епох» (в ОДУВС). Він був членом редколегій наукових видань: «Вісник Одеського інституту внутрішніх справ», «Південноукраїнський правничий часопис», «Юго-Запад Одессика — Південний Захід. Одессика». Був нагороджений Почесною Грамотою МОЗ України (1995) та знаком «Відмінник освіти України» Міносвіти України (1997).

Наукові інтереси Олександра Васильовича були пов'язані із проблемами історії України 1910-х — 1930-х рр. (історія робітничого класу України, профспілок, міського самоврядування, народної освіти, міжпартійних відносин у 1920 — 30 рр., сталінських репресій, діяльності місцевих органів Української Центральної Ради, історії культури. Науковій доробок Олександра Васильовича складає бл. 350 публікацій, серед яких: монографія «Городские Советы Украины: история становления и развития (20-30-е годы)». — К.-Одеса, 1990; колективна монографія «Історія Одеси. Історико-краєзнавчі нариси». — Одеса, 2002 (член редколегії, автор розділу «Між двома війнами (20-30-ті роки)»; колективна монографія «Поступь Великого Октября. Из истории революционных и трудовых традиций советского рабочего класса юга Украины». — К. — Одеса, 1989; колективна монографія «Одесский

університет. 1865-1990». – К., 1991; колективна монографія «Історія Одеського університету (1865-2000)». – Одеса, 2000; «Історія Одеси. Історико-краєзнавчі нариси». Колектив авторів. – Одеса: «Друк», 2002, 560 с. (член редколегії, автор розділу «Між двома війнами (20-30-ті роки)»).

О. В. Гонтар автор статей наукового, науково-методичного, науково-популярного характеру: Участие профсоюза водников в организации и управлении производством // Сб. науч. трудов ОИИМФ. – Одесса, 1973; Економічні відділи профспілок України та їх участь в організації та управлінні виробництвом у 1920-1921 рр.// Питання історії СРСР. – Харків, Вип. 17. 1974; Передумови створення виробничих нарад на соціалістичних підприємствах// Питання історії СРСР. – Харків, 1976, Вип. 21; К истории создания Украинского республиканского совета профсоюзов. // Вопросы истории СССР. – Харків, 1981, Вип. 26; Материалы о работе В.П.Потемкина в Одессе.// Советские архивы. – М., 1981, №2; На кафедрах отечественной истории Одесского государственного университета им. И. И.Мечникова.// История СССР. – М., 1982, №3; В. П. Потемкин – заведующий губнаробразом // Советская педагогика. – М., 1983, №4; Історичні дослідження: Вітчизняна історія. Міжреспубліканський міжвідомчий збірник (1975-1982 рр.). Науковий огляд. У співавт. (С. Боровий, З. Першина).// УІЖ, 1983, №10 (271); Проблемы экономической политики на Всеукраинских съездах Советов и сессиях ВУЦИК в середине 20-х годов // Региональные особенности экономической политики переходного периода в СССР. Сб. ст. -М., 1983; К вопросу о количестве городов и городских Советов в Украине в 20-е годы // Вопросы истории СССР. – Харків, 1985, Вып. 30; Некоторые вопросы межпартийных отношений в городских Советах Украины в 1920-1921 гг. // Советы Украины в период восстановления и реконструкции народного хозяйства (1921-1937) в послевоенной советской историографии // Вопросы истории СССР. – Харків, 1987, вып. 32; Городские Советы в 1920-30-е гг.

(Историография проблемы) // «Регионология». – Саранск, 1995, №2 (11); «Педагогічна діяльність академіка М. Є. Слабченка // Академік Михайло Єлисейович Слабченко. Наукова спадщина і життєвий шлях. – Одеса, 1995; Ради і здійснення національної політики в Україні в 20-ті роки // Вісник Одеського інституту внутрішніх справ. – Одеса, 1997, №3; Державницькі погляди Миколи Костомарова // Українська культура в іменах і дослідженнях. Наук. зап. Рівненського держ. ін-ту культури. Вип. 1. – Рівне, 1997; Проявлення тоталітарної системи (Из истории Одесского горсовета. 30-е годы XX в.) // Историческая память. вып. 1. – Одесса, 1999; «Лишенцы» // Одесский мартиролог. – Т.2. – Одесса, 1999; Позбавленці явні та приховані // Актуальні проблеми політики. Зб. наук. праць Одеської юридичної академії. вип. 5. – Одеса, 1999; Сталінські репресії проти одеської інтелігенції// Інтелігенція і влада. Вип. 1(2). Ч. 1. – Одеса, 2002; Дитяча безпритульність в Україні у світлі історичного досвіду // Південноукраїнський правничий часопис. – Одеса, 2006, №3; Дисциплінарно-товариські суди профспілок України у 20-х рр. XX ст.// Південноукраїнський правничий часопис. – Одеса, 2007, № 1; Інститут позбавленців в Україні // Південноукраїнський правничий часопис. – Одеса, 2008, № 4; Державність як запорука національного відродження України // Південноукраїнський часопис. – Одесса, 2009, № 3 та ін.

Красзнавці та історики добре знали Олександра Васильйовича як захисника української мови, чудового знавця минулого міста. Він приймав участь в діяльності одеського відділення «Меморіалу», СОБВ «Одессика». Члени редакційної ради альманаху, колеги та учні Олександра Васильйовича глибоко сумують за ним і висловлюють сердечне співчуття родині та близьким. Пам'ять про професора О. В. Гонтара залишиться назавжди в наших серцях.

*Редакційна рада альманаху
«Юго-Запад. Одессика – Південний захід. Одессика».*

ПІВДЕННИЙ ЗАХІД. ОДЕСИКА

Наукове видання

ПІВДЕННИЙ ЗАХІД. ОДЕСИКА

Історико-краєзнавчий науковий альманах

Випуск 15

Українською та російською мовами

Технічний редактор Л. Нарушевич

Коректор Н. Чолак

Обкладинка М. Балобанов

Підписано до друку 04.02.2013. Формат 60x84 1/16
Гарнітура Bodoni СТТ. Друк офсетний.
Фіз. друк. арк. 15,4. Ум. друк. арк. 14,3.
Наклад 300 прим. Зам. № 18-02.

Видавничо-поліграфічне підприємство «Друкарський дім»
Свідоцтво ДК2 № 1732 від 29.03.2004.
Одеса, вул. Садова, 3. Тел.: 32-82-04
E-mail: p_dom@tvweek.odessa.ua